

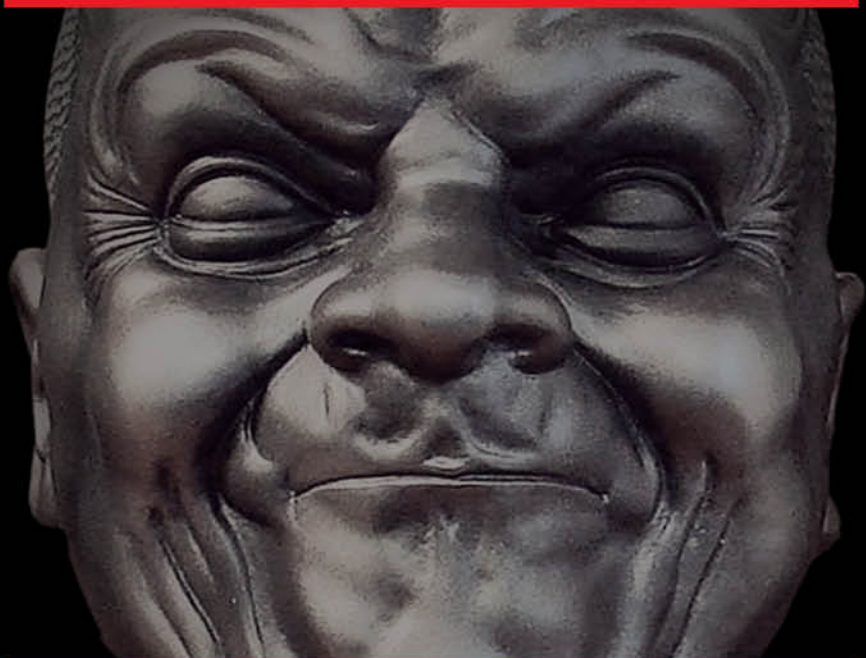

ЛЕВИАФАН

ЮРИЙ МУХИН

ЧУЖИЕ И СВОИ

**Русская власть от Екатерины II
до Сталина**

УДК 323
ББК 66.3(2)
М 92

Мухин Ю.И.

М 92 Чужие и свои. Русская власть от Екатерины II до Сталина / Ю.И. Мухин. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016 – 256 с. – (Левиафан).

ISBN 978-5-906861-13-9

Еще В.О. Ключевский отмечал, что в русском народе парадоксальным образом сочетаются уважение, даже преклонение перед властью – и ненависть к ней, доходящая до полного отторжения.

Свою новую книгу Юрий Мухин начинает с галереи русских правителей, военных и государственных деятелей с XVIII до XX веков: перед читателем предстанут Екатерина II, Потемкин и Суворов, Николай I и Николай II, Сталин. На их примерах автор показывает, за что любят или не любят власть в России.

Свои рассуждения Ю. Мухин подтверждает подробным анализом политики государства в отношении основной массы населения России – крестьянства – в эпоху правления Николая II, Ленина и Сталина.

УДК 323
ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-906861-13-9

© Мухин Ю.И., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

НЕДОСТАТКИ НАЧАЛЬНИКОВ

А. СУВОРОВ

Сразу скажу, что есть начальники, а есть мразь на месте начальников, да еще и тупая. Ради разнообразия я буду говорить не о таких начальниках — не о мрази. В этой работе я буду писать о нормальных начальниках.

В мои годы уже не осталось книг, весь текст которых был бы для меня незнакомым. Поэтому я не прочел, а только просмотрел работу В.С. Лопатина «Суворов и Потемкин», отметив, во-первых, малоизвестный мне взгляд на персонажей той эпохи, скажем, на того же А.В. Суворова, во-вторых, универсальность требований к начальникам во все времена. Вот и решил на фактах этой сугубо исторической работы и сам написать работу на достаточно необычную и в то же время банальную тему — на тему недостатков начальников. Ведь эта тема актуальна и сегодня, не так ли?

Надо сказать, что в книге Лопатина очень много документов той поры, поскольку Лопатин написал эту книгу, чтобы смыть с Потемкина грязь клеветы завистников той эпохи, а этих завистников у Потемкина — этого выдающегося государственного деятеля России — было хоть пруд пруди. Своей цели Лопатин, безусловно, достиг, а я воспользуюсь «нарытыми» им фактами для своей цели.

Итак, в книге Лопатина схематически и без больших подробностей, но достаточно четко описана «управленческая вертикаль», состоящая из высшего и очень своеобразного руководителя — императрицы Екатерины II. Далее —

из ее подчиненного, выдающегося государственного деятеля России Г. Потемкина, и затем — уже его подчиненного, выдающегося Воина (так точнее будет) России А. Суворова, который, в свою очередь, был начальником своих подчиненных. Екатерина, Потемкин, Суворов — по-настоящему выдающиеся и очень необычные люди России, это так. Но ведь ни на одного из них не получится написать икону без изрядных затруднений, поскольку и эти люди были не без недостатков.

Начну с младшего в этой троице — с Суворова.

Поскольку с Александра Васильевича написано очень много лубочных сусальных картинок, то начну с его главного и, возможно, единственного недостатка — необычайно большого, даже болезненного и, я бы сказал, рафинированного славолюбия. Рафинированного потому, что Суворов был Воин с большой буквы, то есть не жил там, где отдают всякие почести, — в столицах и высшем свете, — а жил там, где идет или готовится война. И поэтому потребность в своей славе потребностями в почестях не пачкал. Ему нужна была только слава! В чистом, рафинированном виде. Ему надо было, чтобы о нем все говорили, чтобы им все восхищались как великим полководцем.

Ведь Суворов очень медленно рос в должностях и по-настоящему начал претендовать на славу уже в очень преклонные годы, может, поэтому он жаждал чистой славы — славы как таковой.

А проблема со славой Суворова была в том, что императрица достаточно быстро исчерпала все прославляющие воина награды. (В те годы еще прекрасно понимали, что такое ордена, поэтому по десять одних и тех же цацек на грудь не вешали). Тем не менее, казалось бы, ну какие у Екатерины могли быть проблемы? Ведь универсальной и официальной при царях наградой были деньги и имения — давай ему деньги и имения! Но Суворову (кстати,

достаточно рачительному хозяину) деньги и имения были безразличны, ему было неважно, богат он или нет, ему, повторюсь, важно было, чтобы все считали его самым выдающимся в мире полководцем. А как это можно подтвердить или доказать деньгами? Никак!

Такой вот примечательный момент.

«Суворов разработал план укрепления границ, исходя из полученных при отъезде указаний, и немедленно приступил к его осуществлению. Однако присланные им сметы, требовавшие значительных ассигнований, не были утверждены. Отношения с Портой изменились в лучшую сторону, и с форсированным строительством крепостей можно было подождать». Что значит «приступил к осуществлению»? Это значит, Суворов, посланный строить укрепления, от своего имени заключил договоры с подрядчиками на строительство крепостей. И как быть теперь с этими договорами, на которые Петербургом не отпущены деньги, а подрядчики уже понесли затраты? «Суворов действовал решительно. Он послал Хвостову доверенность на продажу своих деревень, чтобы выплатить неустойку подрядчикам». Нет, думаю, Суворов был не прост и знал, что Екатерина его любит, но все же — каков! Ведь могла и не прореагировать. Но, правда, как и ожидалось, императрица прореагировала и распорядилась «отпустить двести пятьдесят тысяч из банка Графу Суворову Рымникскому».

Поэтому проблема, как наградить Суворова, довольно быстро стала острой, поскольку желание славы у Суворова было маниакальным. Вот встревоженная императрица посылает на подавление Пугачевского восстания и Суворова, еще не очень славного генерала, но подающего надежды и только что произведенного в генерал-поручики. Там уже с войсками Пугачева тяжело, но реально воевали генерал-аншеф А. Бибииков, генерал-поручики П. Голицын и П. Мансуров, генерал-майоры В. Кар, Ф. Фрейман, К. Вал-

ленштерн, А. Корф, И. Деколонг и особенно отличившийся подполковник Михельсон. Наконец, императрица добавила к ним и генерал-аншефа П. Панина.

Суворов так спешил, что выехал без вещей, о чем сообщил Потемкину, а тот — Екатерине. Та, разумеется, послала Суворову 6 тысяч рублей на «приодеться». Однако Суворов все равно не успел — к его приезду на театр военных действий уже наступила агония Пугачева. И Суворов рвется в погоню за Пугачевым, забрав у Михельсона кавалерию и этим опережая самого подполковника, но Пугачева уже предали близкие ему казаки, связали самозванца и повезли сдавать императрице. И как раз наткнулись на Суворова. Так Суворов «пленил» Пугачева. Естественно, что Суворова, в отличие от остальных участников подавления бунта, не наградили, возможно считая, что 6 тысяч рублей на костюмчик будет достаточно. И Суворов, бедный, несколько лет в письмах сетовал, что остался без награды за то, что Пугачева пленил.

Вообще-то, это славолюбие выглядит у Суворова болезненной манией, поскольку, скажем, от неудовлетворенности наградой за Измаил Суворов начал интриговать против Потемкина, перебежав в лагере врагов Потемкина фаворита Екатерины Платона Зубова. А ведь Суворов всегда хвастался своей честностью, а тут фактически предал Потемкина, своего давнишнего покровителя, который, по сути, и сделал из Суворова того, кем тот стал.

Как это объяснить? Я объясняю эту манию потребностью Суворова как Воина в предметном, овеществленном выражении полезности своей службы.

Ведь будь Суворов корыстным бандитом, он бы находил удовлетворение от сражений в материальных плодах войны — в грабеже или денежных наградах. Но его это не интересовало. Будь он садистом, то находил бы удовлетворение от сражений в убийствах, но он не был садистом,

мало этого, именно Суворову принадлежит вывод о том, что трусы жестокосердны. К примеру, разгромив восстание поляков (накануне еще и предавших Россию в войне с Турцией), он отпустил по домам восставших, хотя и войска жаждали мести за то, что взбунтовавшиеся поляки в Варшаве вырезали несколько тысяч безоружных русских, да и Екатерина считала полезным их наказать.

Нет, Суворов был идеальным Воином и ничего, кроме славы, не желал! Но уж ее желал — так желал! Ко всем и к каждому пустяку ревновал.

Вообще-то, принято считать Суворова выдающимся полководцем, и это так, но я бы считал его прежде всего самым выдающимся Воином в истории России, поскольку именно это свойство и сделало его самым выдающимся полководцем. Суворов жил сражениями, он жаждал их! Он не мог переносить мирную жизнь. Нет, он понимал, что войны ведутся для мира, но и в перерыве между войнами он искал себе военное дело — или крепости строить, или войска обучать, или экспедиции для нового военного похода готовить. Не балы и празднества, не подброшенные в воздух чепчики, а вот это было его!

Но главное — сражаться! Суворову по-своему повезло — век был очень беспокойный, насыщенный войнами, но ему и тех войн было мало. Он редко попадал в мирную жизнь (редко получал отпуска), но и в этих редких паузах Суворов маялся, не переноса такой жизни, и в письмах ныл, выпрашивая себе участие в каком-нибудь военном предприятии. Вот Суворову уже 54 года (по тем временам возраст уже очень не малый), в качестве отпуска или службы полегче его назначили командиром 6-й Владимирской дивизии, дислоцированной в тылу. А возле частей этой дивизии была, кстати, и его родовая усадьба, по которой у него после десятилетий отсутствия было множество дел. Казалось бы, служи и радуйся!

Но Суворов даже тут мается и забрасывает Потемкина письмами: «Я был в Санкт-Петербурге пасть к Высочайшим стопам и был принят милосердно. Ныне еду в мои деревни, прикосновенные расположению шестой дивизии. Приятность сей праздности недолго меня утешить может. Высокая милость Вашей Светлости исторгнет меня из оной поданием случая по Высочайшей службе, где я могу окончить с честью мой живот». Он сам понимает, что уже немолод, и, как видите, у него ясно выраженная мечта — умереть не в родовой деревне, а на поле боя.

Он всегда завидовал тем, кто сражался.

Вот Суворов в славнейшей Кинбурнской баталии отбил мощнейшую турецкую атаку на Кинбурнскую косу, расположенную у входа в Днепровско-Бугский лиман, напротив тогдашней турецкой крепости Очаков. В письме Потемкину он хвалит не только русских, что естественно, но и турецких солдат (о которых в нашей отечественной истории не очень высокое мнение): «Какие же молодцы, Светлейший Князь, с такими я еще не дрался; летят больше на холодное ружье...» В этом бою Суворов получил две раны, потерял много крови, но командования вверенными войсками не оставил. Потемкин пишет о нем императрице: «Над всеми ими в Херсоне и тут Александр Васильевич Суворов. Надлежит сказать правду: вот человек, который служит и потом, и кровью. Я обрадуюсь случаю, где Бог подаст мне его рекомендовать. Каховский в Крыму — полезет на пушку с равною холодностью, как на диван, но нет в нем того активитета, как в первом. Не думайте, матушка, что Кинбурн крепость. Тут тесный и скверный замок с ретраншементом весьма легким, то и подумайте, каково трудно держаться тамо. Тем паче, что с лишком сто верст удален от Херсона».

Однако через несколько дней в устье лимана вошел турецкий флот, наши его ждали. Лиман мелок и по этой

причине неудобен для больших парусных кораблей, которым нужны большие пространства для маневра. И Потемкин специально для войны в лимане приказал приостановить строительство парусных кораблей для Севастополя и в тайне построить гребной флот (большие лодки с одной пушкой на каждой). Турки вошли и начали пристраиваться для нападения на осадившие Очаков наши войска. И ночью хорошо замаскированная Суворовым и не замеченная турецким адмиралом на оконечности косы батарея открыла по турецким кораблям в лимане огонь и потопила 7 кораблей (1500 человек экипажа, 120—130 орудий). Мало этого, турки, в темноте не поняв, кто и откуда по ним стреляет, потеряли ориентировку и начали беспорядочно маневрировать, от этого их корабли начали садиться на мели. Григорий Потемкин тут же воспользовался случаем и послал громить ставшими неподвижными турецкие корабли лодками под командованием французского авантюриста, принца Нассау. Пять турецких линейных кораблей лодки принца сожгли и взорвали, один фрегат взяли на abordаж, турки отплыли под стены Очакова, но Нассау и тут их достал. Всего в этих боях было уничтожено 15 турецких кораблей (больше, чем на тот момент имел Черноморский флот в Севастополе). Победа была полная!

Да, но ведь это победа на море, а раненый Суворов сидел на берегу косы и как бы ничего не делал — у него только батарея стреляла. И он докладывает Потемкину: «Я только зритель; жаль, что не был на abordаже; Принцу Нассау мне остается только ревновать. Отправляю пленных в Херсон». Ну, посмотрите на него! Суворову только что одержанной победы в Кинбурнской баталии и двух ран мало! Ему, 57-летнему раненому победителю, еще и на abordаж хотелось! Он (уже признанный герой сухопутных сражений) еще и к славе моряков ревнует!

Надо подчеркнуть, что Суворов был выдающимся по культуре человеком, помнящим и использующим огромный по тем временам объем знаний, к примеру из его писем видно, что он изучил практически все мало-мальски заметные битвы в истории человечества. Кроме того, в начале карьеры он долго служил на тыловых и штабных должностях, то есть знал военное дело во всех его нюансах, на всю глубину и со всех сторон.

Вот запомнившийся мне момент. Во «второй» турецкой войне союзниками России была Австро-Венгерская империя, но она в ходе войны Россию предала — заключила с турками сепаратный мир. Русские войска, в том числе и корпус Суворова, действовавшие в отрыве от своих войск вместе с австрийцами, остались одни и могли быть подвергнуты ударам превосходящих сил турок. Встревоженная Екатерина шлет гонца к Потемкину с известием о выходе Австрии из войны, Потемкин тут же шлет гонца к Суворову, чтобы тот был начеку. А Суворов отвечает шефу, что он к этому готов, поскольку его собственная разведывательная агентура сообщила ему об этом предательстве еще два дня назад. Как видите, Суворов прекрасно понимал роль разведки, судя по всему, она у него была поставлена на очень высоком уровне, поскольку нет сведений, что Суворова какой-то противник смог взять врасплох хотя бы на начальной стадии сражения.

Поэтому можно сказать, что вот грамотным был Суворов, поэтому и был великим полководцем. Академии, академии надо заканчивать! Не соглашусь! Суворов был великим Воином и только поэтому стал грамотным, только поэтому стал великим полководцем.

Потемкин и Екатерина в Суворове это хоть и поздно, но распознали и использовали. Вот строки из письма Потемкина императрице после победы Суворова при

Рымнике: «Он на выручку союзных обратился стремительно, поспел, помог и разбил. Дело все ему принадлежит, как я и прежде доносил. Вот и письмо Кобурхово, и реляция. Не дайте, матушка, ему уныть, ободрите его и тем зделаете уразу генералам, кои служат вяло. Суворов один. Я, между неограниченными обязанностями Вам, считаю из первых отдавать справедливость каждому. Сей долг из приятнейших для меня. Сколько бы генералов, услыша о многочисленном неприятеле, пошли с оглядкою и медленно, как черепаха, то он летел орлом с горстиею людей. Визирь и многочисленное войско было ему стремительным побегением. Он у меня в запасе при случае пустить туда, где и Султан дрогнет!»

Да, Суворов был удивителен тем, что жаждал сражений. Другие жаждали тихой жизни, больших имений, денег, почестей, а он — сражений!

Ведь под Измаилом тогдашние известные генералы русской армии (да и выслугой они были старше Суворова) бросили Измаил осаживать, поскольку не имели надежд взять эту первоклассную крепость с гарнизоном, превосходящим по численности русские войска вокруг крепости. Расстреляв артиллерийские огнеприпасы, командовавшие русскими осадными войсками генералы Репнин, Гудович и дальний родственник Григория Потемкина — Павел Потемкин начали отводить войска от крепости в тыл. И вот тогда фельдмаршал Григорий Потемкин воспользовался «запасом» — отдал командование осадными войсками Суворову. Тот немедленно вернул все войска к крепости, 2 декабря сам прибыл под Измаил, а 11 декабря взял крепость штурмом. Не верили турки, что кто-то сможет на штурм Измаила решиться и взять его вот так — без длительного строительства батарей, траншей, подкопов.

А войска Суворова через неделю подготовки и через два часа после начала штурма уже стены крепости заняли!

Как и не было сильнейшей крепости Европы и гарнизона, превосходящего осаждающих численностью.

Безусловно, полководческое искусство Суворова заключалось и в его знаниях, и в умении (он, к примеру, построил копии стен Измаила и сначала на них штурм отпетировал), но от его знаний и умения не было бы толку, если бы он не был Воином — не стремился сражаться.

Строго говоря, он удивляет и как руководитель. К примеру, несколько раз в его письмах с просьбой атаковать противника встречаются заверения, что у него все для этого есть. Вот для начальников это уж очень нетипично! А если ты потерпишь поражение, то чем оправдаешься, если у тебя все было для победы? Ну как так можно безрассудно отрезать себе пути к оправданию? — скажет любой нормальный начальник. Но ведь Суворов этим заверением не только себе отрезал пути назад, он отрезал их и начальникам — он не давал начальнику отказать Суворову сражаться! Что тут скажешь — Воин!

Хорошо, — скажут мне, — для начальства он был хорош, а как для своих подчиненных? А почему он должен был быть плохим для таких подчиненных, как он сам? Кто будет жаловаться на начальника, если под его руководством побеждаешь?

Но если не отвечать вопросом на вопрос, то для подчиненного тот начальник хорош, за которым «служба не пропадает», — кто награждает добросовестных и умелых. Вот после Рымника Суворов просит у Потемкина наград для своих подчиненных: «Светлейший Князь, Милостивый Государь! Дерзаю приступить к позволенному мне Вашей Светлости. Действительно боюсь, чтоб не раздражить... другой список так же не мал, но, Милостивый Государь! где меньше войска, там больше храбрых. Последуйте Вашему блистательному великодушию». Заметьте, что это не про-

сто дежурная просьба, а Суворов уже по второму разу просит наград для своих подчиненных.

Да. Было у Суворова то, что можно считать недостатком, — уж очень славолюбив был Суворов. Ну и что? Ну, создавало это некоторые трудности его начальникам в общении с ним, были трудности в общении с некоторыми коллегами, обходившими его в чинах, возможно, славолюбие как-то сказывалось на его подчиненных (хотя и непонятно, как, поскольку, по воспоминаниям служивших с ним, Суворов был очень прост в жизни и общении с подчиненными).

Но кому придет в голову затенить этим недостатком то, что А.В. Суворов был лучшим Воином России?

Г. Потемкин

Если теперь заняться начальником Суворова, Григорием Потемкиным, то нужно понимать, что теоретически у Потемкина недостатки, как и у всех людей, были, но вот выделить эти недостатки в чистом виде очень трудно, даже если брать в основу клевету на Потемкина, в которой все недостатки, по идее, должны быть учтены.

Вот, скажем, давайте разберем сибаритство Потемкина, его стремление к роскоши. Был такой недостаток? Ну, был. Но ведь надо понимать, что после того, как Потемкин стал фаворитом Екатерины II (и до самой своей смерти Потемкин был фактическим соправителем России, кем-то вроде тайного, теневого императора), в этой своей роли он подбирал на должности людей, и подбирал самых способных, отбраковывая тупых и ленивых, при этом создавая из тупых и ленивых партию своих противников. При наличии дворянства, особенно при наличии в государстве родовой аристократии, претендующей на власть по праву сво-

его рождения, при любом деятельном руководителе страны у этого руководителя будет оппозиция — будет лагерь противников. Такой лагерь противников был и у Потемкина. И для ободрения своих сторонников ему требовалось показать им, что он, Потемкин, очень силен. Очень! Что они попали в лагерь к очень сильному покровителю.

А по тем временам никто не понимал иного вида силы правителя, кроме его богатства.

В этом смысле мне вспоминаются когда-то читанные сетования революционера-народовольца, «ходившего в народ» и призывавшего уже освобожденных от крепостной зависимости крестьян к бунту. Так вот, по признанию этого революционера, довод о богатстве царя, о роскоши его дворцов даже на нищих русских крестьян никак не действовал и вызывал недоумение: «А как может быть иначе? Ведь это царь, защитник народа! Защитник обязан быть силен, а сила в богатстве!» С точки зрения крестьян, помещики — бездельники и несправедливо живут в роскоши — это так. Но царя не трожь!

Надо понять, что в те времена начальнику косить под скромного демократа было бесполезно — этого никто бы не понял и не оценил. И Потемкин показом своего богатства, показом роскоши ободрял всех тех, кто был с ним, кто был предан ему и России.

Личные же стремления Потемкина к деньгам или к славе, как у Суворова, были, скорее всего, не велики.

Вот он, уже тайный муж Екатерины II, за личное командование войсками в битвах турецкой войны в 1774 году стал кавалером ордена св. Андрея Первозванного. Это был хотя и высший орден государства, но универсальный, дававшийся и за военные, и за гражданские заслуги, а членам императорской фамилии — и просто по факту рождения. Но в следующем году, после заключения с турками мира, стали награждать всех участников войны уже за по-

беду во всей войне. Потемкин милостью Екатерины стал только графом, поэтому прямой воинский начальник Потемкина фельдмаршал Румянцев по итогам войны представил Потемкина, командовавшего войсками в минувшей войне и победителя при Селистрии, к награждению орденом св. Георгия 1-й степени. То есть к награждению высшей степенью сугубо военного и по этой причине самого почетного ордена России.

Но эта высшая боевая награда тогда давалась лишь за выдающиеся победы в битвах, а не за заслуги вообще, и Потемкин отказывается от Георгия 1-й степени, чтобы не дискредитировать этот орден — не брал он в 1775 году никаких крепостей, следовательно, подобной награды не достоин. А такой поступок, согласитесь, показывает отсутствие у Потемкина алчности к наградам, а это уже довольно редкое явление.

С другой стороны, если бы после Потемкина ничего не осталось, кроме воспоминаний о том, как он сорил деньгами (как щук ловил, за амфорами нырял или журавлей в полет провожал), то это одно. Но ведь Потемкин оставил после себя огромный край, присоединенный к России. Да ведь и не это главное, поскольку в этом присоединении ценными были не земли (которые тоже были хороши), а окончание многовековых набегов татар на Россию. Главным было установление границ России не по «засечной линии», ненадежной и требовавшей огромных затрат на свое содержание, а на удобных берегах Черного моря.

Потемкин — это выдающаяся защита русского народа от увода в татарское и турецкое рабство.

Потемкина упрекают, что он замахивался «на куски, которые не мог проглотить», то есть планировал больше, чем у России было ресурсов. Да, было такое, ну и что? Ведь за то, что он все же сделал, хватило бы отлить памятники сотням человек.

Вот Австрия смалодушничала, предала и вышла из войны, отдав туркам все, что успела завоевать с помощью России. Европа со всей силы давит на Екатерину, чтобы и Екатерина отдала туркам все завоеванное, включая Крым. Женщина на троне паникует. Но с юга доносится требовательный мужской голос Потемкина: «Булгакову в Варшаве говорить должно одним со мною языком. Ваши же пословицы, что надлежит двери быть или запертой или отворенной, ни да ни нет, не годятся никогда, ибо они предполагают робость, что видя враждующие нам еще смелее пакостить будут... Первое. Я Европы не знаю: Франция с ума сошла, Австрия трусит, а прочие нам враждуют. Завоевания зависят от нас, пока мы не отреклись... И что это, не сметь распоряжаться завоеваниями тогда, когда другие сулят наши владения: Лифляндию, Киев и Крым! Я Вам говорю дерзновенно и как должно обязанному Вам всем, что теперь следует действовать смело в политике. Иначе не усядутся враги наши, и мы не выберемся из грязи».

Потемкин вооруженной рукой защищал Новороссию, Потемкин же и строил Новороссию с невиданными по тем временам темпами. Через четыре года после закладки город Екатеринославль уже отличался «благосостоянием», Херсон оцетинился прекрасной крепостью и кипел работами на верфях, строя корабли Черноморского флота. Приглашались колонисты со всей Европы, запрещено было выдавать с Новороссии беглых крепостных, и через 20—30 верст в Новороссии уже зарождались села. Строились фабрики, сажались леса, закладывались виноградники, и заводилось шелководство. Потом было подсчитано, что в среднем Потемкин ежедневно писал свыше 20 деловых писем и приказов. А ведь надо было эти письма и приказы обдумать, принять по всем вопросам решения и потом обдумать, как эти решения внедрить в жизнь. Сибарит, говорит, был? Очень мало у России было таких сибаритов.

Узнав о смерти Потемкина, Екатерина потеряла сознание, а потом написала: «Снова страшный удар разразился над моей головой. ...Князь Потемкин Таврический умер в Молдавии от болезни, продолжавшейся целый месяц. ... Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца. Цели его всегда были направлены к великому. ...Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить. ... По моему мнению, Князь Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать...»

Ну, ладно, — скажут мне. — Екатерина его любила, а что толку было подчиненным от его суеты?

Начнем с тех подчиненных, до которых обычно никому нет дела, скажем, не было до них дела тому же фельдмаршалу Румянцеву. Ведь только Потемкин одел русскую армию так, чтобы было удобно воевать, именно он убедил императрицу не слушать поклонников прусской школы среди русского генералитета: «В России же, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные с педантством тогдашнего времени, а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и прочее. Занимая себя таковой дрянью, и до сего еще времени не знают хорошо самых важных вещей, как-то: марширования, разных построений и оборотов, а что касается до исправности ружья, тут полирование и лощение предпочтено доброте, а стрелять почти не умеют. Словом, одежда войск наших и амуниция таковы, что придумать еще нельзя лучше к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в тридцать лет уже почти узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих. Красота одежды военной состоит

в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением. Платье должно служить солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно плод роскоши, требует много времени и иждивения и слуг, чего у солдата быть не может».

Сегодня в российской армии, как невиданное достижение, заменили портянки носками. А что изменилось со времени Потемкина, когда именно Потемкин менял солдатские чулки на портянки? Только то, что Потемкин знал цену этим солдатским носкам и объяснял Екатерине: «Просторные сапоги пред узкими и онучи или портянки пред чулками имеют ту выгоду, что в случае, когда ноги намокнут или вспотеют, можно в первом удобном времени тотчас их скинуть, вытереть портянкою ноги и, обвертев их опять сухим уже оной концом, в скорости обуться и предохранить их тем самым от сырости и ознобу. В узких же сапогах и чулках то учинить никак не можно...» В носках нога трется о носки, даже если носки целые, а прочная портянка туго охватывает ногу, и о кожу обуви трется сама портянка, а не нога.

Хорошим подчиненным с Потемкиным служить было в удовольствие, чему примером был Суворов. Вот в вышеприведенной цитате письма от Потемкина Екатерине есть строки: «Я, между неограниченными обязанностями Вам, считаю из первых отдавать справедливость каждому. Сей долг из приятнейших для меня». Ну, ладно, — скажут мне, — заливает Потемкин про то, что награждать подчиненных — для него самый приятный долг.

Но ведь это действительно было так.

Был случай, когда в награждение Суворова вмешалось получение чинов по старшинству — положение, действовавшее, кстати, не только в России. По этому положению офицерам и генералам нельзя было дать следующий чин, если его не получили те, кто возведен в прежний чин

раньше. Поэтому, несмотря ни на какое доверие Потемкина и уже благожелательное к себе отношение Екатерины, Суворов звание генерал-аншефа не получил раньше, чем его получили все генерал-поручики, ставшие генерал-поручиками раньше Суворова. Но, оказывается, это положение старшинства при Екатерине действовало и на ордена. И не могла императрица наградить Суворова за Кинбурн, скажем, высшей степенью ордена св. Георгия или высшим орденом империи (св. Андрея Первозванного) потому, что были генералы, получившие звания генерал-аншефов раньше Суворова и этих наград не имевшие. И императрица предлагает Потемкину наградить Суворова деньгами.

Но «светлейший князь», поняв, что нужно Суворову, пишет императрице: «Все описав, я ожидаю от правосудия Вашего наградить сего достойного и почтенного старика. Кто больше его заслужил отличность?! Я не хочу делать сравнения, дабы исчислением имен не унижить достоинство Св. Андрея: сколько таких, в коих нет ни веры, ни верности». («За веру и верность» — девиз ордена Андрея Первозванного.) Потемкин продолжал: «И сколько таких, в коих ни службы, ни храбрости. Награждение орденом достойного — ордену честь. Я начинаю с себя — отдайте ему мои...» Убедил Потемкин Екатерину, возможно, тем, что, как видите, предложил для награждения Суворова снять звезду и ленту ордена со своей груди. И 9 ноября 1787 года последовал ответ: «Я, видя из твоих писем подробно службу Александра Васильевича Суворова, решилась к нему послать за веру и верность Св. Андрея, который сей курьер к тебе и повезет». (От злости и обиды, что Суворов уже награжден этим орденом, а они нет, некоторые генерал-аншефы подали в отставку.) А Потемкин по поводу награждения Суворова высшим орденом империи написал Суворову три записки, и все примерно вот такого содержания: «За Богом молитва, а за Государем служба не пропадает. Поздравляю

Вас, мой друг сердешный, в числе Андреевских кавалеров. Хотел было я сам к тебе привезти орден, но много дел в других частях меня удержали. Я все сделал, что от меня зависело. Прошу для меня об употреблении всех возможных способов к сбережению людей... А теперь от избытка сердца с радостью поздравляю... Дай Боже тебе здоровья, а обо мне уже нельзя тебе не верить, что твой истинный друг Князь Потемкин Таврический. Пиши, Бога ради, ко мне смело, что тебе надобно».

И надо понять искреннюю радость Потемкина от награждения Суворова. Ведь это Потемкин нашел Суворова, Потемкин Суворова оценил и продвинул, поэтому победа в Кинбурнской баталии — это и лично Потемкина победа. Кто из историков это понимает? Да что историки? Кто это понимает из числа того начальственного быдла, которое подлостью залазит в начальственные кресла?

Не думаю, что Потемкин никогда не ошибался с подбором подчиненных — «чужая душа — потемки». И назначение людей на должность — это такое дело, с которым ошибки случаются чаще всего. Тем не менее предвидения Потемкина порою удивляют.

Одно время у него адъютантом по военно-морским делам был лейтенант флота Дмитрий Сенявин. Потом Сенявину доверили боевой корабль и первым в истории России кавалером 4-й степени с бантом (за боевые заслуги) только учрежденного ордена Св. Владимира стал капитан-лейтенант Д. Сенявин. Однако в 1791 году контр-адмирал Ф. Ушаков приказал для комплектации новых судов с каждого корабля отослать несколько лучших матросов. Капитану второго ранга Сенявину лучших матросов стало жалко. Ну, жалко! Послал не лучших. Но адмирал тоже знал, кто у него в эскадре «ху», рассердился и арестовал Сенявина за ослушание, решив понизить Сенявина в чине. Потемкин начал просить Ушакова за Сенявина, и Ушаков не смог Потем-

кину отказать. Тот поблагодарил Ушакова: «Федор Федорович. Ты хорошо поступил, простив Сенявина. Он будет со временем отличным адмиралом и даже, может быть, превзойдет самого тебя». И как в воду глядел Потемкин: превзошел Сенявин Ушакова или не превзошел — это вопрос к специалистам. Но вот то, что из Сенявина адмирал получился отличный, — этого у Сенявина не отнимешь.

И можно понять Суворова, восторженно написавшего в 1789 году о Потемкине: «Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Щастье мое за него умереть!»

ЕКАТЕРИНА II ВЕЛИКАЯ

А теперь перейдем к очень непростому руководителю — к императрице Екатерине II.

Недостаток Екатерины II уже несколько столетий множество историков, писателей и кинематографистов смакует и смакует — формально получается, что императрица была, как это говорится в народе, «слаба на передок». Любовников, или, как их тогда почтительно звали, фаворитов, у нее было за двадцать, причем последний, Платон Зубов, стал любовником Екатерины, когда императрице было уже 70, а ему 22. Что тут сказать? Алле Пугачевой есть еще куда творчески расти.

Я не специалист сексопатологии, характеристики в этом вопросе могу дать только простые, мужицкие, однако меня в сексуальной жизни Екатерины II смущают некоторые непонятные мне подробности. Во-первых, целый ряд фаворитов был для нее не просто рядом кобелей, а она их действительно любила, особенно в своей относительной молодости. Да и с тем же Григорием Орловым она прожила 12 лет, имела с ним сына и, продолжая его любить, прощала

Григорию многочисленные измены. С Потемкиным вообще отдельная история, но вот, скажем, любовь ее к Ланскому, который был моложе Екатерины на 29 лет. Когда Ланской умер, императрица настолько сильно переживала, что сама оказалась близка к смерти. Закрывшись в своих комнатах, она перестала выходить и встречаться с кем-либо и впала в такую глубокую депрессию, что соратники запаниковали и вызвали с юга Потемкина, который несколько месяцев терпеливо проявлял чудеса изобретательности, чтобы расшевелить императрицу, вернуть ей интерес к жизни и этим заставить вернуться к государственным делам. Только через два месяца после смерти Ланского Екатерина впервые вышла из своих комнат к обедне в церковь, и лишь через полгода привлеченный Потемкиным к лечению красивый адъютант Потемкина Ермолов сумел обратить внимание Екатерины II на себя как на мужчину.

С этим делом как бы еще понятно — если древние старички влюбляются в юных девочек, то почему бы и бабушкам не влюбляться в юных мальчиков? Может быть, и так может быть.

Однако мне совершенно не понятно то, что и фавориты тоже искренне любили Екатерину как любовницу, причем и далеко не в молодом ее возрасте. Да, были фавориты, которые стремились к деньгам, участвовали в интригах, но, к примеру, тот же Ланской ничего у Екатерины не просил и никакой политикой не занимался — он просто любил Екатерину, страдая от ее измен. Или возьмите Завадовского, адъютанта Потемкина, которого Потемкин оставил Екатерине после себя в связи с необходимостью самому присутствовать в Новороссии. Екатерине было 47 лет, Завадовский был на 10 лет моложе, но когда они расстались, Завадовский, по словам современников, чрезвычайную эту разлуку переживал и еще 10 лет не женился.

Изумляет и поведение фактических тайных мужей Екатерины II. Когда Екатерина после 12 лет совместной жизни с Григорием Орловым и множества его измен, в конце концов, охладела к этому мужу, то именно Орлов нашел ей достойную замену себе — Григория Потемкина. Дальше — больше. Потемкин начал, в свою очередь, поставлять любовников этой своей тайной жене — все фавориты Екатерины после Потемкина были из его свиты (кроме последнего — Платона Зубова).

Как это понять?

Как бы то ни было, но такое обилие фаворитов — часть из которых просто зарилась на деньги, часть лезла в государственные дела, — это, безусловно, было недостатком императрицы, поскольку казна государства и государственные должности не для таких целей предназначаются.

Однако, как я уже когда-то об этом писал, Екатерина была Женщиной с большой буквы (как Суворов был Воином с большой буквы). Сейчас такие Женщины — большая редкость, а раньше их было больше.

Как это надо понимать — кто такая Женщина с большой буквы? Это та, возле которой мужчина чувствует себя Мужчиной. А для мужчины это чувство является высшим удовлетворением, в связи с чем Женщина может воодушевить Мужчину на любые, даже самые тяжелые и опасные дела, и он будет счастлив тем, что Женщина именно ему эти дела поручила и что он делает эти дела потому, что их захотела Женщина. Ведь, собственно, фавориты Екатерины (кроме двух Григориев — Орлова и Потемкина) — это все же любовники, и только. Но возле Екатерины встали и были счастливы ей служить и другие мужчины, не являвшиеся ее любовниками и не претендовавшие на это, скажем, все остальные братья Орловы, Безбородко, Румянцев, Бецкой и многие другие. И это только Мужчины возле Ека-

терины у трона. А сколько было таких, как Суворов, изредка встречавшихся с Екатериной?

Меня особо впечатляет русский флот тех времен. Ведь начиная со второй половины XIX века по наше время на «подвиги» флота России (даже у своих берегов) без слез взглянуть нельзя. А тогда! Алексей Орлов громит турок аж на Средиземном море, адмирал Чичагов громит шведов на Балтике, адмирал Ушаков громит турок на Черном море. Откуда что бралось, если матросами и офицерами большей частью все еще были не морские волки, а пехота, по необходимости посаженная на корабли и никогда до этого моря не видавшая? Да и адмирал Сенявин, сначала громивший французов на берегах Средиземного моря, а потом разгромивший турецкий флот в Эгейском море, тоже ведь был из екатерининской эпохи.

Так уж случилось, что именно Екатерине пришлось вершить великие дела, но как ни сильна она была как Женщина, но она все же была не более, чем женщина. И этим она была слаба, и поэтому ей нужен был мужчина, за которого она могла бы спрятаться. Речь идет не о ее жизни как таковой — личных защитников у нее всегда было достаточно. Этой женщине нужно было спрятаться за мужчину при решении тяжелых государственных вопросов — ей нужен был тот, кто принял бы на себя ответственность за поиск путей их решения и нашел бы их. Григорий Орлов, ее длительная настоящая любовь, был надежным защитником ее жизни, но на государственного деятеля он не тянул — не увлекали его государственные дела. А вот Григорий Потемкин оказался тем, кто и нужен был, — он оказался способен руководить Россией и снимать с Екатерины головную боль тяжести государственных решений.

А теперь оцените, что на долю этой женщины выпало как на руководителя государства.

У нас столетиями обывателю внушается, что турки — очень слабый противник. Да, это правильная пропаганда, она нужна, чтобы не бояться этого противника, но это пропаганда. На самом же деле это не так. А по тем временам Османская империя была огромнейшим и мощнейшим государством, занимавшим чуть ли не все берега Средиземного моря, Аравийского полуострова и территории на востоке вплоть до Каспийского моря. На западе границы Османской империи проходили у Вены. Уже на начало XVIII века численность населения Османской империи оценивалась в 30 миллионов человек, а у России, по переписи 1719 года, — всего 15,7 миллиона. Когда Екатерина вступила на царство, то численность населения России (в границах 1720 года по переписи 1763 года) была всего 21,4 миллиона человек.

До этого Османская империя без проблем справлялась с Россией — в 1711 году русская армия под водительством Петра I потерпела поражение от турок на реке Прут, Русско-турецкую войну, которую Россия вела в союзе с Австрией в 1735—1739 годах, Турция выиграла, лишив Австрию Сербии и Валахии, а Россию — Азова.

И вот в царствование Екатерины в мире сложилась очень удачная обстановка — у всех тогдашних крупных стран Европы были нерешенные военные проблемы. Англия, с одной стороны, застряла в войне с новообразовавшимися США, с другой стороны, пользуясь этим случаем, Франция и Испания штурмовали Гибралтар, пытаясь отнять его у Англии и приобрести в свое владение.

Турция оставалась без союзников, зато к союзу с Россией удавалось привлечь Австрию. Автономный Крым бунтовал против своего хана — народ Крыма устал от распри и неурядиц и был согласен войти в состав России, Грузия, натерпевшись от власти турок, в очередной раз просилась в состав империи. Ну как было упускать такой случай?!

Однако как было женщине самой решиться на обострение отношений с грозной Османской империей, на обострения, неминуемо приводящие к войне?

Но у этой женщины уже был мужчина, который был не меньшим фанатиком Великой России, нежели сама императрица. У Екатерины II уже был Потемкин, а на него в этом вопросе можно было положиться — за его широкой спиной (за его умом и волей) и женщина, которую угораздило стать императрицей, могла быть спокойной.

От Самойлова, участника тайного венчания Екатерины с Потемкиным, сохранилась информация — когда читавший при венчании «Апостола» Самойлов дошел до слов: «Да убоится жена мужа своего», — Самойлов не решился их произнести и взглянул на императрицу. Та решительно кивнула головой: «Да убоится!» Она устала быть одинокой правительницей огромной империи, она хотела иметь того, кого она могла бы «убояться».

И этот штрих венчания Екатерины — вряд ли легенда.

Екатерина многие годы подряд переписывалась с немецким публицистом бароном Фридрихом Гриммом. В 1785 году Екатерина написала Гримму: «Я глубоко убеждена, что у меня много истинных друзей. Самый могущественный, самый деятельный, самый проникательный — бесспорно фельдмаршал князь Потемкин. ...И надо отдать ему справедливость, что он умнее меня, и все, что он делал, было глубоко обдуманно».

Не менее интересна и оценка отношения Екатерины к Потемкину его врагом — последним любовником Екатерины Платоном Zubовым, думавшим только о личном богатстве и сетовавшим, что он на месте фаворита только из-за Потемкина не стал еще вдвое богаче: «Хотя я победил его наполовину, но окончательно устранить с моего пути никак не мог. А устранить было необходимо, потому что им-

ператрица всегда сама шла навстречу его желаниям и просто боялась его, будто взыскательного супруга. Меня она только любила и часто указывала на Потемкина, чтоб я брал с него пример». Когда Потемкин умер, Екатерина горестно сообщала Гримму: «Теперь вся тяжесть правления лежит на мне».

Это отнюдь не значит, что Екатерина при Потемкине манкировала своими обязанностями императрицы и сама не управляла, бросив Россию на Потемкина. Нет, императрицей была она, а поскольку эта Женщина была и просто женщиной, то Потемкину не всегда было с ней легко.

Лопатин сообщает, что сохранились сделанные уже во взрослые годы воспоминания Федора Секретарева — сына камердинера Потемкина. Десятилетний Федя был невольным свидетелем спора Потемкина с Екатериной: «Князь ударил рукой по столу и так хлопнул дверью, уходя из покоев, что задрожали стекла. Императрица разрыдалась. Заметив испуганного Федю, улыбнулась ему сквозь слезы и сказала: “Пойди посмотри, как он?” И Федя идет на половину Потемкина, который сидит за столом в мрачном раздумье. Мальчику удастся привлечь его внимание. “Это она тебя послала—?” — спрашивает Потемкин. Простодушное детское отпирательство, слова Феди о том, что “она плачет, сокрушается, что надо бы пойти утешить ее”, поначалу вызывают суровую реплику: “Пусть поревет!” Но вскоре князь смягчается и идет мириться».

Интересно и то, чем эта конкретная ссора была вызвана.

Екатерина, сама немка, после того как Пруссия начала пакостить России в тяжелейшей войне с Турцией, возненавидела пруссаков и шла с ними на обострение отношений, которое могло закончиться войной. Такое поведение немки на российском троне — это обычное дело для Рос-

сии, в истории которой много случаев, когда иностранцы или инородцы становились более русскими, чем сами русские. Так вот, в приведенном случае Потемкин требовал от Екатерины, чтобы она написала королю Пруссии примирительное письмо и этим не дала спровоцировать Россию на войну с пруссаками. Екатерина, как видите, отказывалась, а Потемкин вот так настаивал — до ее слез.

И 18 октября 1789 года Екатерина II устало пишет Потемкину: «Постарайся, мой друг, сделать полезный мир с турками, тогда хлопоты многие исчезнут, и будем почтительны: после нынешней твоей кампании сего ожидать можем. ...Александру Васильевичу Суворову посылаю орден, звезду, эполет и шпагу бриллиантовую, весьма богатую. Осыпав его алмазами, думаю, что казист будет. А что тунеядцев много, то правда. Я давно сего мнения. Что ты замучился, о том жалею: побереги свое здоровье, ты знаешь, что оно мне и Государству нужно... Христос с тобою. Будь здоров и щастлив... Мы пруссаков ласкаем, каково на сердце терпеть их грубости и ругательством наполненные слова и поступки, один Бог весть...»

И в другом письме: «Вся жизнь моя была посвящена поддержанию блеска России и потому не удивительно, что обиды и оскорбления ей наносимые, я не могу терпеть молча и скрывать их...»

Вся жизнь ее была посвящена блеску России...

И это можно оспорить?

Да, были у Екатерины II указанные выше недостатки. Но она приняла Россию с 21,4 миллиона человек населения, а перед смертью Екатерины II, в 1796 году, ревизия показала, что численность населения даже в старых границах 1720 года выросла до 29,2 миллиона человек, а вообще во всей империи Екатерины уже проживало 37,5 миллиона человек. То есть за 43 года с 1719-го население выросло на

27%, а за 34 года правления Екатерины население России выросло на 75% — почти удвоилось, и Россия стала самым большим по всем параметрам государством Европы. И такой Россия стала не только из-за присоединения к империи иных народов. Несмотря на непрерывные войны, число православных в империи выросло с 20,0 миллионов человек в 1762 году до 30,9 миллиона в 1795-м. К концу правления императрицы даже в старых границах 1720 года число великороссов, малороссов и белорусов увеличилось практически вдвое:

- великороссов — с 11,1 миллиона до 20,1 миллиона;
- малороссов — с 2,0 до 4,7 миллионов, а с учетом освобожденных на присоединенных землях — до 8,2 миллиона;

- белорусов — с 0,38 до 0,66 миллиона.

Вот вам и немка, вот вам и слаба на передок.

* * *

В итоге. Мы рассмотрели вертикаль власти типа вертикали «Путин—Медведев—Шойгу». Правда, если путино-медведевская вертикаль власти не имеет недостатков и народ ее безумно любит, о чем свидетельствуют рейтинги и результаты голосования, то у екатерининской вертикали недостатки явные. Действительно, трудно писать иконы со всех трех рассмотренных руководителей — Екатерины II, Г. Потемкина и А. Суворова: у каждого из них есть свои недостатки.

Тем не менее в те времена всем, кому, как и Екатерине, нужен был «блеск России», работать и жить с этими начальниками было хорошо. Ну а тем, кому блеск России был безразличен, им эти начальники были бы плохи, даже если бы Суворов, Потемкин и Екатерина II не имели никаких недостатков.

НИКОЛАЙ I И ЕГО «ЧЕКИСТЫ»

У российского императора Николая I в память от агитпропа КПСС осталось прозвище «Палкин», типа страшным был садистом и держимордой этот император — всех «держал и не пушал». Может быть, что-то в этом и есть, но при более близком знакомстве с деятельностью этого царя привычная картина смазывается деталями, к примеру тем, что этот царь, как никто иной, стремился завести в России инженеров и «быстрых разумом ньютонов», но в этой моей работе не об инженерах речь.

Отца Николая I убили дворяне-заговорщики, начало его собственного царствования в декабре 1825 года ознаменовал бунт дворян, который пришлось подавить с кровью, поэтому и неудивительно то, что Николай I делу государственной безопасности придал правильную, регулярную форму. Николай создал специальный государственный орган (III отделение его канцелярии) и корпус жандармов, то есть специально создал службу, чьей специальностью была защита государственной безопасности не извне, а изнутри государства.

Причем возглавил эту службу (образно говоря, ЧК Николая I) не какой-то прохвост из Петербурга, носивший портфели за столичным градоначальником, а Александр Христофорович Бенкендорф — боевой генерал-кавалерист, партизан Отечественной войны 1812 года, только на территории России взявший в плен более 6000 французов во главе с тремя французскими генералами. И дальше дравшийся с войсками Наполеона уже в Европе, где он очищал от французов Германию, Бельгию и Голландию и только в одном из боев взял у французов 24 пушки и освободил 600 пленных англичан. Он был кавалером ордена св. Георгия 4-й и 3-й степеней — знакомым с отечествен-

ной военной историей, эти награды многое могут сказать о храбрости Бенкендорфа.

Собственно, то, что в области госбезопасности создавал император Николай, повторили в 1917-м большевики, создавая ЧК во главе с Дзержинским. И пожалуй, только с этим ЧК (занимавшейся и восстановлением движения по железным дорогам, и спасением беспризорников) николаевскую службу безопасности и можно сравнить, поскольку сравнить ее с КГБ или ФСБ будет оскорблением для тогдашних жандармов. Будучи реальными слугами государства, Николай I и Бенкендорф (как и в начале XX века большевики), начав создавать эту службу, встали перед проблемой постановки перед этими органам задачи — чего жандармы обязаны добиться в конечном итоге?

Я пишу, чтобы был повод показать секретную инструкцию Бенкендорфа, в которой он озадачивал жандармов России, — в которой он внятно разъяснил, для чего жандармы нужны императору и как выглядит внутренняя безопасность государства. Я никогда ранее об этой инструкции не слышал, а она по-своему поразительна, но рассматривать эту инструкцию я буду далее, а начать хочу с показа реальной работы по этой инструкции реального императорского чекиста.

Приколист в жандармах

Итак, инструкцию Бенкендорфа жандармам я нашел в приложении к воспоминаниям Эразма Стогова «Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I» (рекомендую!). А вот о Стогове следует специально упомянуть, поскольку он в своей краткой службе жандармом наиболее цельно показал, что должен делать жандарм, чтобы достигнуть цели, которые ставили перед ним Николай I и Бенкендорф, — что он должен делать, чтобы защитить государство изнутри.

Интересно, что если Стогов пишет о себе хоть немного правды, то он по жизни был исключительный приколист — как он сам себя характеризует, «человек веселонравный». Причем приколист он был чрезвычайно дерзкий, к примеру будучи только произведенным в чин мичманом, он уже прикалывался над губернатором Сибири и таким известнейшим министром, как М. Сперанский. И хотя Стогов уверяет, что это не так, но, судя по всему, он приколотся и над Николаем I при личной встрече — вряд ли эдакий жук мог упустить такой случай приколоться (но об этом чуть ниже).

Несколько непонятно происхождение его дерзости в тот век повального подбострастия. Думаю, дело в том, что отец его, бывший ординарец А.В. Суворова, держал Эразма в ежовых рукавицах и не ленился выпороть за мельчайшие провинности, но одновременно вбивал в Эразма, что тот есть дворянин и по своему статусу дворянина равен всяким там графам и князьям. То есть отец выбил из Эразма зачатки подбострастия. Потом Эразм попал в морской корпус, с одной стороны, с тогдашней «дедовщиной», но и со своеобразной вольностью. А далее, как он сам объясняет, что он был флотский офицер, а во флоте есть только один начальник — адмирал, а все остальные начальники, вплоть до фельдмаршалов, морскими офицерами не празднуются — морские офицеры им не подчиняются, а если эти фельдмаршалы попали на корабль, то они обязаны подчиняться капитану. Причем Эразм был не «сухопутным моряком» — он 14 лет служил на Охотском море и самостоятельно командовал пусть и не очень большими, но боевыми кораблями (бригами), повысившись в море в чине до капитан-лейтенанта.

Кроме того, начальственные объекты его приколов чаще всего оказывались людьми с юмором, поэтому и не обижались на Эразма. К примеру, Стогов вспоминает за

службу жандармом всего лишь один случай, когда его за дерзкие подначки начальства вызвали на дуэль, причем вызвал губернатор Симбирской губернии. Однако Эразм оружием выбрал шпагу, владеть которой в морском корпусе учили на случай абордажа. Вот тут полагавшийся на пистолет сухопутный губернатор стушевался, и они сошлись на принесении Эразмом устных извинений губернатору.

Ну, и кому это интересно, то он еще и оказался дедом Анне Ахматовой.

Итак, моряк Стогов после 14 лет службы на Дальнем Востоке и в Сибири вернулся в Петербург, переполненный морскими вакансиями. Посмотрел на это дело и выбросил финт — ушел из флота, поступил в жандармы и уехал старшим жандармским начальником в Симбирск. Правда, жандармом он был всего 4 года, но именно эти годы в его памяти остались настолько яркими, что в своих автобиографических записках он только о них и вспоминает, причем глубоко сожалеет, что впоследствии ушел из жандармов на гражданскую службу.

Человек он был, безусловно, храбрый, и всяк, кто возьмется прочесть его записки, ему в этом не откажет.

Ну, к примеру, вот такой случай.

В Симбирске орудовала банда воров и грабителей, и полиция с нею справиться не могла. Губернатор попросил Стогова подключиться (жандармы уголовниками не занимались). Его агентура разузнала, где у этой банды сходка, и навела на нее полицию, а Стогов в сторонке наблюдал, как полиция с его жандармами арестовывает эту банду. Главарь банды, вооруженный пистолетом, вырвался и начал убегать, но в темноте пробежал рядом с Эразмом, и тот его лично голыми руками сбил с ног и задержал. Так вот, Стогов этим не хвастается, а вспоминает об этом только из-за пистолета у этого атамана. Когда пистолет отмыли от грязи,

то «на дуле оказалась золотая надпись: “Бенкендорф”. Послал я пистолет шефу. Дубельт писал ко мне, что этот пистолет выпал из седла, когда граф шел в атаку под Лейпцигом, товарищ пистолета сохранился, и шеф желает знать, каким путем пистолет очутился у вора в Симбирске. Но я мог узнать только, что вор купил пистолет на толкучке, в Тамбове».

Эразм Стогов в Симбирской губернии и в соседней Саратовской лично буквально задавил три бунта, о чем ниже, и сомневаться в его храбрости не приходится, однако речь о другом. Стогов даже не пытается предстать перед читателем простачком — понимает, что это невозможно, — в то же время, на мой взгляд, он не только храбр, он еще и хитрее, чем хочет казаться.

Ну, к примеру, жандармская служба только организовалась, и еще не было многих специальных инструкций, в том числе и как именно докладывать в Петербург о происшествиях в губерниях. (Хотя и так должно быть понятно военному человеку, что докладывать надо рапортом.) И Эразм докладывал начальству «веселонравными» рассказами в вольном стиле, представляя происшествия в губернии в юмористическом виде (разумеется, если этому были основания). Ну, казалось бы, вот такой он, жандармский подполковник Стогов — простой, как пареная репа.

Но, на мой взгляд, все хитрее. Да, шефы Стогова — Бенкендорф и Дубельт — смеялись над его описанием провинциальных событий, но они и так ценили Эразма, поэтому Стогов не ради них хохмил. Дело в том, что Бенкендорф наиболее смешные рассказы Стогова носил на доклад императору и там зачитывал, чтобы повеселить царя. В результате Николай I со Стоговым не был знаком, но уже слышал о нем не раз еще до того, как Стогова ему лично представили.

И пусть меня простит этот весьма симпатичный жандарм, но я не верю его рассказу о том, как он встретился с государем при приезде того в Симбирск:

«Государь подошел к нашей стороне, я стоял на фланге. Граф Бенкендорф, представляя меня, сказал:

— Жандармский штаб-офицер, в Симбирской губернии находящийся, (смотря на эполеты) подполковник... подполковник...

Вижу, что граф данную мною записку мнет в правой руке, но забыл и фамилию, и бумажку. Государь улыбнулся и милостиво сказал:

— Вы Стогов?

Я поклонился.

Государь изволил спросить:

— Сколько лет вы здесь служите?

Я был готов отвечать на самые трудные и сложные вопросы и, как камчадал, не предполагал, что государи так просто спрашивают; хорошо помню, первая цифра пролетела сквозь голову — 8, за ней 80, 800, никак не поймаю мысль, стою и молчу, чувствую — кровь приливает к голове, стою и молчу, как... умник. Государь очень милостиво, с его невыразимо привлекательной улыбкой тихо сказал:

— Ну, что ж вы молчите? Вы здесь служите три года, я помню вас и доволен вами, продолжайте служить.

Я только кланялся, но можно вообразить, как я был недоволен собою. При привычной находчивости моряка вдруг на меня нашел столбняк. Я бы объяснил причину, но боюсь быть еще глупее».

Как видите, Бенкендорф, много раз лично со Стоговым общавшийся, забыл, как его зовут (правда, плохая память Бенкендорфа на имена была источником тогдашних анекдотов), а император лишь по мундиру опознал Стогова. То есть Николай I уже знал, и как его зовут, и сколько лет он служит! И поэтому не верю я, что Эразм (храбрейший му-

жик, не терявшийся ни в какой обстановке) при виде царя в ступор впал — не верю! Этот приколист вычислил, что если он просто ответит царю на вопрос об имени и службе, то будет одним из сотни бойко ответивших царю чиновников Симбирской губернии, представлявшихся вместе с ним императору, и только! А вот если Эразм дурачком прикинется, то будет единственным запоминающимся чиновником из этой сотни.

Поскольку я характеризую Стогова как приколиста, то вот пара самых простых и понятных примеров.

Когда он стал главным жандармом в Симбирске, то ему было уже под сорок и пора было жениться. Он составил список из всех кандидатур в его невесты: «В самом городе составленный мною список показал 126 невест великодушных, т. е. имеющих приданого более 100 душ; за малым исключением, я мог жениться на любой». Наконец, выбрал невесту (родители которой имели 1000 душ), женился (прикольно, как он сватался, но читайте сами), и на него легла и ответственность за младшую сестру жены — свою свояченицу — ей тоже нужно было найти мужа в богатом на невест и бедном на женихов Симбирске. Наконец, его свояченицу увидел в церкви молодой дворянин (она, оказывается, тоже на него глаз положила), дворянин пришел к Эразму, в доме которого жила сестра жены, знакомиться. И Эразм, поняв, в чем дело, начал уверять бедного жениха, что его свояченица — алкоголичка и молодой человек будет с ней несчастен. Однако жених не отступал, и Эразм пригласил его на обед, а свояченицу попросил ухаживать за молодым человеком, как можно чаще подливая тому вина. Но за обедом, как только она бралась за бутылку, он отнимал ее у свояченицы и наливал гостю лично (сам он никогда не пил спиртного). А после обеда сказал бедному молодому человеку: «Вот видите! Она не может удержаться себя, чтобы не выпить!» После этого оставил молодых

вдвоем и убедился, что молодой человек все равно объясняется в любви, и только после этого объяснил жениху, что он его разыграл, чтобы проверить крепость его чувств к своей свояченице. А? Каков кошкин сын!

Или вот такой случай, для которого я должен сказать уже кое-что по существу. Эразм крайне презрительно относился к своему предшественнику — жандармскому полковнику Маслову, и вдумайтесь, за что: «...я нашел, что он совершенно не понимал своей обязанности: он (с какими-то отсталыми понятиями) хотел быть сыщиком, ему казалось славою — рыться в грязных мелочах и хвастать знанием домашних тайн общества. Жена его любила щеголять знанием всех сплетен, и так была деятельна, что для помощи мужу осматривала предварительно рекрут, хотя это и не было обязанностью жандармского штаб-офицера, но Маслов совался везде. Одним словом, Маслов хотел быть страшным и — достиг общего презрения! Мне предстояла немалая задача: заслужить общее доверие и быть нелишним членом общества». То есть кретин-предшественник старался запугать всех тем, какой он грозный начальник, а Эразм, как видите, начал службу с заботы о том, чтобы общество Симбирска считало его своим.

Для этого он стал дамским любимцем Симбирска (впрочем, возможно, он и был дамским любимцем по жизни и состоянию души, поскольку его еще мичманом пытались убить за эти дела, и ему пришлось удрать из Омска в Иркутск, чтобы не зарезали). Но в Симбирске он, холостяк, начал завоевывать дам... со старушек! Он вспоминает: «Танцы — по моей части, но это не то, что мне нужно; я уселся в бостон со старухами. В коммерческих играх — я артист, старухам умел дать выиграть слабые игры, а каждое слово мазал медом. Старухи были веселы, как молодые. После ужина показал свое искусство в танцах, тоже с немолодыми дамами. Хотя я был холост, но на молодых

и юных не обращал пока внимание. Тактика вечера так была удачна, что на другой день по приказу старух многие приехали знакомиться: мужа, зятя, сыновья. Скоро я стал членом общества. (Скоро я узнал много тайн семейных. А как? Позвольте умолчать! Чужие тайны были и остались для меня святыми)».

То есть его авторитет в обществе Симбирска организовали дамы. И вот теперь представьте себе ситуацию. Приехал царь, знакомится с дворянами Симбирской губернии, после чего царем было запланировано отстоять обедню в городском соборе. И вот смотрите, какое задание получил Эразм.

«После представления назначено быть в соборе. Граф Бенкендорф приказал мне очистить собор: “Государь не любит, чтобы очень много было”.

Государя все хотели видеть; мужчины представлялись, понятно, дамы избрали для себя церковь. Очистить церковь, полную дам, выгнать сливки симбирской интеллигенции — дам, от покровительства которых зависит мое спокойствие, мое существование, моя сила, мой успех, мое счастье! Прогнавши дам, остается повеситься. Велят очистить церковь — пренеприятная задача, от которой — хоть в Волгу. Говоря о тесноте, выражаются: некуда упасть яблоку, а я уверяю, в церкви дамы, дамы и только дамы, да так плотно, что и булавке упасть некуда».

Прочитав это, я удивился: а что тут можно предпринять на месте Стогова? Силой выгнать из церкви? Дам? От которых зависишь?

И вот смотрите, что сделал этот жук:

«Насилу я пробрался в алтарь; там архиепископ с причтом в облачении. Я как можно громче сказал:

— Владыко, государь не будет в соборе, он изволит слушать обедню у Николая (кажется, так, маленькая церковь близко дома губернатора).

Архиепископ сказал: “Ну, братия, так пойдем, собирайтесь, да не забудьте чего-нибудь”.

Как услышали дамы мои слова, так и бросились из собора, чтобы захватить места у Николы. Я тихонько приказал архиерею остаться, церковь запереть и поставил трех часовых — не пускать, так и выпутался. После много имел выгод во время службы: пускал дам, оказывая дружеское покровительство». Не правда ли — ну не кошкин ли сын?

Императорский чекист Эразм Стогов

Теперь давайте по делу.

Эразм Стогов служил главным жандармом Симбирска с января 1834 по конец 1837 года, он контролировал соблюдение законности в обоих тогда имевшихся классах граждан губернии — у дворян и податного сословия.

Каких-либо революционеров среди дворян в его губернии просто не было — не то еще было время, да и жандармы были не теми, которые плодят революционеров. Стогов вспоминает, как во времена его юности его деликатно вербовали в масоны в Сибири, но в Симбирске даже масонов не было, то ли в силу жесткости подавления восстания декабристов, то ли в силу захолустности Симбирска. Ведь эта губерния находилась так глубоко в тылу империи, что даже воинская сила губернатора представляла из себя инвалидный батальон, в котором по штату «300 человек, но не наберется здоровых и 100 человек, остальные калеки, а ружей кой-как годных с замками не найдется и 50-ти», — как вспоминал Стогов. Видимо, и для масонов не представляла интереса губерния, в которой главной проблемой дворянства был вопрос, как выдать замуж дочерей, когда женихи массово уезжают из губернии служить в другие места.

Поэтому главной конкретной и постоянной заботой присмотра жандармов за дворянами была борьба со

взяточничеством и запрещенными азартными играми. И Эразм Стогов откровенно пишет (и, скорее всего, именно так и докладывал Бенкендорфу), что ни взяточничество, ни азартные игры он и не собирался побеждать. Тогда чем он занимался?

Не поверите — охраной справедливости.

В обществе со взятками смирились — все общество считало, что чиновники, в принципе, могут брать и им нужно дать. Но! Брать взятку чиновник мог только за работу и в сумме, которую общество считало разумной, — «побожески». Нельзя было нагличать, нельзя было запутывать судебные дела и взятками разорять тяжущихся, нельзя было брать сверх разумной меры — «безбожно». Вот с этим Эразм и боролся, и вот такую борьбу одобряли все — и граждане, и сами взяточники (их уже не мучила зависть, что другие гребут много), и, как я понял, и Бенкендорф с царем потому, что достигалось главное — из Симбирска не текли слезы жалоб на власть.

Не собирался Эразм побеждать и азартные игры — невозможно это было. Он и тут требовал справедливости — играть нужно так, чтобы никто не видел и чтобы Эразм об этом как бы не знал, и, главное, нельзя было разорять картами партнеров. Выигрывать — выигрывай, но не разоряй! Нельзя было выигрывать очень много, к примеру нельзя было у дурака — молодого наследника — выиграть имение, нельзя было у дурака-офицера, посланного на закупку лошадей, выиграть данные ему для этого казенные деньги. Эразм требовал: если такие дураки находились и проигрывали, то нужно было пригласить их на игру на следующий вечер и проиграть им выигранное обратно. Не вернуть — не позорить милостынею проигравшего! А проиграть ему.

А с податным сословием вообще было интересно, поскольку по тем временам Эразм Стогов совершил три реальных подвига — без единого выстрела подавил три бун-

та: татар, православных и старообрядцев. И где? В местности, помнящей Пугачевский бунт! К примеру, за Волгой, на реке Иргиз, он подавил бунт при упразднении старинного раскольниковьего монастыря в слободе Мечетной, в котором Пугачев благословлялся на русское царство. А надо понимать, что среди раскольников, да и просто казаков, этот монастырь был повсеместно в большом уважении, и они оказали яростное сопротивление действиям властей по упразднению монастыря. (Тогда слободу реорганизовали в городок Николаев, сегодня он — Пугачев.)

По положению самого почетного для гражданских служащих России ордена св. Владимира, орден давался именно за это — за подавление бунта без крови. И Эразм действительно представляли к «Владимиру на шее», то есть даже не к 4-й, а к 3-й или 2-й степени этого ордена, но Эразм отказался. (Он молчит, но думаю, что он все награды принимал от царя деньгами.)

Причем Стогов бунты реально подавлял, а не договаривался с бунтовщиками и не шел им ни на какие уступки. Бунтовали татары и крестьяне из-за несправедливостей, творимых чиновниками удельного министерства. Стогов, с одной стороны, находил доказательства чиновничьей вины и тайно требовал наказать этих чиновников. Но, с другой стороны, для бунтующего народа ничего не менялось — они обязаны были прекратить бунт и выполнить даже несправедливое требование власти. Поймите, ведь если это указание власти было бы отменено по требованию бунтующих, то крестьяне начали бы и дальше бунтом добиваться желаемого. Поэтому пойти им на уступки — это плодить бунты в дальнейшем.

И Стогов проявлял исключительную изобретательность — он при подавлении бунтов сочинял и разыгрывал целые спектакли, показывая чудеса изворотливости жандармской мысли. Мало того, что заставлял прекратить бунт

и заставлял всех бунтующих подчиниться власти, так еще татары и крестьяне в ходе этих спектаклей на коленях упрашивали Эразма выступить их поручителем, то есть просили его согласиться самому пойти на каторгу, если они снова начнут бунтовать!

Предварю продолжение естественным вопросом — а может, этот Эразм Стогов все врет, и настоящие николаевские жандармы были такие, каких нам в кино показывают? Но дело в том, что Эразм Стогов опубликовал эти свои воспоминания в очень популярном тогда журнале «Русская старина». Опубликовал при своей жизни и в условиях, когда были живы многие персонажи его воспоминаний, могущие опровергнуть Стогова. Кроме того, редакция и по своим каналам проверила Стогова по архиву III отделения и действительно: «в "Отчете о действиях Корпуса жандармов за 1837 г." Стогов упоминается среди особо отличившихся штаб-офицеров». Так что, в отличие от кино, врать Стогову при живых свидетелях и доступных документах было не просто. Продолжим.

Интересный момент. Подавляя бунт православных крестьян, Эразм приказал по очереди пороть бунтующих до потери сознания (волнуясь в то же время, чтобы никто не умер), пока после 17 подряд выпоротых бунтовщиков оставшиеся сотни крестьян согласились прекратить бунтовать. И вот эти поротые бунтовавшие крестьяне в конце лета безо всякой просьбы с его стороны пришли к нему в имение и за два дня убрали ему урожай — выполнили самый тяжелый вид работ из сельскохозяйственного круга. И Стогов осмысливает это — ведь он их порол, как же так?

А они объяснили ему две несложные вещи.

Во-первых, по их мнению, он правильно поступил, что их выпорол, поскольку без наказания крестьяне не смогли бы прекратить бунт. Ведь в глазах других людей (да и в своих собственных) они бы выглядели дураками — зачем

они тогда бунт начинали, если потом взяли и прекратили его без причины? А так их Стогов заставил прекратить бунт. И теперь все в порядке: их чувство собственного достоинства не страдало — они не трусливо молчали, а взбунтовались из-за несправедливости, а прекратили бунт потому, что властью наказаны, то есть это власть оказалась сильнее, а не они — глупцами.

Во-вторых, Стогов не разорил их семьи наказанием — не отправил на каторгу, чего требовали тогдашние законы (после подавления трех бунтов Стогов арестовал только одного человека — главаря бунта православных). Тут, правда, свое поведение Стогов сам объясняет: если бы он поступил по закону и отправил бунтовавших мужиков на каторгу даже на пару лет, то семьи осужденных разорились бы без хозяев и уже не встали бы на ноги в течение этого поколения. А порка быстро заживает и не сказывается на семье. Вот именно за это народ и благодарил этого николаевского чекиста.

(За эту «помочь» (так это тогда называлось) Стогов, само собой, после уборки урожая забил бычка и зарезал баранов, и устроил для этих добровольных помощников богатый обед с выпивкой. Так, по русскому обычаю, помещик обязан благодарить крестьян, помогающих ему в уборке урожая.)

С татарами все было примерно так же. Они бунтовали против того, что их из статуса государственных крестьян переводили в статус удельных — на роль крепостных крестьян лично царской фамилии. Экономически это было примерно то же, но возросло количество начальников мздоимцев. И вот такой нюанс подавления этого бунта.

Становясь удельными крестьянами, татары в числе прочих обязанностей обязаны были иметь и свою собственную татарскую администрацию, от чего они в своем бунте тоже отказывались. И вот Стогов, ночью тайно встре-

тившись с главарями бунта, сначала их запугал, заставив этим согласиться с прекращением бунта, а затем потребовал от вожаков (неформальных лидеров татар) стать старшинами и прочими местными начальниками уже в вотчине царя.

Вожаки татар смирились и согласились прекратить бунт, но и этим вожакам тоже нужно было «сохранить лицо» перед собою и обществом. И они выставили условием прекращения бунта, чтобы Стогов их силой заставил занять эти начальственные должности, а для этого побил. Иначе бунтующий народ их не поймет, и они будут как бы предателями. Стогов рассказывает: «Татар собралось очень много. Я, будто случайно, взял из толпы согласившихся со мною ночью, назначил им должности. Первый — старшина — отказался повиноваться. Я крикнул: “Фухтеля!” Два жандарма обнаженными саблями весьма неосторожно ударили раз пять, упал на колени побитый; следующим по два фухтеля, покорились и говорили толпе со слезами в свое оправдание». И так — имитацией наказанием фухтелями (ударами саблями плашмя) — назначил всю администрацию. Почему он и докладывал в Петербург, что умирал бунты фарсом.

А ведь по практике тех лет начальники, боящиеся народа и не желающие с народом говорить, для подавления бунта очень часто расстреливали толпу бунтующих, чтобы другим было неповадно, — не могли иначе справиться с народом. Ну а потом толпами отправляли уцелевших крестьян в Сибирь. А Стогов практически имитировал наказание, реально спасая крестьян от тяжелой участи бунтовщиков. И народ понимал, что этот «чекист» не свою власть им показывает, а пытается разрешить конфликт самым легким для крестьян способом — фактически защищает их. Отсюда и появилось желание народа как-то отблагодарить его.

Уборка Стогову урожая — это пример отношения простого народа к этому николаевскому чекисту. А вот пример

отношения к этому чекисту тех взяточников, с которыми он боролся.

На описываемый в этом примере момент Стогов уже давным-давно не был жандармом и служил начальником канцелярии губернатора в Киеве: «Чрез 10 лет я был в Симбирске, имел дело совершить три купчие в гражданской палате. Совершили в один день и в какой — в субботу! Представьте мое положение, я скажу хотя невероятную правду, есть свидетели, но мне никто не поверит: 1848 года в 30-й день ноября, в день Андрея Первозванного, я вынул 500 руб., чтобы благодарить секретаря и надсмотрщика крепостных дел. Эти господа руки назад и сказали: “Извините, ваши деньги прожгут наши карманы и принесут несчастье нашим детям; вы были нашим отцом, за вами жили как у Христа за пазухой; извините, полковник, не обижайте нас, мы ваших денег взять не можем!”. Представьте — и не взяли!!!»

Почему?

А Стогов, в отличие от нынешних дегенератов в силовых структурах, судах и прокуратуре России, стремящихся посадить как можно больше людей и этим отчитаться в полезности своей работы, за 4 года своей службы не посадил ни одного человека! А как же он боролся с преступниками?

Да вот так: узнает, что кто-то гребет деньги у ближнего «и бога не боится», и «сейчас записку: свидетельствуя совершенное почтение и проч., имею честь просить пожаловать для личных объяснений. В зале всегда есть просители или знакомые. Приходит виновный, я самым ласковым образом говорю, что затрудняюсь в одном деле и обращаюсь к его опытности; прошу его совета и приглашаю в кабинет, двери на замок и там уж объяснение, от которого сойдет с головы три мыла! Видя трусость и раскаяние, обещание немедленно возвратить деньги и клятва более так не

делать, — выходя из кабинета, я вежливо благодарю его за умный и опытный совет — далее кабинета не шло. Не помню случая, чтобы были рецидивисты. Цель достигалась без оскорбления».

Точно так же — тайно — и даже с угрозой для собственной жизни боролся с картежниками, разорявшими партнеров. Подчеркну — тайно!

Но ведь понимаете, он-то молчал, но когда наглые взяточники после беседы с жандармом возвращали деньги тем, с кого они их содрали, то ведь город об этом говорил! Ну и как должно было восприниматься людьми, что этот жандарм не берет взятки за сокрытие дел, и в то же время не передает дела в суд, чтобы громкими процессами заработать себе ордена, и в то же время неуклонно устанавливает то, чего и все общество хочет, — «божьи порядки»? Как общество должно было смотреть на этого жандарма? Его уважали и ему доверяли, его считали своим и понимали, что он никому не нанесет вреда, в то же время никому в обществе не даст наносить вред членам общества. В нем видели борца за справедливость, а она нужна была всем.

Не позоря никого публично, Стогов защищал обиженных взяточниками, но не позорил и самих коррупционеров, поскольку и они были частью местного общества.

Кроме того, он старался по-тихому, без скандала, убирать с начальственных мест тех, кто позорил звание начальника, кто не понимал, зачем они, начальники, во власти нужны. Как тех чиновников удельного ведомства, вызвавших своей деятельностью бунт, или, скажем, Стогов хвастается, что убрал двух губернаторов за то, что они не хотели стать своими для общества Симбирской губернии, а хотели быть всего лишь большими начальниками в Симбирске. Комментаторы-современники Стогова, правда, по поводу губернаторов (в таком его вселили) сомневаются. Но вот Эразм рассказывает, как в Симбирск назначили но-

вого полицеймейстера, а тот начал брать взятки даже с нищих. Жандарм Стогов дал поручение, и его агенты добыли доказательства этой бессовестной коррупции, выкрав у полицеймейстера записную книжку с его бухгалтерией. Стогов мог бы раскрутить громкое дело, однако он поступил по-другому.

«Новый полицеймейстер, не помню фамилии, был ротмистр по кавалерии, по наружности щеголь. Книжка у меня в руках — прелюбопытная. Несколько сот нищих (сколько — забыл) записаны по именам, многие отмечены, чем искалечены, всякий по степени лет, калечества оценен еженедельной податью; были и такие, что платили 80 коп.: это без обеих ног. Аккуратность замечательная: кто не доплатил 3 копейки, отметка на поле: доплатить в такой-то день.

Я написал шефу, что обязанность всякого русского патриота выдвигать на пользу государства гения, могущего принести пользу государству. Случайно я открыл в симбирском полицеймейстере удивительную финансовую способность, гениальную голову, могущую обогатить казну без отягощения общества. Описав всю проделку и приложив, как факт, книжку, просил покровительства ему и взять его из Симбирска, где гениальность его не может иметь полного развития.

Полицеймейстер вытребован в Питер, улетучился, и далее не слыхал о нем».

Давайте подведем черту.

Эразм Стогов был работник государственной безопасности, но он не выдумывал врагов государства или закона и не загонял их на каторгу, чтобы заработать на этом ордена и должности. И уместен вопрос: а как он сам эту безопасность видел?

Он видел ее как бы снизу и сверху, соответственно, видел для своей службы две задачи. Сверху (как задачу всех начальников губернии) он видел цель своей службы в под-

держке справедливости, образно говоря, задачу уменьшения количества обиженных, так сказать, плачущих. А снизу он видел задачу иметь в губернии начальников с определенными свойствами. Какими?

Задолго до него выдающийся теоретик управления людьми, чиновник Никколо Макиавелли (1469—1527) в своей работе «Государь» рассмотрел вопрос, какие чувства должен вызывать начальник у народа. Макиавелли подытожил: «Итак, возвращаясь к спору о том, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся — по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависть подданных». В целом Макиавелли и остроумен, и прав, но в то же время противоречит сам себе, поскольку задача вызвать страх без ненависти практически не решаемая. Раз уж выбрал опору на страх, принимай в комплект к страху и ненависть.

А Стогов ситуацию понял тоньше: он стремился заставить начальников Симбирской губернии вызывать у народа не страх к себе, а уважение. Действенность уважения по командной силе почти такая же, как и у страха, но в комплекте с уважением идет любовь, а не ненависть. Уважение тоже зависит от начальника, но, правда, требует от него огромной работы и отказа от удовлетворения своих интересов, почему начальство охотнее опирается на страх, причем чем тупее начальство, тем охотнее оно на страх опирается.

И вот тут возникает вопрос: мало ли в России было самородков? Вот и Стогов такой самородок, действовавший на должности жандарма по наитию, вопреки воле своего шефа А. Бенкендорфа и императора Николая I.

Требования царя

Вот и у меня была эта мысль о самородке, пока я читал текст этих воспоминаний, но в конце воспоминаний была приложена секретная инструкция, данная Бенкендорфом для жандармов. Стогов об этой инструкции, кстати, несколько раз упоминает в тексте, и положениями ее он руководствовался сам и заставлял руководствоваться остальных. Даже в мелочах! Вот, примеру, на людях начали ругаться губернатор Жиркевич и губернский предводитель дворянства Бестужев, и жандарм Стогов одергивает их: «Ваши превосходительства, господин губернатор и господин губернский предводитель! На основании секретной инструкции, высочайше утвержденной, прошу прекратить разговор, унижающий главные власти; здесь не место, вас окружает народ!»

Власть должна быть уважаемой!

А вот сама инструкция графа А.Х. Бенкендорфа чиновнику III отделения:

«Стремясь выполнить в точности высочайше возложенную на меня обязанность и тем самым споспешествовать благотворительной цели Государя Императора и отеческому Его желанию утвердить благосостояние и спокойствие всех в России сословий, видеть их охраняемыми законами и восстановить во всех местах и властях совершенное правосудие, я поставляю вам в неперемennую обязанность, не щадя трудов и заботливости, свойственных верноподданному, наблюдать по должности следующее:

1-е. Обратить особое ваше внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки.

2-е. Наблюдать, чтоб спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо властью или преобразо-

ванием сильных лиц, или пагубным направлением людей злоумышленных.

3-е. Прежде нежели приступить к обнаруживанию встретившихся беспоряд[ков], вы можете лично сноситься и даже предварять начальников и членов тех властей или судов или те лица, между коих замечены вами будут незаконные поступки, и тогда уже доносить мне, когда ваши домогательства будут тщетны; ибо цель вашей должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла. Например, дойдут ли до вашего сведения слухи о худой нравственности и дурных поступках молодых людей, предварите о том родителей или тех, от коих участь их зависит, или добрым вашим внушением старайтесь поселить в заблудших стремление к добру и возвести их на путь истинный прежде, нежели обнаружить гласно их худые поступки пред правительством.

4-е. Свойственные вам благородные чувства и правила несомненно должны вам приобрести уважение всех сословий, и тогда звание ваше, подкрепленное общим доверием, достигнет истинной своей цели и принесет очевидную пользу Государству. В вас всякий увидит чиновника, который через мое посредство может довести глас страждущего человечества до Престола Царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту Государя императора.

Сколько дел, сколько беззащитных и бесконечных тяжб посредством вашим прекратиться могут, сколько злоумышленных людей, жаждущих воспользоваться собственностью ближнего, устроятся приводить в действие пагубные свои намерения, когда они будут удостоверены, что невинным жертвам их алчности проложен прямой и кратчайший путь к покровительству Его Императорского Величества.

На таком основании вы в скором времени приобретете себе многочисленных сотрудников и помощников; ибо всякий Гражданин, любящий свое Отечество, любящий правду и желающий зреть повсюду царствующую тишину и спокойствие, потщится на каждом шагу вас охранять и вам содействовать полезными советами и тем быть сотрудником благих намерений своего Государя.

5-е. Вы без сомнения даже по собственному влечению вашего сердца стараться будете узнавать, где есть должностные люди совершенно бедные или сырые, служащие бескорыстно верой и правдой, не могущие сами снискать пропитание одним жалованием, о каковых имеете доставлять ко мне подробные сведения для оказания им возможного пособия и тем самым выполните священную на сей предмет волю Его Императорского Величества — отыскивать и отличать скромных вернослужащих.

Вам теперь ясно открыто, какую ощутимую пользу принесет точное и беспристрастное выполнение ваших обязанностей, а вместе с тем легко можете себе представить, какой вред и какое зло произвести могут противные сей благотворительной цели действия: то конечно нет меры наказания, какому подвергнется чиновник, который, чего Боже сохрани, и чего я даже и помыслить не смею, употребит во зло свое звание; ибо тем самым совершенно разрушит предмет сего отеческого государя Императора учреждения.

Впрочем, нет возможности поименовать здесь все случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое внимание, ни предначертать вам правил, какими вы во всех случаях должны руководствоваться; но я полагаюсь в том на вашу прозорливость, а более еще на беспристрастное и благородное направление вашего образа мыслей.

Генерал-адъютант *Бенкендорф*».

Надеюсь, вы обратили внимание, что инструкция за-
прещала выносить, так сказать, «сор их избы», требовала
восстанавливать порядок на местах незаметно и не поощ-
ряла в жандармах стремления «обнаружить гласно их ху-
дые поступки» даже «пред правительством» — не поощ-
ряла громких процессов. Почему? Потому, что во главе го-
сударства стоял умный человек, а не тупой дегенерат. Не
нужны были Николаю факты, указывающие на то, что в его
России граждане власть не любят и законов не уважают.

Вот в России сегодня Генеральный прокурор хваста-
ется, что он из года в год увеличивает число дел «экстре-
мистской» направленности. А о чем это увеличение гово-
рит всем людям? О том, что из года в год растет число не-
довольных этой властью. И только нынешним кретинам у
власти это ни о чем не говорит, но тут уж ничего не поде-
лаешь.

В Википедии с большим недоверием и чуть ли не с на-
смешкой приводятся воспоминания биографа Николая I о
том, что при учреждении III отделения на вопрос А.Х. Бен-
кендорфа об инструкциях Николай I вручил ему свой но-
совой платок и сказал: «Вот тебе все инструкции. Чем бо-
лее отрешь слез этим платком, тем вернее будешь служить
моим целям!» Разделим скепсис Википедии — действи-
тельно, ведь невозможно понять, к чему эти платок и сле-
зы. А вот если учесть, что Бенкендорф стремился «выпол-
нить в точности высочайше возложенную на меня обязан-
ность и тем самым споспешествовать благотворительной
цели Государя Императора» и давал жандармам указания
исключительно из этого стремления «беззащитного и без-
гласного гражданина немедленно поставить под высочай-
шую защиту Государя императора», то смысл этих царских
платка и слез становится понятным. Не так ли?

Да, именно так, как защиту своих граждан, задумывал
государственную безопасность император, так он видел

цели жандармов, так, кстати, и большевики видели роль ЧК. Да и вообще, те руководители, которые служили своему народу, видели государственную безопасность именно в этом: СПРАВЕДЛИВАЯ И УВАЖАЕМАЯ ВЛАСТЬ, защищающая не себя, а граждан, — вот единственная ОСНОВА ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ государства.

Так органы государственной безопасности начинались во всех странах, но по мере того, как сами руководители стран переставали служить своему народу, органы безопасности превращались в паразитов, совершающих преступления против своего же народа.

И мы видим сегодня то, что видим, — наглых, алчных и бессовестных паразитов в тех службах, от которых наивные дурачки все еще ждут безопасности своего государства.

«Святой царь» Николай II

Об источнике размышлений

Просмотрел книгу А.И. Спиридовича «Великая война и Февральская революция 1914—1917 годов». Это, по сути, дневники, содержащие уйму сведений о лицах, которых сейчас и не вспомнишь (да и нет смысла их вспоминать), поэтому выудить из ее текста то, что именно тебе интересно, очень непросто. В связи с чем я эту книгу даже любителям истории не стану рекомендовать из-за большого объема специфической информации в ней, а читателям, интересующимся управлением, она будет тяжела, поскольку сам Спиридович этому аспекту специального внимания не уделял.

Напомню, что Спиридович был жандармом, причем 10 лет до 1916 года он был начальником секретной охраны императора России Николая II. Полковник, а потом и генерал Спиридович организовывал охрану царя «за забором»

мест его официального пребывания — в поездках, на улицах городов, в церквях и пр. И книга хороша тем, что в тех своих частях, в которых Спиридовичу нет смысла врать, излагаемым в книге событиям, безусловно, можно верить, поскольку в книге все события основываются не просто на памяти Спиридовича, а на его записях в дневнике. Скажем, вот он пишет: «Утром 11-го Государь прибыл в Херсон. На вокзале многочисленные депутации. От населения поднесли 33.212 руб. 80 коп. на нужды войны». Если учесть, что книга вышла в 1962 году, а царю в начале Первой мировой войны пожертвования дарили во всех городах, то в приведенной выше цитате так точно (с копейками) сумму не запомнишь, ее можно только прочесть в записи. И вот то, что Спиридович события тех лет сразу же записывал, а потом писал воспоминания на основе этих записей, делает его труд достаточно ценным — документальным.

При описании царя Спиридович является монархистом до полной потери здравого смысла, и, как в таких случаях бывает, этим Спиридович и хорош как автор воспоминаний — хорош тем, что он о царе не то что специально, а и нечаянно ничего плохого не напишет. Но, будучи типичным и хорошим жандармом, то есть очень узким специалистом, Спиридович очень плохо разбирался в управлении, как государством, так и вообще в управлении каким-либо делом (кроме дела создания секретной агентуры). Посему его наблюдения за царем весьма ценны по своей объективности в области управления — если бы Спиридович понимал, что там реально происходило с управлением Россией обожаемым им Николаем II, то он бы так любимого царя не позорил.

Но прежде чем заняться царем, скажу о двух моментах, на которых Спиридович сам никак не акцентировал внимания, но которые можно считать хорошо доказанными описанными им событиями.

Во-первых, все эти «профессиональные» революционеры, а тем более рядовые революционеры, в свержении царизма в России были не более чем массовой на подтанцовке, а всю работу по свержению царя выполняла царская же элита — она и войну вела к поражению, она и антимонархическую пропаганду вела намного эффективнее, нежели на это были способны партии профессиональных революционеров.

Во-вторых, роль большевиков в свержении царя не то что исчезающе мала, а никакая. Ведь Спиридович был не просто жандармом, он был теоретиком своего дела и до революции успел написать две книги «для служебного пользования»: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия» и «Партия Социалистов-Революционеров и ее предшественники», — то есть он прекрасно знал, кто есть кто среди профессиональных революционеров, где находится и чем занят. Так вот, по его сведениям, за месяц до свержения царя, в январе 1917 года, «в Петрограде из известных большевиков работал нелегальным лишь Шляпников да Скрябин-Молотов. Все остальные были или за границей или в ссылке». Кто интересуется историей СССР, тот вспомнит, что роль этих «известных» большевиков даже в последующей Октябрьской революции была не бог весть какая, скажем, Молотов в апреле 1917-го хотя и выдвигался, но так и не был избран даже в состав ЦК большевиков. И непосредственно в России заправляли в те годы в рабочем классе далеко не большевики, а меньшевики, причем тоже такие, которых сегодня вряд ли кто вообще вспомнит, скажем, Суханов-Гиммер или Стеклов-Нахамкес. Но, повторю, с точки зрения свержения царизма, роль и этих революционеров была мизерной — сами того не ведая, они были «на подхвате» у царской элиты.

Вот такой примечательный момент. Бунты в столице России начались из-за нехватки хлеба и муки в столичных

магазинах — из-за угрозы голода. Но в это же время (к 25 февраля 1917 года) на складах в Петрограде находилось 5 600 000 пудов запаса муки, что даже без ограничений потребления и без нового подвоза жителям столицы хватало на 3 месяца. А хлеба в магазинах, как видите, не стало... Ну, какие профессиональные революционеры-подпольщики способны такое организовать?

Нет, царя убирали люди более серьезные — аристократия, промышленники, банкиры. А то, что они оказались людьми небольшого ума и в последующем отдали власть большевикам, то это второй вопрос, а царь, да и все Романовы ко времени Октябрьской революции давно уже были не у дел.

Немного теории управления

Но прежде, чем начать тему, я дам немного теории.

Есть две причины устраиваться на работу:

— желание достичь в выбранном деле выдающихся, минимум безупречных результатов;

— прозаическое желание получить деньги и блага взамен своего нахождения на работе, чтобы потом от траты денег и от благ получать удовольствие.

Конечно, и в первом случае без денег не работают, но если у тебя главным является желание выдающегося результата в своей деятельности, то деньги отходят на второй план и не являются главным. И (что обычно не замечают) когда деньги не являются главным, то работнику их хватает уже в силу того, что ему интересно работать, а не деньги тратить.

Но когда деньги для работника — цель, то деньги начинают грести без всякого смысла и потребности, поскольку их количество становится подменой реального результата той трудовой деятельности, за которую получаешь деньги. То есть человек, безудержно гребущий деньги, этим как бы

показывает, что он тоже умный, тоже специалист, тоже достоин уважения других людей. Ведь у него так много денег!

Из сказанного выше проистекает следствие: если человек стремится только за деньгами, то он и становится специалистом не в своем деле, а в деле получения денег. Но тогда вопрос: а как же он тогда работает в своем деле? Ну, во-первых, вы же понимаете, что, находясь возле дела годами, в конце концов, чему-то и сам научишься, во-вторых, такие работники смотрят на тех, кто действительно умеет получить результат, и повторяют то, что делают настоящие творцы.

Это везде, в любой деятельности, возьмите хоть продавца в супермаркете, хоть какого-то распиаренного режиссера. Посмотрите на фильмы Голливуда — это же повторение одного и того же кинофильма, предназначенного для убийства времени людьми, которые не способны занять себя на порядок более интересным собственным творчеством. Энгельгардт, изучивший русскую деревню, заметил, что даже в таком сверхпросторном для творчества деле, каким является крестьянский труд, реальных творцов в деревне очень немного, а остальные за ними просто наблюдают: творцы поехали пахать, и вся деревня едет пахать, творцы начали сев, и вся деревня начинает сеять. И ничего, и у остальных получалось и получается — не без урожая были и остаются.

Сказанное выше годится для всех, включая индивидуальных работников, но у начальников есть дополнительный соблазн. На месте начальника тоже можно быть фанатом получения нужного результата, а можно быть для того, чтобы получить много благ. Но у начальников определенного уровня есть то, чего у простых работников нет, — есть специальные подчиненные — штаб или аппарат. И у некомпетентного или органически глупого человека, попавшего в должность такого начальника, возникает желание всю

свою работу переложить на этот аппарат. То есть устроиться так, чтобы аппарат все руководящие решения разрабатывал и начальнику носил на подпись. Кстати, если начальник — уж полный кретин, то он искренне считает, что вот это его подписывание бумаг и есть вот та работа, за которую ему нужно платить миллиарды, как нашим миллерам. Подчиненные должны работать, а сам этот «очень ценный для общества» начальник может на рыбалке отличаться, на лыжах кататься, за амфорами нырять и все равно оставаться тем начальником, за работу которого можно получать миллиарды. По его мнению.

Казалось бы, ну а что в этом не так? Если аппарат состоит из умных людей, то какая разница, один человек руководит организацией или группа специалистов? Действительно, вроде разницы как бы нет, но, во-первых, откуда возьмутся в аппарате умные специалисты, если начальник, который их набирает, дурак? Если он не соображает, кто такой умный специалист?

Во-вторых, эти специалисты специализированы, а начальник объединяет их в единое целое, но если начальник — дурак, то управление очень быстро разваливается — каждый член аппарата (да и любой подчиненный) начинает работать не на общие интересы организации, а в лучшем случае на интересы собственных отделов и организаций, а в большинстве случаев — только на себя, любимого.

У начальника-дурака, залезшего в должность только ради собственных материальных благ, остается один-единственный способ подбора кадров, да и вообще один-единственный способ управления своей организацией, — вера. Вера — это универсальный способ деятельности глупых людей, не способных или не желающих разобраться в важном для себя деле. Глупцы легко поверят в святое писание или в какие-то идеи распиаренных «ученых», но особенно

легко они верят в чью-то преданность и компетентность, поскольку вера в преданность подчиненных для человека, севшего в начальственное кресло ради благ, является главной. И даже по природе умный человек, рвущийся в должность ради благ, со временем станет глуп, и у него единственным светом в окошке будет надежда на личную преданность подчиненных, и только по этому признаку он будет их подбирать. Ему уже будет наплевать на их компетентность, для него станет главным верить, что они его «не подведут».

В то же время даже не очень умный человек, но страстно желающий добиться результата для организации, начнет прилагать все возможные усилия, чтобы лично разобраться во всех нюансах получения победы. В итоге со временем он начнет понимать, чем именно должны заниматься те или иные его подчиненные, соответственно, будет понимать, кто именно ему нужен. И главное, получать удовольствие от побед своей организации — от собственных побед.

Для руководителя главное — честное отношение к делу: ты становишься во главе организации, чтобы организация добилась успеха, а не для того, чтобы хомячить за обе щеки. Но начинается все это сверху — если начальник хомяк, то и честных работников под ним не будет, хотя бы потому, что паразитизм и легкость получения благ развращают и потенциально честных. И в конце концов, уж если человек действительно честный и не захочет быть паразитирующим подонком, как его начальник, то он же не дурак работать под тупым дураком и на тупого дурака. Была бы шея — хомут найдется! И толковые работники уйдут от дурака к другим начальникам, а под любителем благ начнут скапливаться такие же, как и он сам, — тупые.

Вот история императоров России — это прекрасный пример дурака в начальственном кресле. А ведь начина-

лась-то Империя не так уж и плохо — с Петра, в XVIII веке даже императрицы лично вникали во все дела, являвшиеся на тот момент важными для России. А закончилась Российская империя в XX веке откровенным маразмом на троне, глубоко уверенным, что главное — приблизить к себе верных людей, а уж они-то все и сделают. Результат был соответствующий — эти «верные слуги», обласканные монархом, фактически и сбросили российских монархов на свалку истории. В итоге, поплавав на плече коменданта, только что отрекшийся от престола Николай, бывший «второй», сделал в дневнике запись: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом ИЗМЕНА, ТРУСОСТЬ и ОБМАН».

Надо же! А ведь такие были все преданные еще совсем недавно!

Итак, как выглядит хозяин земли русской, Николай II, в описании своего телохранителя генерала Спиридовича?

Под бабьей пятой

Было у Николая огромное желание иметь все блага, полагающиеся императору России, но не было ни малейшего желания привести Россию к успеху ЛИЧНО. Понимаете, ЛИЧНО! Это в данном случае главное. Нет, он был не против того, чтобы нанятые им министры добились успеха для России, но сам он этим заниматься не желал — это отвлекало его от любимых дел — от фотографии, от прогулок, от чтения вслух романов своей семье, от охоты на кошек и ворон.

Напомню, что Николая II можно считать лучшим кошководом мира. Скажем, согласно отчетам об императорской охоте, к примеру, в 1902 году, помимо зверя, которого Николай II убивал при специальных выездах на охоту в царские заповедники, он охотился и во время своих ежедневных прогулок, стреляя ворон и всякую, попадавшую

ему на мушку живность. И в 1902 году император со свитой и егерями убил на охоте 22 рябчика и 3341 ворону. Кроме этого, на императорской охоте было убито 20 волков, а на прогулках — 899 бродячих собак и 1322 кошки! Это за один год!

Возможно, Николай II и не был органическим дураком, но нежелание лично вникать в те дела государства, которые идут плохо или нуждаются в улучшении, сделали его таковым. Николай не развивал свой ум, не развивал его в деле, которым руководил. Я считал его социопатом — человеком, до крайности равнодушным к другим людям, человеком, не способным понимать и принимать чувства и желания других людей. После книги Спиридовича думаю, что для краткости и простоты Николая II можно считать крайним глупцом — царственным кретином.

А если дать немного подробностей, то Николай в первую очередь был крайне некомпетентен в деле управления государством, но не признавался в этом и себе. Был уверен, что подписание им бумаг — это и есть его царская работа во всем объеме, и он со своей царской работой справляется замечательно! И его жена в этом тоже была уверена. Но от, так сказать, прогрессирующей некомпетентности у него развился страх ЛИЧНО принимать государственные решения, и возникло стремление найти кого-то, кто бы эти решения за него принимал — «подсказывал» их. Советчиков вокруг было полно, но ведь Николай не понимал, что именно они советуют — правильно или нет, а отвечать надо будет ему. Посему тасовал и тасовал людей вокруг себя, стремясь окружить себя «верными» людьми.

Он довел ситуацию до предельного маразма. К примеру, вел себя как полностью придурковатый подкаблучник — обезумевшая то ли от страха, то ли от глупости императрица командовала Николаем, меняя премьеров, ми-

нистов и даже Главнокомандующего русской армией (и это во время войны!), как она думала, на все более преданных Николаю и ей. Спиридович, кстати, был и ей предан, и его обижало, что она не верила и ему, тем не менее вот несколько цитат.

«На Государя приезд супруги производил всегда самое благотворное впечатление. Близкие люди знали, как любил Государь эти приезды. Их Величества составляли исключительное, по взаимной любви и дружбе, супружество. Трудности, сплетни лишь сплачивали их».

«Штюрмер, по мнению Царицы, не годился на новую роль. Макаров уже скомпрометировал себя на посту министра Внутренних дел, а Хвостов, дядя Алексея Хвостова, несправедливо преследует Сухомлинова и очень стоял за его арест. К тому же и “Старец”, который “понимает и чувствует все правильно”, узнав про назначение Штюрмера, пришел просто в ярость. Он повидался с Вырубовой и все повторял: “С этим ему будет конец, «крышка”. По просьбе “Старца” Царица взяла с собой Вырубову и 6-го числа выехала в Могилев».

«Искренно веря, что она умно помогает Государю, она продолжает советы. Царица советует удалить адмирала Нилова, сменить Поливанова, Сазонова, Бонч-Бруевича. Выдвигает Иванова на пост Военного министра. Предостерегает Государя относительно Игнатьева и даже Воейкова и т.д. и т.д. Царица была искренно уверена, что весь круг преданных и верных людей Государю — это: Распутин, Вырубова, Саблин да еще несколько человек и это все. Все остальные на подозрении: кто больше, кто меньше».

«Со своей стороны и Царица, наслышавшись много в Петрограде, неоднократно писала Царю о том, что все виновят Безобразова за напрасные потери, и советовала сместить Безобразова. ...Выслушав доклад Алексеева, по со-

вещанию с ним, Государь сместил Безобразова, Вел. Кн. Павла Александровича, Рауха, Игнатьева и еще несколько более мелких начальников».

«Будь Петром Великим, Иваном Грозным, Императором Павлом, сокруши всех, — писала Царица мужу 14 декабря. — Я бы повесила Трепова за его дурные советы. Распусти Думу сейчас же. Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь. Отняла бы чин у Самарина. Милюкова, Гучкова и Поливанова — тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена. Отчего ты не смотришь на это дело так, я, право, не могу понять?»

При этом ополоумевшая дура искренне не понимала, что эту «внутреннюю войну» именно она начала и именно она ужесточает.

Но если царю обязаны были докладывать обо всем в государстве и он обязан был во всем разбираться, то царице государственные дела никто не докладывал, и она была некомпетентна ни в решении государственных дел, ни в том, кому поручать те или иные дела. Соответственно, в навязываемых Николаю кадровых вопросах и она не собственные решения принимала, а решения тех, чьи советы она слушала, — того, кому верила. А верила она Распутину — «Старцу». И если этот тип вначале вел себя прилично, то вскоре совершенно обнаглел и за взятки устраивал взяточдателей на государственные должности через императрицу. Внешне выглядело, как вроде бы царь назначил этого премьер-министра или этого министра, а на самом деле министра назначила взятка, данная Распутину. Кончилось тем, что последним министром внутренних дел империи, который обязан был защитить монархию от внутренних смут (а Распутин, кстати, от смерти), был назначен психически ненормальный тип, нагло обманывающий им-

ператора, чтобы предстать перед ним настоящим министром. К примеру, столица уже всю бунтовала, а министр внутренних дел руководствовался гороскопами и слал рапорты царю и царице, что в столице все спокойно и под контролем.

Царственный бездельник и элита

И тут нужно понять, что если Хозяин — не царь и даже не «слетевшая с катушек» его баба, а какой-то простой мужик определяет, кому занять государственную должность (вернее, кормушку, поскольку эти люди по-другому на эти должности смотреть не умели), то тогда в России многие тоже захотели определять, кому и какие в России занимать государственные должности. (Распутин может, а мы почему не можем?!) Захотели этого и великие князья (родственники царя), и люди с деньгами, и депутаты Думы, и иностранные державы. И, по описанию Спиридовича, всю войну верхушка управления Россией представляла из себя банку с пауками — несколько кланов дрались друг с другом за государственные кормушки. Разумеется, не гнушаясь никакими способами для того, чтобы втереться в доверие к царице, или для того, чтобы скомпрометировать царицу и ее пентюха мужа и убрать их от власти.

Сегодняшнюю Россию в пример той России привести нельзя, поскольку фашисты в Кремле намертво задушили в России хоть какие-то ростки реальной внутренней политической жизни — Россия сегодня — это кладбище народовластия и своего будущего. А вот Украина чем-то похожа на ту камарилью, которую описывал Спиридович. Ни у кого в той императорской России не было никаких авторитетов, и, что интересно, их там среди той элиты действительно и не было (как и сегодня на Украине и в России), — на месте элиты той России была все какая-то подлая мелочь, думающая не о стране, а сугубо о своих личных интересах.

Вот, скажем, Спиридович описывает попытку семьи Романовых как-то повлиять на царя и убрать Распутина от власти. От семьи Романовых была послана к царю старшая сестра царицы, на тот момент вдова родного дяди Николая II, Сергея Александровича, убитого революционерами-эсэрами. (Сначала дядя Сергей женился на старшей сестре великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV, а потом Николай II — на младшей.)

«3 декабря к вечеру, Великая Княгиня приехала в Царское Село. Она хотела говорить с Государем, но Царица категорически заявила, что Царь очень занят, он завтра утром уезжает в Ставку и видаться с ним невозможно. Тогда Елизавета Федоровна стала говорить с сестрой-Царицей. Она старалась открыть ей глаза на все происходящее в связи с Распутиным. Произошел резкий серьезный спор, окончившийся разрывом. Александра Федоровна приняла тон Императрицы и попросила сестру замолчать и удалиться. ... Утром Елизавета Федоровна получила от Царицы записку, что поезд ее ожидает. Царица с двумя старшими дочерьми проводила сестру на павильон. Больше они не виделись».

Вы полагаете, сестру царицы и семью Романовых волновала судьба России? Отнюдь! Никто о России не вспоминал. Уходя от царицы, великая княгиня Елизавета Федоровна бросила сестре: «Вспомни судьбу Людовика 16-го и Марии Антуаннеты». То есть не Россия волновала Романовых, а то, что этот безвольный придурок на троне со своей сошедшей с ума бабой и их потащит за собою на плаху.

Вообще-то, книга в этом смысле замечательная: Спиридович описал с более сотни персонажей элиты царской России того времени, и всех их волновали поступки дурака на троне, но... исключительно с точки зрения личных интересов! Народ России элиту не волновал — никто из описанных Спиридовичем персонажей (кроме революцио-

неров) не то что о народе, а даже о потерях на фронте не вспоминает.

Теперь о вопиющем. Николаю II не было и 50 лет, он был здоровый, физически крепкий мужчина, как говорится, на нем пахать можно было. И хотя Спиридович об этом нигде не говорит, но, описывая царя, всячески подтверждает то, о чем говорят другие современники, — Николай всячески уклонялся от управления Россией, уклонялся от своих обязанностей. Все отмечали, что Николаю было в тягость не то что думать над государственными делами, но даже выслушать доклады о них. И он не особо это скрывал, и все его министры и генералы это видели.

Вот интересный штрих, смысл которого, возможно, понятен только руководителям. Союзники беспокоились, чтобы Россия построила железнодорожную ветку к Мурманскому порту, чтобы удобнее было снабжать Россию. Спиридович мельком пишет: «Пуанкаре просил передать Его Величеству, премьеру и министру путей сообщения Трепову просьбу, чтобы Мурманская дорога была закончена к осени. Министры и были предупреждены. Но ни один из них не доложил об этом Государю».

Оценили ситуацию? Создавалась артерия, обеспечивающая снабжение воюющей России по самому короткому и быстрому маршруту (дорога была построена), а царь об этом ничего не знал, поскольку министры не считали нужным тратить время на доклад ему и им не хотелось видеть его скучающую физиономию во время этого доклада.

Всю войну среди «элиты» не могли найти подходящего главу правительства России, и не только потому, что кого бы ни поставили, а противоположная партия начинал грызню и интриги. А потому, что среди вертящихся у трона не было подходящих кандидатур — людей, не боявшихся ответственности.

Начала Россия войну с пропахшим нафталином 75-летним Горемыкиным в роли главы правительства, кста-ти, вступившим в должность в этом же 1914 году. В 1916 году заменили этого старика на молодого, всего 68-летнего Штюмера, о котором Спиридович вспоминал: «...помочь делу он не мог и, прежде всего, потому, что был не только очень стар, но даже дряхл. На одном большом заседании в Москве он заснул. Вызвав меня однажды к себе, в Петрограде, в 9 час. вечера, он задремал при разговоре, да как задремал!» В результате на Штюмера еще и возложили обязанности министров внутренних и иностранных дел. Наконец, к концу 1916 года нашли молодого (для такой должности), 54-летнего Трепова, толкового министра железнодорожного транспорта, но того через полтора месяца сожрала царица с Распутиным. Далее Спиридович сообщает: «Вернувшись с елки, Государь гулял с Вел. Кн. Ольгой Николаевной. Играл с любимыми собаками. ... После чая Государь принял члена Гос. Совета, старого князя Н. Л. Голицына, состоявшего председателем комитета по оказанию помощи русским военнопленным. По этой должности князь довольно часто имел доклады у Императрицы Александры Федоровны и заслужил доверие Ее Величества. Он был приглашен к Императрице, но когда явился во дворец, был принят самим Государем. Государь оказал, что Царица пока занята и начал с ним разговаривать, но затем, улыбнувшись, сказал: “Я с вами хитрю. Вас вызвал я, а не Императрица. Я долго думал, кого назначить председателем Совета министров, вместо Трепова, и мой выбор пал на вас”. Поблагодарив, Голицын заметил, что при его преклонных годах ему будет трудно справиться с новой трудной заботой. Государь как будто и согласился с ним и мило-стиво распрощался. Через два дня был опубликован Указ об его назначении». В результате последним главой правительства Империи, лично принявшим на себя удар ре-

волюции, был 67-летний молодец, имевший опыт работы в должности 1 месяц и перед назначением его главой правительства не имевший ни дня хоть какого-либо предшествовавшего опыта работы в правительстве.

И у меня вопрос к Николаю II: а что же ты, сукин сын, сам не возглавил правительство? Ведь в России никого не было с таким формальным государственным опытом, как у тебя! Ты же в должности царя уже 20 лет слушал доклады и формально обязан был быть в курсе всех государственных дел лучше, чем кто-либо! Что же ты свою царскую работу по управлению Россией даже во время войны на стариков переложил, заведомо зная, что они не потянут эту должность и в мирное время?!

Итак, шла война, массы русского народа уже воевали и гибли, массы ковали оружие и выращивали хлеб. А что конкретно делал царь?

Весь в делах

Как вы выше видели, руководил государственным аппаратом России какой-нибудь старец преклонных лет — глава правительства. Командовал русской армией Верховный главнокомандующий — дядя царя, великий князь Николай Николаевич.

А Николай II что делал-то?

Я скажу так — мешал остальным воевать и работать.

Это, по сути, то, что он делал, а внешне это выглядело как поездка царя по городам и воинским соединениям в тылу или в тылах воюющих армий.

Города обязаны были организовать царю торжественный прием, а это означало, что в этих «осчастливленных» городах недели за две все руководители бросали работу и готовились к встрече. Приехав, царь расспрашивал как бы «случайных» представителей народа о житье-бытье, дарил понравившимся представителям народа часы и мел-

кие подарки, посещал церковь и госпитали, в госпиталях раздавал медали и в конце получал собранные населением города деньги. И отбывал в следующий город. К большой радости всех государственных служащих, да и просто работающего населения осчастливленного города. (Кроме, разумеется, бездельных зевак, для которых царь был вроде нынешней поппсы — поводом посплетничать.) Отбывал царь с чувством большого умиления от того, как любит его и его супругу простой народ!

Потом царь ехал на фронт, где тоже недели на две все вставали на уши, поскольку нужно было снять с фронта целые соединения и начать их муштровать, поскольку царь силу воинских соединений определял по тому, как они в тылу церемониальным маршем проходили мимо него. Кроме того, начальству нужно было обеспечить безопасность этого мероприятия вблизи фронта, с которого, к примеру, немцы могли обстрелять такое скопление войск (по несколько дивизий собирали для парадов) дальнобойной артиллерией или совершить авианалет. Царь приезжал, любовался строем, милостиво разговаривал с офицерами и солдатами, награждал отличившихся медалями и крестами, прощал провинившихся, любовался церемониальным маршем, посещал госпиталь с раздачей крестов и медалей, молился в церкви и, наконец, отбывал, к великому счастью командования этих войск. Короче, армия, как и города, тоже развлекала царя по полной программе.

Боюсь, что меня в этом вопросе понимают только реальные руководители, которым приходилось встречать большое начальство. Скажем, тот же Спиридович маразма всего происходящего, судя по всему, искренне не понимал. Вот он несколько снисходительно смотрит на командующего 9-й армией генерала Лечицкого, который с утра организовывал царю развлечение с парадом в тылах своей армии. И Спиридович посмеивается над Лечицким за то, что

тот оказался не способен оценить царскую милость: «Уже очень темно, когда стали усаживаться в автомобили. Государь предложил Лечицкому: “Платон Алексеевич, хотите, я вас подвезу по дороге?” Тот ответил наивно откровенно: “Никак нет, Ваше Императорское Величество, нам не по дороге, а я слишком долго отсутствовал из штаба армии и мне нужно принять длинный доклад начальника штаба, он ждет меня”. Некоторые переглянулись. Государь ласково улыбнулся и пожал руку Лечицкого».

Это же надо — отказался от милости проехать в одной машине с царем! А то, что у Лечицкого целый день армия воюет без командующего, — это как бы чепуха! И то, что на кой хрен нужны воюющей армии и ее командующему еще и парады в тылу, — это тоже никем во внимание не принимается. Царь приехал, радость какая! Как от приезда Путина.

Надо, конечно, учесть, что писал эти воспоминания жандармский генерал, но ведь генерал! Кстати, когда царь пожаловал ему генеральский чин, то Спиридович перешел из отдельного корпуса жандармов в военное министерство, то есть стал считаться обычным генералом пехоты. Кроме того, он сдружился с генералом Дубенским, официальным летописцем деятельности царя, к которому стекалась вся информация для будущей книги о подвигах царя, поэтому и Спиридович был в курсе чуть ли не каждого царского шага.

И вот Спиридович вспоминает: «Назначенный губернатором в ноябре 1914 года, Княжевич развил необычайную энергию как администратор и уже успел сделать многое для своей губернии. Двинул он вперед и железнодорожное строительство в Крыму. Благодаря своим связям Княжевич добился того, что правительство отпустило деньги на постройку железнодорожной ветки от станции Сарабаз (магистраль Харьков—Севастополь) до Евпатории. Эта вет-

ка, правда, пока кустарная, была построена в три с половиной месяца, и уже 21 октября 1915 года состоялось ее открытие. Отныне на первоклассный, единственный в Европе, грязелечебный курорт Саки (Сакские грязи) и в Евпаторию можно было проехать по железной дороге. Княжевич принялся за сооружение в Евпатории грандиозной грязелечебницы — здравницы, как стали называть по-модному». Надо же! Население собирало деньги на победу в войне, а правительство тратило деньги и силы на строительство курортов и подъездных путей к ним (напомню, что железной дороги к порту в Мурманске еще не было, но зато в Крыму к курорту она, как видите, была построена ударными темпами). Но дело не в этом, а в самом факте того, что Спиридович эту никчемную поездку царя и царицы в Евпаторию счел важным в своих дневниках описать.

Однако еще раз напомню, что шла война, которая резко изменила взгляды на военное дело. Мыслилась война как подвижная, а оказалась окопной, Россия оказалась катастрофически не готовой — не имела минимально необходимого количества тяжелой артиллерии для разрушения укреплений, да и вообще артиллерии имела вдвое меньше, чем у противника, практически всю войну Россия не имела мало-мальски достаточного количества снарядов, а промышленники неимоверно вздули цены на них. Не хватало винтовок, не хватало патронов, не было шанцевого инструмента, колючей проволоки, количество дезертиров было больше, чем во всех остальных армиях мира вместе взятых. Были изобретены и ставились на вооружение новые виды оружия, скажем, ручные пулеметы и бомбометы (минометы), танки и отравляющие газы.

Казалось бы, царя должны были беспокоить все эти вопросы, он должен был вызывать людей для их решения, устраивать совещания, его летописец должен был бы это

отмечать, а Спиридович должен был бы написать об этом в своих воспоминаниях. Но об участии царя в разрешении всех этих проблем во всем тексте воспоминаний — ни слова! Да, других лиц волновал и снарядный голод, и нехватка винтовок и тяжелых орудий, но не царя. Ну, нет в объемном тексте воспоминаний Спиридовича и слов таких, как, скажем, «танк» или «газ». Ну, не интересовали царя все эти военные проблемы, а вместе с царем не волновали они и Спиридовича. Вот в Евпатории царице преподнесли огромный букет белой акации, вот это Спиридович внес в анналы истории, а танки? Да кому в семье царя они во время войны были нужны?

Но и этим сбором денег с патриотического населения полезная деятельность Николая II не ограничилась.

Верховный главнокомандующий

Через девять месяцев войны царица доинтриговала до своей очередной победы над здравым смыслом, и царь снял с должности Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича. После чего Николай II сам стал командовать войсками.

Клаузевиц точно сформулировал мысль о том, что: «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно». Поэтому вполне мог быть Верховным главнокомандующим и Николай II. Но «сложно» — это значит нужно очень много работать, чтобы обдумать, как сделать дело, и очень много работать для реализации задуманного. А «работать» — это, по мнению Николая II, не царское дело. Он, судя по воспоминаниям, принципиально работать не хотел и не собирался.

Поэтому командовал царь русской армией в Первой мировой войне с помощью все тех же парадов в тылу фронтов, правда, теперь он и жить стал большей частью

в Ставке — возле своего штаба. Кстати, и водку стал пить не из хрустальных стопок, а из серебряных стаканчиков — небьющихся. Потому как в походе был царь! А это вам не хухры-мухры!

Само собою, Спиридович с восторгом описывает, как в поте лица трудился царь и в роли Верховного главнокомандующего, ну прямо как известный нам раб на галерах:

«Установившийся порядок дня Государя был таков. Вставал Государь в 7 часов и пил чай у себя в комнатах. В 9 часов, в фуражке и защитной рубашке с кожаным поясом в высоких сапогах, Государь выходил из дома и, поздоровавшись со стоявшими у подъезда часовыми, направлялся в Штаб, до которого было не более ста шагов. Его сопровождали: Дворцовый Комендант, дежурный флигель-адъютант и дежурный урядник конвоец.

У наружного подъезда Штаба Государя встречал с рапортом дежурный по Штабу офицер. Государь подавал ему руку и уже только в сопровождении дежурного входил в здание Штаба. На верхней площадке Государя встречали Начальник Штаба Алексеев и Генерал-квартирмейстер Пустовойтенко. Входили в зал. И на столах и на стенах карты. Алексеев начинал доклад.

После доклада Государь возвращался домой, встреченный Дворцовым Комендантом и дежурным флигель-адъютантом, и проходил в свои комнаты. В час Государь выходил в зал, где уже были в сборе все приглашенные к завтраку и свита. Государь здоровался и проходил в столовую. После завтрака Государь беседовал с кем-либо из приглашенных, что обычно весьма учитывалось, и затем, поклонившись всем, уходил в свои комнаты. В это время Государь говорил Дворцовому Коменданту о предстоящей прогулке; тот предупреждал меня и делались соответствующие мероприятия.

Около двух с половиной часов подавались автомобили, и Государь ехал, в сопровождении нескольких лиц свиты, на прогулку за город. Отъехав большое расстояние, Государь делал, обычно, большую хорошую прогулку пешком и возвращался домой лишь к чаю.

...В 5 часов в столовой подавали чай, на котором, кроме Государя, была только свита. После чая Государь занимался у себя в кабинете.

В 7 с половиной часов — обед с приглашенными, список которых составлялся гофмаршалом заблаговременно и утверждался Государем. После обеда Государь разговаривал с лицами, ему по моменту интересными, и удалялся в свои комнаты, откуда выходил к вечернему чаю в 10 ч., со свитой. После чая, поиграв иногда в домино со своими всегдашними партнерами, Государь, попрощавшись со свитой, уходил в свой кабинет, где занимался за полночь.

С первых же дней вступления Государя в командование самым близким для него лицом по ведению войны сделался Начальник Штаба генерал Михаил Васильевич Алексеев, которого Государь знал давно и к которому питал большую симпатию, называя его иногда “мой косой друг”.

Итак, вся работа с «косым другом» по командованию войсками занимала в день то ли час, то ли два до завтрака.

То, что на обеде присутствовали еще некоторые люди по вызову царя, не имеет значения, поскольку это у Сталина во время обеда решались и государственные вопросы, в связи с чем приглашенные к Сталину на ужин государственные деятели за столом сами за собою ухаживали — обслуга в столовую не допускалась.

А у царя завтраки и обеды тоже имели государственное значение, но иное. Это было поощрение лицам, приглашенным к столу царя, это была некая разновидность награды, а красиво отпечатанное меню завтрака или обеда

было как бы материальным подтверждением, что награда вручена. Вот, к примеру, императрица, наконец, убрала от царя и самого Спиридовича, окончательно лишившегося доверия в ее бдительных глазах, но перед тем, как отпустить его из Ставки градоначальником летней царской резиденции — Ялты, царь все же поощрил Спиридовича царским завтраком: «31 августа я был приглашен к прощальному высочайшему завтраку. Я был в парадной форме. За завтраком была вся Царская Семья. Завтракали в палатке, в саду. Вот меню того памятного для меня завтрака.

На толстой бумаге, в восьмую долю листа, украшенной золотым государственным гербом, отлитографировано рукописью:

«Завтрак

31 августа 1916 г.

Суп-похлебка.

Пирожки.

Сиги на белом вине и раки с рисом.

Левашники с яблоками.

Слива.

За завтраком я встретился дважды глазами с Императрицей. Она потупила взор».

Так что очень трудно понять из воспоминаний Спиридовича, сколько же часов в день царь реально занимался государственными делами между всеми этими застольями, прогулками, играми в домино и прочими царскими заботами. Он же и на прогулках продолжал «работать», вот записи из его дневника: «ездил на велосипеде и убил 2 ворона»; «гулял и убил ворону»; «гулял долго и убил две вороны». Во время прогулок царь убивал и кошек, которых, судя по их обилию, со всей России свозили к местам царских прогулок.

Но вот Николай II стал возить с собою в Ставку и наследника Алексея, поэтому работы по управлению Россией прибавилось:

«Завтракал Наследник за общим столом, сидя слева от Государя.

Он особенно любил, когда соседом был В. Кн. Георгий Михайлович. Он шалил с ним, и Государю приходилось иногда останавливать сына. После завтрака получасовой перерыв и затем прогулка в автомобиле с Государем. Уезжали за город и, выбрав хорошее место, гуляли, играли. У берега реки разводили костер, строили печку, жарили картошку.

После прогулки подавался дома чай, а потом Наследник, расположившись за своим столиком в кабинете Государя, готовил уроки к следующему дню, поглядывая иногда на занимавшегося за своим столом Государя. Обедал Наследник в 7 часов, отдельно, с Жильяром. В разговоре как бы подводился итог минувшего дня. Перед тем, как ложиться спать, Алексей Николаевич молился, громко читая все молитвы. Государь иногда поправлял Его, когда Он слишком быстро произносил молитву. Попрощавшись с сыном, Государь уходил вновь работать в кабинет, тушился в спальне свет, оставалось лишь мерцание лампадки перед образом».

«Государь работал больше обычного. Только после завтрака он уезжал на моторной лодке с Наследником за несколько верст от Могилева, где и гулял и играл с сыном. Алексей Николаевич был произведен 25 мая в ефрейторы».

Что тут сказать? Как видите, Николай II тот еще был «работягой». Как его сравнить с Лениным, сгоревшим на работе? Как сравнить со Сталиным, по 14 часов не выходившим из кабинета, лично написавшим тысячи документов, причем таких сложных, как, к примеру, приказы войскам

об изменении тактики ведения боя или тексты заявлений ТАСС? Не было бы Медведева, так и сравнить Николая II было бы не с кем. А так Медведев-то у нас совсем святой — даже ворон не стреляет.

Порой кажется, что сверхверноподданный Спиридович издевается над обожаемым им царем.

Работать не заставите!

К примеру, вот конец июня 1915 года, и царю, напомним, недавно вступившему в должность Верховного главнокомандующего русской армии, срочно захотелось поехать на автомобилях за 200 км от Ставки в Беловежскую пущу, для того чтобы вспомнить, как он там перед войной охотился, и для того, чтобы позавтракать под вековыми дубами. Но вы представляете, поездка чуть не сорвалась! Спиридович пишет, что они заблудились и фактически проехали 300 км, но главное: «Государь приехал только в три часа. С фронта были получены сведения от Алексеева о немецком прорыве. Государь отменил было поездку, но, получив дополнительные сведения об успешной ликвидации прорыва, выехал. Позавтракав, осмотрели музей, много гуляли и к обеду вернулись в Барановичи». Ну, конечно, какой пустяк — на фронте шли ожесточенные бои. Но разве для русского царя это может быть причиной отказаться от траты целого дня на прогулки и завтрак в Беловежской пуще? Это, конечно, не журавлей в полет провожать и не за амфорами нырять, но тоже...

Поездка в Беловежье утомила государя, и он тут же поехал в Петроград, где занялся понятным и любимым делом — участием в дразгах жены и молебнами во славу русского оружия.

Что касается «успешной» ликвидации немецкого прорыва на фронте, то Спиридович в другом месте и по дру-

тому поводу очень скупо сообщает об этом «успехе» следующее: «В половине июля немцы перешли Вислу. 22-го мы оставили Варшаву, а 23-го Ивангород... 4-го августа пала крепость Ковно. Комендант бежал... 6-го августа сдался Новогеоргиевск. ...10-го августа пал Осовец. Эвакуируют Брест-Литовск. Ставка Верховного Главнокомандующего перешла из Барановичей в Могилев. При отступлении срывается с мест мирное население и гонится внутрь страны».

Это скупо, а если хоть немного копнуть подробности, то ведь они страшны! К примеру, в крепости Новогеоргиевск сдались в плен 83 000 чинов русской армии, в том числе 23 генерала и 2100 офицеров, а комендант крепости генерал Бобырь перебежал к немцам. Немцам в крепости достались 1204 орудия и более миллиона снарядов. Напомню, что в это время на всех фронтах русская артиллерия испытывала острый недостаток снарядов.

А Верховный главнокомандующий в Петрограде крестит лоб и пытается разрулить очередной скандал с Распутиным.

Время шло, но ничего не менялось! Вот Николай II уже полтора года в должности Верховного, казалось бы, даже тупой за такой срок должен хоть чему-то научиться в своем деле. Наступил конец 1916 года.

Вообще-то, этот год все охотно вспоминают, поскольку в этом году был «Брусиловский прорыв» — единственное светлое пятно российской истории той войны. Если посмотреть, что на эту тему дает Википедия, то нас порадуют, что этот «прорыв» — это наступление с конца мая по начало сентября 1916 года 1,73 миллиона русских войск русского Юго-Западного фронта, которым командовал генерал Брусилов. Наступал Брусилов против 1,06 миллиона войск Германии и Австро-Венгрии на южном фланге своего фронта. При этом его Юго-Западный фронт потерял все-

го 0,48 миллиона солдат и офицеров, а немцы и австрийцы — 1,50 миллиона. Чем не победа? Но несколько смущает, что военная история знает «операции», «бои», «сражения», «битвы», а что такое этот «прорыв»? Ну, прорвались, а дальше что?

На самом деле там, где Брусилов прорвался (на своем южном фланге), было не главное направление операций 1916 года, а вспомогательное — этот «прорыв» должен был отвлечь силы противника от направления главного удара, наносившегося севернее. Юго-Западный фронт силами 8-й и 4-й армий должен был прорваться на Ковель, а по другую сторону Припятских болот войска Западного фронта должны были прорваться на Барановичи. Замысел русского командования был в окружении и уничтожении войск противника перед Варшавой, а не в Восточной Галиции и на Буковине, где русское командование не ставило себе никаких стратегических целей. «Брусиловский прорыв» без победы под Варшавой — это прорыв в никуда.

Эта главная операция русской армии на лето 1916 года бесславно провалилась с огромными потерями. Западный фронт, понеся огромные потери, никакого успеха не достиг и на Барановичи не прорвался. И войска Юго-Западного фронта, прорвавшись «в Брусиловском прорыве» на юге, на Ковель не прорвались, также понеся огромные потери на этом своем главном направлении. Достаточно сказать, что в тупых ударах Брусилова в направлении на Ковель на берегах реки Стоход была практически полностью уничтожена русская гвардия — за 6 дней боев гвардейские корпуса потеряли 48 813 человек. А всего с 22 мая по 14 октября (последняя попытка прорваться на Ковель была проведена с 25 сентября по 3 октября) Юго-Западный фронт Брусилова потерял 1 650 000 человек, из которых 203 000 убитыми и 152 500 пленными.

Надо же понимать, почему после такого «победного» 1916 года в России произошла революция.

И вот в декабре 1916 года, после разгромных поражений русской армии в 1916 году, в Ставке собирают совещание для выработки планов операций русской армии на 1917 год.

Отвлекусь. Как обычно ведет совещание умный и честный руководитель? Он заслушивает мнение всех приглашенных, задает уточняющие вопросы, выслушивает споры участников между собой, а затем принимает решение. Его решение может быть таким, какое предложил кто-то из участников совещания, может быть смесью предложений участников, а может быть решением сугубо самого руководителя. И ЛИЧНО приняв это решение, руководитель ЛИЧНО несет за него ответственность. Но, правда, и слава победы только его — руководителя, даже если само решение предложено кем-то иным.

А как ведет совещание на месте начальника тупой субъект? Он молча слушает все, что говорят (поскольку не понимает, о чем это они), а потом принимает такое решение, какое ему его начальство сказал. Либо если такого начальства нет, то принимает такое решение, за которое голосует присутствующее на совещании большинство. И если решение окажется неудачным, то сам тупица как бы ни при чем — «так специалисты решили». А если решение окажется удачным, то ведь он же его подписал! Если уж говорить о временах царей в России, то, к примеру, таким «голосовательным» решением является решение «совета в Филях» бросить Москву на растерзание французам.

Но Николай II в этом вопросе и Кутузова переплюнул, и Спиридович об этом совещании, главном для военных действий в 1917 году, сообщает:

«После завтрака Государь спросил ген. Гурко, много ли осталось вопросов на совещании, которые требуют его личного участия. Генерал ответил, что потребуется с час времени. Тогда Государь сказал, что в таком случае, закончив совещание, он сегодня же выедет в Царское Село».

Как видите, Николая совершенно не интересовало, что это будут за вопросы, насколько они будут трудными и требующими обсуждения и изучения.

Царь совершенно не собирался над этими вопросами лично думать, и ему было наплевать на то, что скажут приглашенные на совещание генералы. Ему важно было узнать, сколько времени ему придется терпеть это мучение.

Это, если вы заметили (проведу параллель), типичное поведение депутатов Госдумы — им плевать, кто и о чем говорит, — они все равно не слушают, так как им это не надо, поскольку, как голосовать, им начальство скажет. Но болтовня утомляет, поэтому депутаты ввели регламент — болтать не более определенного времени. Причем они же считают это решение об ограничении болтовни правильным, не понимая, что только введением этого регламента они уже показали понимающим людям, что депутатам на самом деле не интересны рассматриваемые государственные вопросы, которые они якобы решают.

Но как так может быть? Ведь депутаты за решение этих вопросов от народа деньги получают! Так почему суть принимаемых законов депутатам не интересна? Ответ один: потому, что депутаты за последствия внедрения в жизнь принятых ими законов никак не отвечают, соответственно, зачем им над этими законами думать? Зачем им работать, если можно не работать?

Депутаты — по сути, для России не более чем паразитное образование, хотя сами этого не понимают и оби-

дятся, если их так назвать. Как видите, Николай II, поступая, как и депутаты, тоже этого не понимал.

Да, но ведь, в отличие от депутатов, Николаю требовалось не кнопку нажать, а подытожить совещание своим решением. Как же он мог свое решение выработать, если не собирался слушать выступающих на совещании, если мнения генералов ему заведомо были не интересны? Депутаты-то, как я сказал выше, голосуют так, как начальство скажет, а Николай, не имеющий начальства, как выкручивался?

А просто: «Затем Государь сообщил генералу, что он предполагает сказать в виде заключительного слова на совещании. Последнее вполне соответствовало взглядам и желанию Гурко. Так совещание и было Государем закончено. На нем было решено произвести весною 1917 года общее наступление, причем главный удар предполагалось нанести армией генерала Брусилова».

Заметьте, вопрос о том, какое решение Николаю принять по итогам еще не проведенного совещания, царь согласовал с Гурко еще до того, как он собирался «выслушать» прибывших на совещание генералов. Но тогда зачем генералы приехали, зачем они были нужны со своим мнением, если царь уже решение согласовал? Ведь на самом деле «царское решение» это в тот момент было решением генерала Гурко — царь, Верховный Главнокомандующий, на исполняющего обязанности начальника своего штаба смотрел как на своего начальника.

Пустое место

И при этом ни царь, ни подобные руководители не понимают, что у тех их подчиненных, кто реально является деятельным человеком, возникает вопрос — а на хрена такой руководитель им нужен? Ну, на хрена любой организа-

ции эдакое пустое место? Бумаги подписать? А если дрессированную обезьянку посадить на место царя, научив ее на бумаге подписи чиркать? Ведь чиркнула бы эта обезьяна подпись под решением генерала Гурко не хуже, чем Николай II. Зато насколько бы время принятия решений сократилось, насколько расходы на царя снизились бы! Ни тебе меню золоченых, ни тебе осетрины с раками. Так — пара-тройка бананов. А насколько снизились бы расходы на депутатов Госдумы России, посади там 450 мартышек, дрессированных по сигналу на кнопки нажимать?

Вот теперь поймите: даже если среди подчиненных царя — генералов, министров, высшей аристократии России — большинство и было такими же ленивыми работниками, как и сам царь, то ведь и им нужна была победа России в войне. А царь для этой победы ничего не делал — он был чистой обузой, на общение с которым надо было бессмысленно тратить время и ожидать всяких пакостей от его взбесившейся бабы. Николай II у власти оставлял Россию без головы — без единого управления. Тупой и ленивый царь в это опасное время стал обузой не революционеров, он стал обузой для элиты России. Царь губил русский народ, на что элите, по большому счету, было наплевать, царь губил себя и собственную семью, на что элите тоже было наплевать, но вместе с собою царь губил и саму элиту. А это уже другое дело. Тут уже элита не будет ждать, пока там профессиональные революционеры перестанут между собою грызться, раскачаются и решатся на свержение монархии. Тут уж сама элита свержением царя обязана заняться и займется.

Интересен такой момент. Накануне подписания Николаем по требованию революционного Петрограда отречения от престола его начальник штаба запросил по телеграфу командующих фронтами, как они относятся к этим требованиям революции. Ведь отречением дело могло не

ограничиться, революция могла вообще свергнуть монархию (что она и сделала), и тогда могли пострадать и генералы — царские слуги. Сам Николай II, разумеется, ожидал, что генералы, получившие чины, награды и должности от него с супругой, возмутятся, вышлют с фронтов по паре дивизий в Петроград и перевешают всех бунтовщиков. Придурковатый Николай со своей бабой был уверен, что генералы его любят и без него России не представляют.

Но генералы как раз понимали, что Россия может спастись только без него.

И хотя генералы это понимали, но они попали в щекотливое положение — ну, предложат они царю отречься от престола, а революция будет подавлена, и тогда в каком положении они окажутся? Ведь предложение царю покинуть престол — это измена царю, измена присяге (в России военные клялись в верности не государству, а лично царю). И генералы замешкались, начали тянуть время: «Надо обдумать, посоветаться». И ни минуты не колебался только дядя царя — командующий Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич. От него немедленно поступило решительное: «Уходи!» А узнав об этом, за ним уже и остальные генералы сдали своего «Верховного главнокомандующего» на расправу революции.

Летом 1918 года большевики уничтожили Николая II и его семью (убив 19 человек из примерно 60, могущих претендовать на престол). Уничтожили из гуманных соображений, чтобы не ужесточать гражданскую войну еще и участием в ней монархистов. И уничтожили не по суду, а по приказу правительства или местной власти — это не имеет особого значения. По сей день есть достаточно умников, считающих это уничтожение царя преступлением. Эти люди не понимают ни законов, ни традиций народа, на основе которых законы страны должны приниматься.

Так вот, и в глазах народа, и по его законам и обычаям не является преступлением деяние, запрещенное законом и обычаем, если это деяние было совершено во благо всего общества. Есть такая статья даже в нынешнем Уголовном кодексе РФ, а в Уголовном кодексе СССР статья 14 устанавливала:

«Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред».

Ведь существовала реальная опасность, что кто-то из царской семьи возглавит или освятит своим участием какие-либо участвующие в войне силы, и жертвы народа возрастут на десятки, а то и сотни тысяч человек. Уничтожением царя большевики устранили эту опасность.

История не имеет сослагательного наклонения, но все же не исключено, что эта опасность была мнимой в связи с тем, что семью Романовых в России уже презирали все классы и слои населения. Принимая решение об уничтожении Романовых, большевики не могли этого знать точно, тем не менее это было так.

Военным министром в правительстве Колчака был барон Будберг, который вспоминал, что в годовщину уничтожения Николая II и его семьи, 17 июля 1919 года, в соборе Омска была устроена панихида по «невинно убиенному царю». Но на панихиду практически никто не пришел: из многих тысяч генералов и офицеров, состоявших на служ-

бе в армии Колчака (кстати, в свое время обласканного царем), и толп дворян, прятавшихся от красных в тылу армии Колчака. На панихиде вместе с Будбергом присутствовало только четыре старших офицера. Остальные не видели в уничтожении царя ни трагедии, ни ущерба для России. Заметьте, это было отношение к Николаю II даже не революционеров, а царской элиты — «верных слуг».

Что и говорить — у всех современников Николай II не оставил о себе ничего, кроме презрения.

Есть у нас и достаточно губошлепов, которые все равно будут жалеть Николая — а что он мог поделать, если вот был таким мягким человеком? Отвечаю: он мог уйти и освободить трон для того, кто хотел и мог работать для счастья народа России. Но он этого не сделал — и за все последствия лично для себя и своей семьи винить должен только себя.

И тут стоит добавить, что только насквозь сгнившая церковь могла такого типа признать святым великомучеником. Если Николай II — великомученик, то кто тогда те миллионы, погибшие из-за его нежелания освободить свое место руководителя России для того, кто действительно работал бы на ее благо?

Кто эти погибшие?

Ангелы?

Но попы этого не поймут. Им ведь тоже не понятно, почему места у поповских кормушек должны занимать не они, а те, кто верит в бога.

* * *

В те годы в мире еще были реальные государственные деятели, идущие во власть не для собственного блага, а для своего государства. Они были даже в России, пример тому — большевики, которые появились, казалось бы, «из

грязи», но оказались реальными «князьями». Поэтому такие откровенные глупость и безволие, которые проявлял этот пентюх на троне, бросались в глаза многим. Соответственно, желание освободить от такого царя Россию было естественным не только в глазах народа России, но и в глазах всего мира.

Но это «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». А вот где сегодня в мире есть государственные деятели во главе своих стран? Ведь в нынешней Европе не назовешь государственным деятелем главу ни одной европейской страны, кроме, разве, Белоруссии. Во всех остальных странах у власти сидят копии Николая II.

Кстати, Черчилль дал очень удачное определение того, чем отличается государственный деятель от политика: «Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель — на следующее поколение». Я, разумеется, знаю, что стоит назвать фамилию Лукашенко, и поднимется вой со стороны определенных читателей. Что на это ответить? Мне, скажем, тоже не понятно, и я тоже считаю неприемлемым то, что Лукашенко везде появляется с сыном Колей. Но это я так считаю, а белорусы мое мнение не разделяют, что регулярно подтверждают голосованием на выборах. Не исключено, что постоянно присутствующий возле президента Белоруссии символ будущего поколения для белорусов важнее любых иных символов.

А в России? Бывший крупный реальный руководитель американской промышленности Ли Якокка зло написал о современных «государственных деятелях» США: «Чтобы быть лидером, человеку нужна убежденность. Это огонь в душе, это страсть. Вы должны на самом деле хотеть что-то совершить. Как измерить этот огонь души?

Буш поставил рекорд американских президентов всех времен по количеству дней отпуска — четыреста, и это еще не конец. Он предпочитает чистить конюшни на своем ранчо, лишь бы не заниматься правительственными делами. В одном интервью он даже сказал, что самым главным его достижением за период президентства стала поимка окуня на три с половиной килограмма в искусственном пруду на ранчо».

Неспособные на творчество, убогие режиссеры артистов, играющих роль президента России, не смогли, естественно, оставить такой подвиг Буша без внимания и ограничиться и так позорными поцелуями Путина собачки Буша. И вот СМИ заблистали фото Путина с как бы пойманной им щукой и подписью, что щука весит не 3,5, а целых 21 килограмм (и наши президенты не хуже настоящих!). Вот это обезьянничание является пределом умственного развития тех, кто правит нынешней Россией.

А мне уже спешат задать вопрос — а где нам в России найти таких, чтобы работали не за деньги, а за совесть? А вы должности президента и депутатов сделайте ответственными перед регулярным судом народа. И всех ленивых придурков из власти как ветром сдует.

Ну, сами посудите, если бы был закон, по которому Николай II с семьей за плохое руководство страной даже не убивали бы и сбрасывали трупы в уральские шахты, а просто посадили бы в Петропавловскую крепость на 4 года и потом выпустили на волю безо всяких доходов, стал бы Николай II, скажем, во время войны прогулками увлекаться и ворон стрелять? Поверьте, каким бы дураком Николай II и не был, но уже через пару лет царствования отрекся бы от престола в пользу того, кому престол был по уму и трудолюбию. Сразу отдал бы престол какому-нибудь «Сталину» и не мучил Россию своим дебилизмом.

Следует упомянуть и о том, что еще, кроме заранее оговоренной безответственности руководителей, лежит в основе этого охватившего мир управленческого безумия. Почему на места руководителей прутся люди не за получением выдающихся достижений вверенных им организаций, а за благами? В основе этого желания — тупая мысль, но банальная мысль, что работают дураки, а умные люди «устраиваются» в жизни так, что за них работают другие.

Это действительно умно? От этого становишься счастливым? В этой тупой охоте только за деньгами жизнь каждого человека становится интересней?..

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО НАРОДА

РУССКИЕ ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

«У вас в России хозяйничать нельзя»

Вновь перечитал «Письма из деревни» А.Н. Энгельгардта и понял, что большевики (возможно, и не понимая этого) совершили огромный переворот в психологии русских крестьян и одновременно огромное насилие над их мировоззрением. Настойчивостью в осуществлении коллективизации большевики задавили бывшие у крестьян установки и взгляды на жизнь, на справедливость, а это было делом необычайной трудности — это был подвиг Геракла. До большевиков ни сами крестьяне, ни энтузиасты извне на протяжении более полувека не способны были создать русскую сельскохозяйственную артель, хотя и самый глупый крестьянин понимал полезность для себя коллективизации. Русские крестьяне прекрасно понимали, что нужно объединиться, они и были объединены, как никто, — в прочнейшие общины. Но в области труда вообще и особенно в области сельскохозяйственного производства русские крестьяне не могли объединиться! Мешал укоренившийся у них взгляд на справедливость, мешал комплекс исповедуемых ими ценностей, и мешало отсутствие проектов такой сельскохозяйственной артели, в которых бы сохранились и все их ценности!

Сказать, что этот подвиг большевики совершили идеально, нельзя. С одной стороны, крестьяне понимали полезность колхоза, с другой — большинству из них были отвратны колхозные порядки. И дело не в том, что боль-

шевики заставляли их продавать государству 20% урожая — царь и помещики обирали их гораздо больше и наглее. Только помещики бесплатно забирали, как минимум, 50%. Дело было в несправедливости распределения результатов труда между самими колхозниками — давайте об этом.

Сказать, что при царе сельское хозяйство России было чрезвычайно косным и отсталым, — это ничего не сказать. Энгельгардт разъясняет, что эту косность надо понимать так: в России на единицу зерна тратится неоправданно большое количество пудов человеческой работы (сейчас сказали бы — джоулей). И эта косность зиждилась исключительно на негодной организации труда в сельском хозяйстве России — на его крестьянской раздробленности, а помещичьи хозяйства были неэффективны. Союз крестьян (по-иностранному — кооператив) был единственным зримым выходом, но как этот союз организовать?

«Все дело в союзе, — убеждал Энгельгардт. — Вопрос об артельном хозяйстве я считаю важнейшим вопросом нашего хозяйства. Все наши агрономические рассуждения о фосфоритах, о многопольных системах, об альгаусских скотах и т.п. просто смешны по своей, так сказать, легкости». То есть все эти агротехники и зоотехники, повышающие урожай и выход продукции животноводства, — это чепуха, по сравнению с трудностью организации сельскохозяйственной артели из русских людей.

Между прочим, по соседству с Энгельгардтом работали и немцы, арендовавшие поместья разорившихся и неспособных хозяйствовать помещиков или работавшие управляющими. Это были небогатые выходцы из Германии, но, как правило, имевшие европейское агроэкономическое образование. Они тоже задумывались над вопросом выхода сельского хозяйства России из тупика, но считали объединение русских крестьян в кооперативы просто невоз-

можным. Они видели один путь — разрушение общины и введение частной собственности на землю для каждого крестьянина, последующее разорение крестьян, продажа ими своей земли людям с деньгами, а уже эти люди наймут разорившихся и продавших свою землю крестьян в батраки, и таким путем можно поднять производительность труда сельского хозяйства. «Один немец, — писал Энгельгардт, — настоящий немец из Мекленбурга — управитель соседнего имения, говорил мне как-то: «У вас в России совсем хозяйничать нельзя, потому что у вас нет порядка, у вас каждый мужик сам хозяйничает — как же тут хозяйничать барину. Хозяйничать в России будет возможно только тогда, когда крестьяне выкупят земли и поделят их, потому что тогда богатые скупят земли, а бедные будут безземельными батраками. Тогда у вас будет порядок, и можно будет хозяйничать, а до тех пор нет». Но Энгельгардт уже имел этих самых русских батраков и тем не менее был с немцами не согласен, считая этот путь неэффективным, однако трудности создания сельхозартели он прекрасно понимал.

Тут надо немного уточнить, от кого мы получаем информацию. Александр Николаевич Энгельгардт, потомственный помещик, начинал как артиллерийский офицер, стал химиком, причем практиком, затем за научные заслуги стал доктором химии и профессором кафедры химии Санкт-Петербургского земледельческого института. Впутался в студенческие волнения, отсидел два месяца в крепости и в 1872 году был сослан в свое имение в Смоленской губернии. Энгельгардт — по натуре исследователь, то есть тот, кто получает удовольствие от собственного открытия нового и неизвестного. Поэтому он не только занялся сельским хозяйством как хозяин, но и вникал в вопросы, почему в его отношениях с работниками все происходит так, а не иначе, — не так, как тебе хочется, не так, как ты себе это представляешь.

Отдельно надо подчеркнуть, что А.Н. Энгельгардт был выдающимся хозяином — тем, кто может достичь самого высокого дохода при минимуме затрат, — он на порядок увеличил денежный оборот имения с тем же количеством земли. Но Энгельгардт не гнался за личным обогащением — это ему было неинтересно (хотя и его личный доход тоже рос). Он не сдирал три шкуры с работников и поэтому одновременно поднял и благосостояние крестьян тех деревень, которые на него работали. Пожалуй, он был лучшим хозяином России, к нему со всех концов приезжали учиться, и, казалось бы, именно его хозяйство должно было быть образцом для остальных хозяйств России, казалось бы, путь помещичьих латифундий, как и учили немцы, — вот выход для России в области сельского хозяйства!

Но Энгельгардт, критикуя и будущие реформы Столыпина, писал:

«Разделение земель на небольшие участки для частного пользования, размещение на этих участках отдельных земледельцев, живущих своими домками и обрабатывающих, каждый отдельно, свой участок, есть бессмыслица в хозяйственном отношении. Только “переведенные с немецкого” агрономы могут защищать подобный способ хозяйствования особняком на отдельных кусочках. Хозяйство может истинно прогрессировать только тогда, когда земля находится в общем пользовании и обрабатывается сообща. Рациональность в агрономии состоит не в том, что у хозяина посеяно здесь немного репки, там немного клеверку, там немножко рапсу, не в том, что корова стоит у него целое лето на привязи и кормится накошенной травой (величайший абсурд в скотоводстве), не в том, что он ходит за плугом в сером полуфракке и читает по вечерам “Gartenlaube”. Нет. Рациональность состоит в том, чтобы, истратив меньшее количество пудофутов работы, извлечь

наибольшее количество силы из солнечного луча на об-
щую пользу. А это возможно только тогда, когда земля на-
ходится в общем пользовании и обрабатывается сообща.

...Описав там же мое хозяйство, я закончил статью сле-
дующим образом:

“Я достиг в своем хозяйстве, можно сказать, блестя-
щих результатов, но будущее не принадлежит таким хозяй-
ствам, как мое. Будущее принадлежит хозяйствам тех лю-
дей, которые будут сами обрабатывать свою землю и ве-
сти хозяйство не единично, каждый сам по себе, но сообща”.
И далее я говорю: “Когда люди, обрабатывающие землю
собственным трудом, додумаются, что им выгоднее вести
хозяйство сообща, то и земля, и все хозяйство неминуемо
перейдут в их руки”. И додумаются».

Сам Энгельгардт не смог додуматься, как именно объ-
единить русских крестьян, большевики тоже не смогли, но
у них была власть — они взяли и объединили. Объединили
так дубово, так по-книжному, так по-западному, так по-не-
мецки, что Энгельгардт наверняка не раз в гробу перевер-
нулся. Переворачивался потому, что он все силы прило-
жил, чтобы самому понять и другим объяснить, что это та-
кое «русский народ», что это очень непросто, что это очень
сложное и противоречивое образование. И он писал об
этих противоречиях в среде русских крестьян, предупре-
ждал о них, но для большевиков (как и для Столыпина) он
был не авторитет, как и, скажем, Бакунин. У большевиков
был свой свет в окошке — свет Запада. Начиная от Карла
Маркса и заканчивая «научными» достижениями западных
экономистов и агрономов.

Однако прежде чем рассмотреть противоречия в об-
ществе русских людей, давайте закончим с Энгельгардтом
как хозяином — за счет чего ему удалось достичь выдаю-
щихся результатов своего хозяйствования?

Надо понять положение в тогдашнем сельском хозяйстве России. Самый гнилой класс России, ее ленивое и тупое быдло — дворянство (исключения только подтверждают правило), давшее основу такому же ленивому своему потомству — интеллигенции, до 1861 года имело практически все земли (кроме царских и казачьих) в своем частном владении. И хозяйствовало просто — крепостные половину недели работали на барском поле, половину — на поле, отведенном барином для крепостных. В 1861 году царь освободил крестьян от необходимости работать на барина, но не дал крестьянам земли для работы на себя. Вернее, земля выделялась из барской по норме, однако крестьяне обязаны были ее выкупить в рассрочку. Тем не менее, лишившись дармовой рабочей силы, многие ни на что не способные помещики начали разоряться. А разоряясь, бросили поместья на управляющих из тех же крепостных и поступили на чиновничью и военную службу, став получать от царя гораздо больше, чем давали их разоряющиеся поместья. То есть этих паразитов теперь уже и через казну продолжали кормить те же крестьяне, и в еще большей мере.

«Передовую» роль помещиков в сельском хозяйстве России Энгельгардт показывает на таком примере. На второй год жизни и работы Энгельгардта в деревне в Смоленске была устроена сельскохозяйственная выставка достижений Смоленской и соседних губерний, из столицы была привезена куча золотых, серебряных и медных медалей (надо думать, царские чиновники «пилили откаты»). Медали остались практически не розданными — экспонатов на выставку было представлено очень мало и в основном с царских хозяйств. А посетитель из трех губерний был один — Энгельгардт. Вернее, двое, поскольку Энгельгардт взял с собой и своего батрака в качестве сельскохозяй-

зяйственного эксперта и своего советника. Энгельгардт неделю ждал, что приедет еще кто-нибудь из местных помещиков и можно будет посоветоваться на счет помещичьих проблем, — не дождался. Остальным помещикам трех губерний все эти достижения сельского хозяйства были просто неинтересны, им и без достижений сельского хозяйства было хорошо.

Таким и был этот российский «образованный класс».

Но вернемся к помещичьим проблемам после освобождения крестьян. Управляющие дворянских поместий (хоть русские, хоть иностранцы), на которых дворяне бросили свои поместья, тоже ведь не имели дармовой рабочей силы, посему поместья все равно стали приходить в запустение — множество помещичьих земель перестало обрабатываться и приходило в запустение — зарастало, к примеру, березняком, как в описываемой Энгельгардтом Смоленской губернии.

Однако со временем помещики нашли способ как-то существовать. Основывался этот способ на двух положениях.

Во-первых, на скудной урожайности тех времен, да еще и с постоянными годами неурожая, и на том, что в сговоре с помещиками царские чиновники требовали уплаты податей сразу же после уборки хлебов, а купцы в это время сговаривались и давали за хлеб очень низкую цену. Если бы подати можно было платить к Новому году, то крестьяне переработали бы и продали технические культуры — коноплю и лен, или заработали на стороне и заплатили бы подати, не трогая хлеба. Но чиновники их жали заплатить подати в сентябре, в результате крестьяне продавали хлеб, оставаясь без него уже к декабрю. И шли к помещику за хлебом, а тот продавал его, но не за деньги, а под будущую работу у него на полях. Мало этого, крестьянам не было пощады и в урожайный год:

«Попробовав “нови” (то есть дожив до нового урожая. — Ю.М.), народ повеселел, а тут еще урожай, осень превосходная. Но недолго ликовали крестьяне. К Покрову стали требовать недоимки, разные повинности, — а все газеты виноваты: прокричали, что урожай, — да так налегли, как никогда. Прежде, бывало, ждали до Андриана, когда пеньки продадут, а теперь с Покрова налегли. Обыкновенно осенью, продав по времени конопельку, семячко, лишнюю скотинку, крестьяне расплачиваются с частными долгами, а нынче все должники просят продолжать до пенек (до конца обработки конопли и получения пеньки на продажу. — Ю.М.), да мало того, ежедневно то тот, то другой приходят просить в долг, — в заклад коноплю, рожь ставят или берут задатки под будущие работы, — волость сильно налегает. Чтобы расплатиться теперь с повинностями, нужно тотчас же продать скот, коноплю, а цен нет. Мужик и обождал бы, пока цены подымутся, — нельзя, деньги требуют, из волости нажимают, описью имущества грозят, в работу недоимщиков ставить обещают. Скупщики, зная это, попридержались, понизили цены, перестали ездить по деревням; вези к нему на дом, на постоянный двор, где он будет принимать на свою меру, отдавай, за что даст, а тут у него водочка... да и как тут не выпить! Плохо. И урожай, а все-таки поправиться бедняку вряд ли. Работа тоже подешевела, особенно сдельная, например пилка дров, потому что нечем платить — заставляйся в работу. На скот никакой цены нет, за говядину полтора рубля за пуд не дают. Весною бились, бились, чтобы как-нибудь прокормить скотину, а теперь за нее менее дают, чем сколько ее стоило прокормить прошедшей весной. Плохо. Неурожай — плохо. Урожай — тоже плохо...»

Во-вторых. Те помещики, у которых были плохие земли, при крепостном праве давали в пользование своим

крестьянам земли побольше, в результате при освобождении у многих общин оказалось земли больше нормы. Куски этих земель сверх нормы отрезали от крестьянских полей в пользу помещиков, и эти куски колом стали в горле у крестьян. Дело в том, что, вообще имея очень мало земли, крестьянам трудно было выделить землю для того, чтобы пастись скот и лошадей, и обязательным пастбищем были поля под паром — поля, которые отдыхали в этом году и зарастали травами. А помещик на своем отрезке обязательно сеял что-то в противовес пару — озимые или яровые. Голодный скот, пасясь на скудном пару и увидев зелень ржи или овса, бросался на них, и происходила потрава помещичьего поля. Крестьянский скот отгонялся к помещику, и тот требовал штраф за него. Таким нехитрым способом помещик этими совершенно ненужными ему отрезками земли не давал крестьянам жить, в результате крестьяне вынуждены были эти отрезки у него арендовать, и тоже под отработку полей помещика. Энгельгардт пишет: «При наделении крестьян лишняя против положений земля была отрезана, и этот отрезок, существенно необходимый крестьянам, поступив в чужое владение, стеснил крестьян уже по одному своему положению, так как он обыкновенно охватывает их землю узкой полосой и прилегает ко всем трем полям, а потому, куда скотина ни выскочит, непременно попадет на принадлежащую пану землю. ...Значение отрезков все понимают, и каждый покупатель имения, каждый арендатор, даже не умеющий по-русски говорить немец, прежде всего смотрит, есть ли отрезки, как они расположены и насколько затесняют крестьян. У нас повсеместно за отрезки крестьяне обрабатывают помещикам землю — именно работают круги, то есть на своих лошадях, со своими орудиями, производят, как при крепостном праве, полную обработку во всех трех полях. Оцениваются эти отрез-

ки — часто, в сущности, просто ничего не стоящие, — не по качеству земли, не по производительности их, а лишь по тому, насколько они необходимы крестьянам, насколько они их затесняют, насколько возможно выжать с крестьян за эти отрезки». Со временем и деревенские кулаки поняли, что выгоднее деньги давать не в долг под проценты, а арендовать у помещика землю и за долги заставлять крестьян ее обрабатывать.

Вот как это выглядело в деньгах на 80-е годы XIX века.

Зимой оголодавший крестьянин покупал у помещика хлеб и за его количество на сумму в 25 рублей обязан был отработать помещику «круг», а за 28 рублей — отработать круг и скосить десятину луга. Круг — это на своих лошадях и своим инвентарем вспахать десятину пара и вывести на него навоз, вспахать и посеять десятину озими, вспахать и засеять десятину ярового, затем все это убрать, обмолотить и ссыпать в амбар помещику. При очень посредственном урожае озимая рожь давала 30—100 пудов с десятины, при очень хороших условиях — до 200 пудов, яровая пшеница при посредственных условиях давала 50—80 пудов с десятины, при очень хороших условиях — до 150 пудов. То есть с двух десятин, даже при очень плохих условиях, нельзя было получить менее 100 пудов, а при очень хороших условиях получалось до 300 пудов, причем чем выше урожай, тем тяжелее уборка и обмолот. А хлеб стоил в те годы 1 рубль за пуд. То есть помещик, давая «свободному» крестьянину в голодную зиму 25 пудов ржи, через год получал от него минимум 100 пудов на 100 рублей. 300% прибыли в год и сегодня не каждый банк сумеет взять! Кликушам голодомора как раз кстати порадоваться счастливой доле свободных от геноцида большевиков царских крестьян.

Для информации, в России в это время официально существовал максимум кредитного процента — 6% годо-

вых, к концу века он был поднят до 12% годовых. Все более высокие проценты считались ростовщицеством и карались тюрьмой. Теоретически. Поскольку сельские ростовщики брали и 60%, да только этих ростовщиков было мало и они не могли составить конкуренцию помещикам, арендаторам и кулакам, которые за заем хлебом брали более 300% годовых, и это не считалось ростовщицеством!

При этом весь помещичий класс и нарождающиеся кулаки были кровно заинтересованы, чтобы крестьяне были как можно беднее и как можно более голодными. Если крестьянин на своем хлебе мог бы дотягивать до нови — до нового урожая, помещичьи и кулацкие земли некому было бы обрабатывать.

Но вот эта отработка «кругов» помещику и кулаку за долги имела еще крайне пакостное свойство. Ведь самым тяжелым периодом крестьянских работ была жатва — страда. (Не даром это слово одного корня со «страдать».) Вот такой пример. Энгельгардт подробно описывает работу грабарей — крестьян одной из соседних деревень, специализировавшихся на земляных работах в свободное от сельхозработ время. У этих землекопов было два периода работы в сезон — от сева до косьбы сена и начала жатвы и после жатвы. Так вот, до жатвы они работали вполсилы — берегли силы для жатвы. Могли вырабатывать по рублю в день, а работали на 75 копеек, и никакие посулы не могли заставить их работать больше. Зато после жатвы, когда впереди был относительно свободный зимний период, они без всяких понуканий упирались и вырабатывали на рубль двадцать в день. Это пример того, что даже такая тонкость, насколько ты устаешь от работы, имела значение для такого важного периода, как страда.

И именно в эту страду крестьяне обязаны были отрабатывать чужие поля за долги, а хлеб на своей ниве осыпался.

У Энгельгардта в книге приведен такой разговор, поясняющий специфику долгов крестьян помещику.

«Повторяю, положение было ужасное. Крестьяне, кто победнее, продали и заложили все, что можно, — и будущий хлеб, и будущий труд. Процент за взятые займы деньги платили громадный, по 30 копеек с рубля и более за 6 месяцев. Мужик прежде всего старается занять, хотя бы за большой процент, лишь бы перевернуться, и уже тогда только, когда негде занять, набирает работы. В апреле ко мне пришел раз довольно зажиточный мужик, у которого не хватило хлеба, с просьбой дать ему займы денег на два куля ржи.

— Дай ты мне, А.Н., пятнадцать рублей денег займы до Покрова; я тебе деньги в срок представлю, как семя продам, а за процент десятину лугу уберу.

— Не могу. А если хочешь, возьмись убрать три десятины лугу: по 5 рублей за десятину дам. Деньги все вперед.

— Нельзя, А.Н.

— Да ведь хорошую цену даю, по 5 рублей за десятину; сам знаешь, какой луг: если 100 пудов накопишь, так и слава Богу.

— Цена хороша, да мне-то невыгодно. Возьму я три десятины лугу убирать, значит, свой покос упустить должен, — хозяйству расстройство. Мне бы теперь только на переворотку денег, потом, Бог даст, конопельку к Покрову продам, тогда вот я тебе десятину уберу с удовольствием.

Действительно, крестьянину очень часто гораздо выгоднее занять денег и дать большой процент, в особенности работою, чем обязаться отрабатывать взятые деньги, хотя бы даже по высокой цене за работу. При известных условиях мужик не может взять у вас работу, хотя бы вы ему давали непомерно высокую цену, положим два рубля в день, потому что, взяв вашу работу, он должен упустить свое хозяйство, расстроить свой двор, каков бы он ни был;

понятно, мужик держится и руками, и зубами. Когда мужику нужны деньги, он дает громадный процент, лишь бы только переверотиться, а там — Бог хлебушки народит: печенка будет. Если мужик вынужден брать деньги под большие проценты, это еще не вовсе худо; а вот когда плохо, — если мужик наберет работ не под силу. В нынешнем году было множество и таких, которые готовы были взять какую угодно работу, только бы деньги вперед. Хлеба нет, корму нет, самому есть нечего, скот кормить нечем, в долг никто не дает — вот мужик и мечется из стороны в сторону: у одного берется обработать круг, у другого десятину льна, у третьего убрать луг, лишь бы денег вперед получить, хлебушки купить, “душу спасти”. Положение мужика, который зимой, “спасая душу”, набрал множество работы, летом самое тяжелое: его рвут во все стороны — туда ступай сеять, туда косить, — конца работы нет, а своя нива стоит необработанная».

Выдающийся экономист

Итак, приехав в ссылку в свое имение размером более 4 сотен десятин, с большинством полей, заросших березняком, Энгельгардт получил в наследство именно этот способ хозяйствования — мало дающий ему, разоряющий крестьян, но принятый всеми помещиками округи. Разумеется, Энгельгардт начал читать статьи и книги ученых теоретиков сельского хозяйства, как немецких, так и своих «ученых», содержавшихся царем за счет казны. И после этих чтений, даже будучи сам профессором еще совсем недавно, Энгельгардт об ученых-теоретиках сельского хозяйства высказался весьма определенно:

«Мне часто думается, не эта ли мертвая вялость, которую несет от книг, причиной, почему наши агрономические заведения выпускают так мало людей, идущих в практику? Мне все кажется, что профессор, который никогда

сам не хозяйничал, который с первых дней своей научной карьеры засел за книги и много, если видел, как другие хозяйничают на образцовых фермах, который не жил хозяйственными интересами, не волновался, видя находящую в разгар покоса тучу, не страдал, видя, как забило дождем его посев, который не нес материальной и нравственной ответственности за свои хозяйственные распоряжения, — мне кажется, что такой профессор, хотя бы он прочел все книги, написанные Шварцами и Шмальцами, никогда не будет чувствовать живого интереса к хозяйству, не будет иметь хозяйственных убеждений, смелости, уверенности и непреложности своих мнений, всего того, словом, что делается только “делом”. Агроном, который никогда не прилагал своих знаний на деле, будет похож на химика, который изучил химию по книгам, но никогда сам в лаборатории не работал. Занятие агрономией по книгам, подобно тому как занятие химией или анатомией по книгам, есть онанизм для ума. Мне кажется, что такие профессора, сами не интересуясь живо предметом, не имея под собой почвы, не могут возбудить интереса к “делу” и в своих учениках, вследствие чего те, окончив курс в агрономическом заведении, не идут в хозяйство, а, копируя своих профессоров, поступают в чиновники. Недостаток агрономических книг у нас полнейший, хотя книг много. Беда тому, кто начнет хозяйничать при помощи этих книг; недаром сложилось у нас понятие, что кто хозяйничает “по агрономии”, тот разоряется».

Энгельгардта возмущало, к примеру, что эти петербургские умники вещали, что отсталость сельского хозяйства в России определяется высокой стоимостью труда. Как?! Энгельгардт приводит бюджет собственного батрака, у которого с вычетом на еду остается по году всего несколько рублей. Но если этого батрака уволить, то завтра тридцать

человек запросится на его место только потому, что у Энгельгардта батраки не голодали. Это высокая плата?

Совершенно ничего не делая, дать крестьянину 25 рублей и получить за это через год 100 рублей — это высокая стоимость крестьянского труда? Энгельгардт кипит возмущением: «...в “Земледельческой Газете”, 1880 г., стр. 749, читаем: “Одним из очень хороших средств замены, если не сполна, то отчасти, ржаного хлеба служит усиление потребления мясной пищи и именно баранины”. “Земледельческая Газета” советует поэтому “в тех местностях Поволжья, где картофель дешев, обратить особенное внимание на баранину”. Что значит ученье, как подумаешь! Нет у тебя хлеба — ешь баранину. Мужик-то, дурак, тащит скот на продажу за бесценок, на вырученные деньги покупает ржаную муку, мешает ее с овсяной, с ячной, с мякиной, чтобы только иметь хоть какой-нибудь хлеб, не знает, осел, что “мясная пища, именно баранина, есть хорошее средство замены ржаного хлеба”!

...Ведь это только нужда, необходимость уплатить подати, купить хлеба продает мясо по таким дешевым ценам, и чем дешевле мясо, тем, значит, более эта нужда. Прошедшей осенью у нас говядина обходилась скупщикам скота по 80 копеек за пуд, знаю даже несколько покупок по 50 копеек пуд. Между тем ржаная мука была от 1 рубля до 1 рубля 10 копеек за пуд. Мужик приводил на рынок корову, продавал ее за бесценок и на вырученные деньги покупал ржаную муку».

Ну, чем те теоретики отличались от современных академиков экономики?

Энгельгардт истекает сарказмом:

«Великое дело наука, ученье. Агрономы “Земледельческой Газеты” вычислили даже, на основании научных данных, что картофельный хлеб лучше, питательнее ржа-

ного. Мужик считает несчастьем то худолетье, когда нужно прибегать к картофельному хлебу, а ученые агрономы говорят, что такой хлеб даже лучше, “что им не побрезгают даже за богатым столом”. Один агроном даже сам ест картофельный хлеб и детей своих им кормит (“Земледельческая Газета”, 1880 г., стр. 752, статья Малышева). С чем и поздравляем! Советуем попробовать хлеб с конопляной жмакой, льняной мякиной, гнилым деревом (возьмут гнилую колоду, высушат, растолкут и прибавляют в муку), может, тоже вкусен покажется. А как бы поднялся наш кредитный рубль, если бы народ ел гнилое дерево, а рожь можно было бы всю отправлять за границу на продажу!»

И это пишет человек, который безо всяких кавычек ученый, и далеко не последний в России. Кстати, Энгельгардт показывает и разницу между собой, ученым, и теоретиками: «Но я так поступать не могу. Я практический хозяин. Если я скажу: пашите плугами, и вы будете в состоянии платить работнику не 1/2 копейки за проход версты, а 3 копейки, то мне каждый, ну, хоть мой ближайший сосед, вправе сказать: “докажи это на своем хозяйстве”. Наша хозяйственная литература не дает ответа на эти вопросы, потому что, за немногими исключениями, журналы наполняются статьями, написанными людьми, которые никогда хозяйства не вели и практикою не занимались».

Ну, ладно, вернемся к хозяйствованию Энгельгардта.

Принципы хозяйствования

Энгельгардт понял, что нужно самому исследовать вопрос и самому искать решение. Хозяйствовать так, как остальные помещики? Но ведь очевидно, что будешь и сам влачить жалкое состояние, и крестьян держать в еще более жалком состоянии. Нанять батраков, как советуют мудрые немцы? Но столько батраков, чтобы они сумели убрать урожай в страду, не наймешь — они большую часть года бу-

дут без дела и разорят тебя. Привлекать крестьян соседних деревень работать все равно придется. Так что делать?

Энгельгардт, кстати, не итожит свои приемы хозяйствования, вернее, дает их подробности, не рассматривая их принципы, я же выделю следующие.

Прежде всего он понял то, чего (судя по иным источникам) не понимали даже русские купцы, — не надо стремиться получить 300% прибыли (три рубля) с одного пуда, надо стремиться получать по 10% (10 копеек), но со 100 пудов. Иными словами, если ты видишь, что заплаченный работнику лишний рубль даст на рубль десять копеек добавочной продукции, то нужно платить работнику лишний рубль без колебаний, чтобы получить эти 10 копеек, но не уменьшать ему зарплату с непременным желанием получить с рубля его зарплаты обязательно три рубля. Или применительно к Энгельгардту — не жалеть на пахаря 3 копейки за версту, если эта «дорогая» верста даст на три с половиной копейки дополнительного урожая.

Чтобы несильно грузить крестьян в страду, Энгельгардт начал уменьшать поля под зерновыми, одновременно добиваясь увеличения урожайности с каждой десятины. При уменьшении запашки под зерновые это стало возможным за счет увеличения вывоза навоза (удобрения) на десятину поля. Он начал вводить культуры, которые смещали работу по ним на свободное для крестьян время. Он давал крестьянам вырастить хлеб для себя на их полях, одновременно давая им хорошо заработать у себя в имении в свободное от своих полей время. К примеру, он нанимал их вырубать березняк и раскорчевать запущенное поле. Дрова выбирались, ветки и корни сжигались, дополнительно удобряя уже отдохнувшую за 10 лет землю. Но, главное, это ведь работа не для страды. На этом поле сеялся лен, у которого время обработки отличается от зерновых, кроме этого, его выдергивают зеленым, и делают это женщины, то есть, по-

мимо мужчин, женщины начинают приносить в дом серьезные деньги. Далее обработка льна проводится осенью и зимой, и опять женщинами, а десятина льна дает во много раз больше дохода, чем десятина зерновых. На следующий год эта десятина, и так отдохнувшая, глубоко пашется плугом, дается немного навоза, и сеется озимая рожь, которая на отдохнувшей земле дает очень высокий урожай. Далее эта десятина засеивается клевером и тимофеевкой, и несколько лет ее только косят, получая сено, равное овсу. Потом эту десятину снова пускают в залежь, на ней пасется скот, и земля отдыхает. Используя такие приемы, Энгельгардт резко увеличивал и увеличивал доход имения, но, в свою очередь, за счет увеличения своего дохода он платил крестьянам, и их доход тоже увеличивался.

Существует и сегодня мнение, а тогда оно было непрекаемой истиной, что крестьяне, дескать, глупее горожан. На самом деле крестьян не интересуют те сферы жизни, в которых горожане умные или умничают, а что касается сообразительности, то Энгельгардт пишет, к примеру:

«Каждый крестьянский мальчик, каждая девочка умеют считать до известного числа. "Петька умеет считать до 10", "Акулина умеет считать до 30", "Михей до 100 умеет считать". "Умеет считать до 10" — вовсе не значит, что Петька умеет перечесать раз, два, три и т.д. до 10; нет, "умеет считать до 10" — это значит, что он умеет делать все арифметические действия над числами до 10. Несколько мальчишек принесут, например, продавать раков, сотню или полторы. Они знают, сколько им следует получить денег за всех раков и, получив деньги, разделяют их совершенно верно между собою, по количеству раков, пойманных каждым.

При обучении крестьянских мальчиков арифметике учитель всегда должен это иметь в виду, и ему предстоит только воспользоваться имеющимся материалом и, поняв, как считает мальчик, развить счет далее и показать, что

“считать можно до бесконечности”. Крестьянские мальчишки считают гораздо лучше, чем господские дети. Сообразительность, память, глазомер, слух, обоняние развиты у них неизмеримо выше, чем у наших детей, так что, видя нашего ребенка, особенно городского, среди крестьянских детей, можно подумать, что у него нет ни ушей, ни глаз, ни ног, ни рук».

И, на мой взгляд, очень важно то, что у Энгельгардта установились с крестьянами нормальные отношения — нет, он не сюсюкал и не призывал их к бунту. Он вел себя с ними как хозяин своего поместья, он сам лично хозяйствовал, а не передал управление каким-то «специалистам-менеджерам». (От себя подтверждаю лишний раз — руководить людьми должен сам хозяин, а не его холоуи или электронная машинка с «самой современной программой».)

А вокруг Энгельгардта все было еще хуже, чем при крепостном строе.

«И теперь, как при крепостном праве, основа помещичьих хозяйств не изменилась. Конечно, помещичьи хозяйства, в наших местах, по крайней мере, упали, сократились в размерах, но суть, основа, система остается все та же, как и до 1861 года.

Прежде, при крепостном праве, помещичьи поля обрабатывались крестьянами, которые выезжали на эти поля с своими орудиями и лошадьми, точно так же обрабатываются помещичьи поля и теперь теми же крестьянами с их лошадьми и орудиями, с тою только разницею, что работают не крепостные, а еще с зимы задолженные.

Точно так же, как и прежде, и теперь землевладелец не только не работает сам, не умеет работать, но и не распоряжается даже работой, потому что большею частью ничего по хозяйству не смыслит, хозяйством не интересуется, своего хозяйства не знает. Землевладелец или вовсе не живет в деревне, или если и живет, то занимается своим бар-

ским делом, службой или еще чем, придется разве по полям — вот и все его хозяйство. (Ну, точно описание любого современного министерства или хозяина корпорации. — Ю.М.) Какой же он хозяин, когда он ни около скота, ни около земли, ни около работы ничего не понимает, а понимает только то, чему с малолетства учился, — службу. За баринном следует другой барин, подбарин, приказчик, который обыкновенно тоже работать не умеет и работы не понимает, около земли и скота понимает немногим больше барина, умеет только мерсикать ножкой и потрафлять барину, служить, подслуживаться. Затем, если имение покрупнее, идет еще целый ряд подбаринов — конторщики, ключники, экономки и прочий мерсикающий ножкой люд, одевающийся в пиджаки и носящий панью и шильоны, — люд, ни в хозяйстве, ни в работе ничего не понимающий, работать не умеющий и не желающий, и работу, и мужика презирающий. Наконец, уже идет настоящий хозяин, староста-мужик, без которого хозяйство вовсе не могло бы идти. Староста-мужик умеет работать, работу понимает, знает хозяйство, понимает и около земли, и около скота, но, главное, староста знает, что нужно мужику, знает, когда мужик повывчался, знает, как обойтись с мужиком, как его забротать, как на него надеть хомут, как его ввести в оглобли. Административный штат поместья только ест, пьет, едет и погоняет, а везет, работает мужик, и, чтобы запрячь этого мужика, нужно, чтобы у него не было денег, хлеба, чтобы он был беден, бедствовал».

Энгельгардт вскользь упоминает, что существует мнение, что крестьяне уважают немцев-арендаторов. Это неправда, поскольку именно немцев они и не любят за желание только обогатиться. (От себя вспомню одного из героев поэмы Некрасова, который «немца Фогеля / Христьяна Христианыча / Живого закопал...»). На самом деле, объясняет Энгельгардт, речь идет о швейцарцах, которые лично

знают все работы по хозяйству, умеют их делать, не стремятся только паразитировать на крестьянах и за это ими уважаются. «Чтобы быть хозяином, нужно любить землю, любить хозяйство, любить эту черную, тяжелую работу. То не пахарь, что хорошо пашет, а вот то пахарь, который любит свою пашню», — дает определение хозяину Энгельгардт и пишет, что успех хозяйства в первую очередь зависит не от внедрения машин, агротехники или иных достижений науки, а только и исключительно от хозяина.

В итоге вокруг имения Энгельгардта десять деревень образовали, как он называет, «Счастливый Уголок», в котором «...крестьяне и нынче будут есть чистый ржаной хлеб, тогда как в других местах уже теперь едят хлеб с ячменем, овсом, картофелем, какой-то бараболей, мякиной, а инде, если нет хлеба, могут есть говядину, потому что там, где нет хлеба, говядина дешевле ржаной муки».

Мы очень неоднозначны

Но не о хозяйственных приемах Энгельгардта, имеющих на сегодня только исторический интерес, идет речь. Он наблюдал и пытался понять крестьян, приводя в «Письмах...» примеры в обоснование своих наблюдений и выводов, и вот эти его наблюдения русского народа, очень не исключено, важны и сегодня. Причем Энгельгардт особенности русского народа не выделяет в отдельный объект исследования, а мы давайте попробуем это сделать. Хотя нельзя и гарантировать, что все замеченные особенности присущи обязательно русским и даже русским вне Смоленской области, и русским нашего времени. Надеюсь, вы понимаете, что когда я использую понятие «русский», то имею в виду некоего усредненного человека, выросшего в русской среде в широком смысле слова, то есть и малороссийской, и белорусской тоже.

Существует принципиальная ошибка основной массы теоретиков и писателей — они человека рассматривают как колокол, издающий только одну ноту, и, услышав один раз эту ноту, эти специалисты уверены, что этот колокол ни на какую иную ноту не способен. На самом деле такой примитивный подход не применим вообще к людям и тем более к русскому народу, вынужденному быть чрезвычайно пластичным, чтобы выжить в тех суровейших природно-политических условиях своей истории, в которых и формировалось его мировоззрение. Русский человек — это не колокол, это звонница с большим количеством колоколов, издающих самые разные ноты, и если начать дергать за первую попавшуюся веревку, то можешь получить совершенно не те звуки, которые ожидаешь. Кто до «перестройки» сомневался, что ЦК КПСС звонит в самый нужный и громкий колокол? Ан нет, оказалось, что есть и еще колокола, дернув за веревки к которым, можно получить иные, визгливо пронзительные ноты, и эти ноты заглушат все остальные колокола.

И в период коллективизации большевики именно в такие, ненужные их целям колокола и зазвонили.

Начнем с принципиальных особенностей русских, и первой возьмем исключительную преданность обществу — миру. Казалось бы, свойство совершенно определенное, напомним, что многосотлетнее понятие русское «пострадать за мир» означало убить плохого барина вместе с его семьей, таким образом освободив от него его крепостных — мир, после этого сдать властям и уйти на каторгу.

Энгельгардт также приводит примеры исключительной сплоченности крестьянской общины и преданности их миру. К примеру, он пишет:

«Несмотря на развитие индивидуализма на ссоры, зависть, являющуюся больше всего от желания всех приравнять, — чуть дело коснулось общего врага: помещика, куп-

ца, чиновника, — все стоят как один. Смешон тот, который думает, что в деревне, разделяя, можно властвовать. Помещику, купцу и хозяйничать невозможно, не понимая, что относительно деревни нужно действовать так, чтобы всей деревне, а не какому-нибудь Осипу, было выгодно.

...Но не скажу — грех огульно во всех бросать камень, — бывают и “богачи” артельные, союзные, мирские люди, миру радетели. Деревню, где есть такой “богач”, ни помещик не затеснит, ни купец, ни кулак-кабатчик какой-нибудь. Такие деревни быстро поправляются, богатеют, и нужно сказать, что соседнему владельцу, если он понимает хозяйское дело, ведет настоящее хозяйство и не слишком барин, такие деревни гораздо сподручнее». И приводит пример деятельности такого сельского богача — он покупает у помещика проклятые отрезки земли и присоединяет их общей мирской земле, то есть покупает не для себя, а для общины.

Или еще пример. Энгельгардт только приехал в имение, а первой же весной у него прорвало плотину и испортило дорогу. Он еще не знал, что ремонт дорог в России — это глупое дело, и попытался нанять соседних крестьян за хорошие деньги отремонтировать плотину и дорогу. Они наотрез отказались, хотя было межсезонье, они были свободны, и Энгельгардт действительно обещал хорошо заплатить. Его староста объяснил, что Энгельгардт не так действует. Деревня соседская, крестьяне хотят видеть Энгельгардта членом своего мира, своего общества, хотят видеть его своим соседом, а не немцем-арендатором, который за все платит деньги и за все взыскивает деньги. Поэтому крестьян для такого вида работ (природная катастрофа, от бога) надо не нанимать на работу, а пригласить помочь (выставив им выпивку и обед), поскольку если случается такое несчастье, то соседи обязаны помогать друг другу, а не зарабатывать на несчастье. Вот крестьяне и стесняются

зарабатывать на беде соседа, хотя он и помещик. Энгельгардт пригласил деревню помочь, тут же явилось 25 молодцев с лопатами и подводами, и за день все выправили в лучшем виде.

И имея в виду такие примеры, кажется, что уж в вопросе высшей ценности общества для русского человека мы имеем только один колокол.

Но нет! Энгельгардт сообщает, что этот, такой преданный миру русский, «если можно, то пустит лошадь на чужой луг или поле, точно так же, как вырубит чужой лес, если можно, увезет чужое сено, если можно, — все равно, помещичье или крестьянское, — точно так же, как и на чужой работе, если можно, не будет ничего делать, будет стараться свалить всю работу на товарища». Выше Энгельгардт не хочет бросать камень в русских богачей огульно потому, что такие богачи — это исключение, а правило другое — как только русский человек получает возможность, то он норовит сесть на голову и всему миру — паразитировать на всем обществе.

«Выше я старался разъяснить, — пишет Энгельгардт, — какое значение имеет для земледельца страдное время, с 1-го июля по 1-е сентября, и как для него важно в это время работать на себя, потому что это страдное время готовит на весь год. А тут за отрезки мужик должен работать на пана самое дорогое время. Для многосемейных зажиточных крестьян, у которых во дворах много работников и работниц, много лошадей и исправная снасть, отработать за отрезки кружок или полкружка еще ничего, но для одиночек-бедняков, у которых мало лошадей, обработка кружков — чистое разоренье. “Богач”-то и пользуется с отрезков больше, потому что, имея деньги, он купит весною пару бычков за дешевую цену у своих же однодворцев, нуждающихся в хлебе, пустит их на общую уругу и, когда отгуляются, к осени продаст. Тут каждый отгулявшийся бычок

принесет “богачу” по пятерке, мало по тройку — вот у него работа за отрезок и окупилась. Да еще мало того, “богач” обыкновенно только земляную весеннюю работу в кружке производит сам — сам только вспашет, засеет, навоз вывезет, — а на страдную работу, покос, жнитво, он нанимает за себя какого-нибудь безземельного бобыля, бобылку или еще проще, раздав зимой и весною в долг хлеб беднякам, выговаривает за магарыч известное число дней косьбы или жнитва и посылает таких должников жить на господском поле. “Богачи” всегда главные заводчики дела при сьеме кружков, они-то всегда и убеждают деревню взять отрезки под работу. Бедняки и уперлись бы — “ну, как-нибудь и без кружков обойдемся, пусть штрахи берет, много ли у нас коней, мы на своей уруге прокормим” — уперлись бы, понажали бы владельца отрезков, заставили бы его сделать уступку, так как отрезки, не возьми их деревня, никакого дохода владельцу не принесут, да что с “богачами” поделаешь? “А вот я сам один возьму отрезки, — скажет богач, — я не пану чета, у меня будете работать, я знаю, что к чему”. Да и что могут говорить бедняки против “богача”, когда все ему должны, все в нем нуждаются, все не сегодня, так завтра придут к нему кланяться: хлеба нет, соли нет, недоимками нажимают. Вся деревня ненавидит такого богача, все его кланут, все его ругают за глаза, сам он знает, что его ненавидят, сам устроится посреди деревни, втесняясь между другими, потому что боится, как бы не спалили, если выстроится на краю деревни».

После того как соседняя деревня помогла ему с дорогой, Энгельгардт сделал ответный жест доброй воли — он разрешил крестьянам собирать в своих лесах грибы и ягоды. Это было революционно настолько, что вызвало возмущение не только соседских помещиков, но и его собственные батраки протестовали, и Энгельгардт в «Письмах...» долго оправдывается, доказывая, что запрет на грибы и

ягоды, которые он не сажал, — это не по-божески. И в ответ допущенные в его леса благодарные крестьяне ...тут же начали воровать у него лес! Он вынужден был предупредить, что запретит сбор грибов, только после этого воровство прекратилось.

Вы можете сказать, что это отдельные уроды воровали. Нет! Уроды начинают, а вслед за ними бросаются все остальные. Вот Энгельгардт пишет:

«Если можно, то крестьянин будет травить помещичье поле — это без сомнения. Попадшись в потраве, крестьянин, хотя внутренне и признает, что за потравленное следует уплатить, но, разумеется, придет к помещику просить, чтобы тот простил потраву, будет говорить, что лошадь нечаянно заскочила и т.п., в надежде, что барин, по простоте, то есть по глупости, как не хозяин, как человек, своим добром не дорожающий — известно, барин! — посердится-посердится, да и простит. Конечно, если барин прост, не хозяин, и за потравы не будет взыскивать, то крестьяне вытравят луга и поля, и лошадей в сад будут пускать».

Это мы, русские

Я не знаю, есть или было ли такое явление в других странах, но ведь Россия столетиями позорила себя профессиональным нищенствованием. Целые деревни, вместо того чтобы пахать и сеять, весною отправлялись нищенствовать, даже большевики еще тратили усилия, чтобы выпроводить этих профессиональных нищих из столицы. Кстати, сегодня часто пожарных называют пожарниками, на самом деле это было страшным оскорблением пожарных, труд которых, кстати, был очень уважаем. Поскольку «пожарник» — это профессиональный нищий, собирающий деньги под мифический пожар — избы, деревни или церкви.

Или такой мой собственный случай. Выборы депутатов Съезда Советов — то самого, который развалил СССР. Павлодарский обком выставил кандидатуру мелкого партийного чиновника, тот на предвыборном собрании талдычит одно: выберете меня — и я сделаю Павлодарскую область первой категории снабжения! В перерыве предвыборного собрания разговорился с его группой поддержки — реальными работягами-шахтерами.

— Чтобы сделать Павлодарскую область первой категории снабжения, нужно, чтобы Москва стала снабжаться по второй категории. Это возможно?

— Нет, конечно! — смеются.

— Вы что — не видите, что ваш кандидат нагло брешет?

— Не дураки, видим.

— Тогда почему призываете за него голосовать?

— А вдруг у него получится!

В данном случае показывают среднему русскому человеку даже не халяву, а надежду на халяву, и у него мозги отключаются в момент!

И ведь это стремление к халяве за счет общества никак самими русскими не осуждалось, что даже как-то странно. К примеру, у меня как-то не выходит из памяти прочитанный чуть ли не 20 лет назад эпизод из дневника врача «Скорой помощи» Москвы времен Отечественной войны. Уже год идет война, продуктов мало, они продаются по госценам только по карточкам, деньги тратятся на покупку того же хлеба на рынках по заоблачным ценам. И вот запись в дневнике этого врача: «14 мая 1942 г. Бьем немцев на Харьковском направлении. 8 часов утра. Двое слепых, М. 39 лет и К. 29 лет. Переходили улицу. Ученый М. 67 лет любезно предложил им свои услуги, взял под руки... и все трое попали под троллейбус. Смертельно ранены профессор и старший слепой... У слепого К. 189 руб.

мелочи, несколько кило хлеба, много сухарей, спичек и проч. Это добыча за три часа нищенства в поезде. Старший собрал меньше — только 90 руб., так как ходит с прозой, а младший — поэт. У ученого никаких денег не оказалось». Вот как это понять? У самих москвичей в эти годы не было ни денег, ни хлеба, что подтверждается полным отсутствием денег у профессора, а они подают тем, у кого всего этого достаточно!

В данном случае можно точно указать, от кого это у русских, — от дворян, которые хочешь не хочешь, а были образцом для подражания.

Во времена Петра I работал видный российский экономист Иван Посошков, в своей работе «О скудости и богатстве», написанной более 300 лет назад — в 1701 году, уже он указывал царю на эту подлую черту массового русского дворянства:

«Истинно, государь, я видал, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то, что ему стрелить по цели хорошенько. И такие, государь, многочисленные полки к чему применить? Истинно, государь, еще и страшно мне речи, а иначе нельзя применить, что не к скоту; и егда, бывало, убьют татаринцов дву или трех, то все смотрят на них, дивуютца и ставят себе то в удачу; а своих хотя человек сотню положили, то ни во что не вменяют.

Истинно, государь, слыхал я от достоверных и не от голых дворян, что попечения о том не имеют, чтоб неприятеля убить; о том лишь печется, как бы домой быть; а о том еще молятся и богу, чтоб и рану нажить легкую, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от великого государя пожаловану б за нее быть; и на службе того и смотрят, чтоб где во время бою за кустом притулиться; а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притулятся в лес или в долу, да того и смотрят, как пойдут ратные люди с бою, и они такожде будут с бою в табор приедут.

А то я у многих дворян слыхал: “Дай де бог великому государю служить, и сабли из ножен не вынимать”. И по таким же словам и по всем их поступкам не воины они! Лучши им дома сидеть, а то нечего и славы чинить, что на службу ходить».

Вот это стремление среднего русского к халяве за счет общества — это колокол? Это нужно учитывать при создании рабочего коллектива?

Русский руководитель это учитывает. Недавно посмотрел разглагольствования Сванидзе на «Йеху Москвы» на тему того, что СС и СМЕРШ — это, дескать, одно и то же. И в ходе своего безграмотного словоизвержения Сванидзе уверял доверчивых слушателей, что только при Сталине были заградительные отряды, а до этого история России их не знала, дескать, ни у Кутузова, ни под Полтавой ничего подобного не было. Этот тип, по национальности «московский», не понимает русских, а вот Петр I их прекрасно понимал. Именно под Полтавой Петр, боясь Карла XII и того, как бы не повторился нарвский конфуз, вводит в боевое построение войск отряды, которые в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. получают название заградительных. Сзади боевой линии своих войск он выстраивает линию солдат и казаков и дает им приказ: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля». Здесь, помимо исполнения своей функции «хозяина» артели (о которых ниже), Петр демонстрирует и свое понимание того, что он обязан делать то, что и все члены артели, и должен разделить их судьбу. И каждый русский воин под Полтавой понимал, что будет он убит в бою со шведами или нет — это как бог даст, а вот то, что все хитрованы, которые попытаются свалить свою работу по уничтожению неприятеля на него и побегут с поля боя, будут точно убиты. Это обеспечит заградотряд.

Но ведь и это стремление к халяве — не последний колокол в вопросе, кем является русский человек как работник.

Стремление к халяве — это свойство среднего русского, и он это прекрасно видит в себе и понимает, что это стремление есть и у других. И пока он не сломлен, русский категорически противится ситуации, когда кто-то пытается получить халяву с него, пока кто-то пытается на нем паразитировать.

Что значит — не сломлен? Ведь есть обстоятельства сильнее человека: в те времена таким обстоятельством были голод и законы, сегодня — законы. Это ситуации, когда человек теряет возможность действовать так, как он считает нужным. Но я пока об этих случаях не пишу, а пишу о среднем русском в состоянии полной свободы выбора. Ведь создание добровольных объединений русских, тех же колхозов, предусматривало свободу их воли, следовательно, будущие члены колхозов заранее просчитывали ситуацию того, что на них будут паразитировать хитрые члены колхоза, и видели, кто это будет.

И при создании таких рабочих коллективов из русских следовало максимально учесть наработки русских рабочих артелей, которые были абсолютно добровольны и в которых все аспекты национального мировоззрения максимально учитывались. Кроме этого, инициатору создания таких артелей нужно было учитывать не только то, что работники будут стремиться к халяве за счет других, — это понятно, и даже это вопрос десятый.

Главное, надо было учитывать, что работники учитывают, что все они стремятся к халяве за счет других, и их естество протестует против мысли, что они — объект паразитирования. Вот это никогда не учитывается.

Близко к этим колоколам примыкает и вопрос честности. Тут два колокола видят все. С одной стороны, абсо-

лютая честность внутри своей жилой зоны, честность до ситуации, когда многие деревни испокон веков не знали замков на дверях своих изб, тут и лютая ненависть к конокрадам, сопровождавшаяся их убийством особо жестоким способом. И ...одновременно наличие сфер, в которых воровство не считалось преступлением. Скажем, те же потравы, в которых самым тяжелым неофициальным наказанием был компенсирующий убытки штраф, а распространенным — когда хозяин потравленного поля просто по шее надает. Понятно, что у барина украсть пару бревен или воз сена — это чуть ли не подвиг, но ведь воровали и друг у друга. В то время всем было известно, что если у крестьян есть лес и он в общинном пользовании, то он будет цел-целехонек. Но если он разбит на участки для каждой семьи, то он будет изведен немедленно, причем взаимными порубками. Ведь когда лес общинный и ты привез во двор бревно без согласия общины, то понятно, что ты его украл в общинном лесу, но если у тебя в этом лесу есть делянка, то поди проверь, на своей делянке ты срубил это бревно или на соседской?

Энгельгардт рассказывает, как его смешили петербургские «ученые», разрабатывающие типовой договор на работы между крестьянами и помещиком. Какой еще договор? Клятв никаких не надо было. Если крестьянин взял деньги и договорился, что он за них выполнит работу, то он ее выполнит. Мало этого, часто условием оплаты труда крестьянина было «как людям». То есть, взяв зимой деньги под уговор, что он, к примеру, будет расчищать заросшее поле, крестьянин не знал, сколько это будет стоить. Между тем, узнав об этих условиях, выходила на этот заработок вся деревня с богачами, тоже не зная, сколько именно получают, и только потом, разузнав, сколько за такую работу получают в округе, предъявляли счет Энгельгардту. И в то же время ему надо было заводить сторожевых собак по-

тому, что один сторож не обеспечивал охрану от воровства раскинутых на большой площади хозяйственных построек, а второго нанимать было не по карману.

Что тут поделать — это мы, русские.

Желание и нежелание быть хозяином

Теперь вопрос о самооценке русских крестьян. Они чрезвычайно гордились тем, что они полноправные хозяева, стремились быть хозяевами, даже к помянутому Энгельгардтом бездельным помещикам относились свысока. Никакая «умственная» работа не ценилась вовсе и за работу вообще не считалась. Вспоминаю рассказ о певце Шаляпине, который как-то после ресторана нанял извозчика, и тот его спросил, при каком барин деле? Я пою! — гордо ответил певец. Да мы все поем, — отмахнулся извозчик, — а дело-то у тебя какое?

Русский крестьянин со своим статусом хозяина презирал не только холуев, но даже батраков, Энгельгардт пишет, что само «слово “батрак” считается обидным». Вот это гордость от того, что ты хозяин, — это один колокол.

Второй. При всем стремлении быть хозяином у русских крестьян был категорический отказ иметь землю в частной собственности, а ведь, по рассуждениям ученых умников, невозможно быть хозяином без владения средством производства (в сельском хозяйстве — без земли в частной собственности). Энгельгардт констатирует:

«Многосемейные зажиточные крестьяне иногда садились на купленные земли, если это был отдельный хутор, и хозяйничали, занимаясь в то же время мелкой торговлей и маклачеством. Со временем из таких дворов крестьян-собственников образуются деревни, потому что дети, разделившись и построив отдельные дворы, землю оставят в общем владении и будут ею пользоваться пополюс-

но. Такие отдельные хутора покупались преимущественно бывшими волостными старшинами, помещичьими бурмистрами и тому подобным людям, которому либеральные посредники и помещики сумели внушить понятие о собственности на землю, по крайней мере, настолько, что мужик с господами говорил о собственной земле. Я выражаюсь: “говорил с господами”, потому что у мужиков, даже самых нацивилизованных посредниками, все-таки остается там, где-то в мозгу, тайничок (по этому тайничку легко узнать, что он русский человек), из которого нет-нет, да и выскочит мужицкое понятие, что земля может быть только общинной собственностью. Что деревня, то есть все общество, может купить землю в вечность, это понимает каждый мужик, и купленную деревней землю никто не может отдать другой деревне, но чтобы землю, купленную каким-нибудь Егоренком, когда выйдет “Новое Положение” насчет земли, нельзя было отдать деревне, этого ни один мужик понять не может. Как бы мужик не был нацивилизован, думаю, будь он даже богатейший железнодорожный рядчик, но до тех пор, пока он русский мужик, — разумеется, и мужика можно так спить шампанским, что он получит немецкий облик и будет говорить немецкие речи, — у него останется в мозгу “тайничок”. Нужно только уметь открыть этот тайничок.

Свою ниву, когда мужик засеял после раздела общего поля, точно так же как и ниву, им арендованную, мужик считает своею собственностью, пока не снял с нее урожая. Как мне кажется, мужик считает собственностью только свой труд и накопление труда видит только в денежном капитале и вообще в движимом имуществе.

...Итак, с одной стороны, “мужик”, хозяйство которого не может подняться от недостатка земли, а главное, от разъединенности хозяйственных действий членов общин;

с другой стороны, ничего около земли не понимающий “пан”, в хозяйстве которого другой стесненный мужик попусту болтает землю.

И у того, и у другого затрачивается бесполезно громадная масса силы. То же количество пудофутов работы, какое ежегодно расходуется теперь, будь оно приложено иначе, дало бы в тысячу раз более. Чего же ожидать? Чего же удивляться, что государство бедно? Какие финансовые меры помогут там, где страдают самые основы, где солнечные лучи тратятся на производство никому не нужной лозы, где громадные силы бесплодно зарываются в землю?

И крестьяне все это видят и понимают. “Зачем панам земля, — говорят они, — коли они около земли не понимают, коли они хозяйством не занимаются, коли земля у них пустует. Ведь это царю убыток, что земля пустует”.

И это не последний колокол. При всей собственной высокой оценке как хозяина, при всем презрении к холуям, Энгельгардт отмечает у русских огромную тягу стать холуем — выбиться в «мерсикающий ножкой люд, одевающийся в пиджаки и носящий панью и шильоны». Он пишет, что даже выброшенные после реформы 1861 года дворовые лакеи, всю жизнь выносившие барам ночные горшки, а теперь нищие, и те живут с сознанием своего превосходства перед крестьянами, и, главное, крестьяне так или иначе это превосходство признают.

Тут следует отдать должное большевикам — при всем «интернационализме» их персонального состава русскость, все же как-то еще присутствовала. Посему, осенив себя крестным знаменем всепобеждающего учения марксизма и начав стрелять, куда западные умники указывали, они время от времени стреляли и «в ту сторону». Не совсем по цели, но и не далеко от нее. Они не славили хозяина, как этого требовало русское мировоззрение, но и не славили

холуев, они славили трудящегося. А то, что они не славили холуев, уже было кое-что. Это уже давало огромный толчок экономике.

Сейчас в Russia совершенно нерусская власть, и это видно по ценностям этой власти — она славит холуев и комедиантов, не то, что хозяева, а даже просто труженики уже за бортом.

Но вернемся к стремлению русских в холуи.

На мой взгляд, Энгельгардт смешивает тут два вопроса в связи с их внешней похожестью — вопрос выпендрежа и вопрос ухода русских из хозяев в холуи при барах и их последующий выпендреж в связи с этим изменением статуса. Выпендреж трудно отнести только к русскому мировоззрению, он имеет животное начало (не быть младшим в стае) и у других народов вообще принимает крайне убогие формы. Да, есть он и у русских, хотя и не только по этой причине.

Другое дело — уход из хозяев в холуи.

Тут надо остановиться на том, кто является настоящим, толковым хозяином. Что для этого надо иметь?

Энгельгардт выделяет две особенности хозяина, и я с ним абсолютно согласен. Во-первых, это умение планировать хозяйство, в терминологии Энгельгардта и крестьян — умение загадывать, то есть умение находить проекты, ведущие хозяйство к успеху, и умение их реализовывать. Второе, в терминологии Энгельгардта, жесткость руководства.

«Крестьянский двор зажиточен, пока семья велика и состоит из значительного числа рабочих, пока существует хотя какой-нибудь союз семейный, пока земля не разделена и работы производятся сообща. Обыкновенно союз этот держится только, пока жив старик, и распадается со смертью его. Чем суровее старик, чем деспотичнее, чем

нравственно сильнее, чем большим уважением пользуется от мира, тем больше хозяйственного порядка во дворе, тем зажиточнее двор. Суровым деспотом-хозяином может быть только сильная натура, которая умеет держать бразды правления силою своего ума, а такой умственно сильный человек непременно вместе с тем есть и хороший хозяин, который может, как выражаются мужики, все хорошо “загадать”; в хозяйстве же хороший “загад” — первое дело, потому что при хорошем загаде и работа идет скорее, и результаты получаются хорошие».

Несильно пугайтесь слова «деспот», тут надо понять, что это и зачем. Жесткость не нужна сама по себе, она нужна для поддержания справедливости, без которой коллектив развалится, она нужна, чтобы никому не дать в коллективе паразитировать на коллективе, поскольку без этого коллективу не жить. А если коллектив и будет жить, то будет владеть жалкое существование.

Понимаете, в любой человеческой деятельности есть таланты, быть хозяином — это тоже человеческая деятельность, требующая талантов и не всем доступная по уму и воле, по их жизненным интересам. Если человек находит удовлетворение в какой-то иной деятельности, то как его попрекать в том, что он не состоялся как хозяин? Энгельгардт достаточно об этом пишет, к примеру:

«Иные думают, что достаточно родиться мужиком, с малолетства приучаться к мужицким работам, чтобы быть хорошим хозяином, хорошим работником. Это совершенно неверно. Хороших хозяев очень мало, потому что от хорошего хозяина требуется чрезвычайно много. “Хозяйство вести — не портками трясти, хозяин, — говорят мужики, — загадывая одну работу, должен видеть другую, третью”. “Хозяйство водить — не разиня рот ходить”. И между крестьянами есть много таких, которые не только не

могут быть хорошими хозяевами, не только не могут работать иначе, как за чужим загадом, но даже и работать хорошо не умеют.

...Конечно, умея работать, такой хозяин все делает по общему деревенскому загаду: люди пахать — и он пахать, люди сеять — и он сеять. Но в частностях дело не спорится, нет хозяйственного соображения, некому загадать.

...Неспособность к хозяйству теперь доставляет главный контингент батраков и будет доставлять до тех пор, пока у крестьян не разовьется артельное хозяйство. Встретить между батраками, даже между старостами, человека с хозяйственной головою, способного быть хорошим хозяином, — необыкновенная редкость. Не оттого ли слово “батрак” считается таким обидным? И замечательно, что с каждым годом количество способных к хозяйству и даже способных вполне хорошо работать батраков уменьшается. Человек, способный к хозяйству, теперь разве только случайно может попасть в батраки».

Так ведь вот эта неспособность быть хозяином, эта болезнь за последствия своего «загада» и толкает людей в холуи, я бы сказал более точно — в бюрократы. Бюрократу и холую не надо думать о вопросах хозяйства — делай то, что тебе хозяин скажет, и голова не болит. То есть на самом деле стремление уйти в бюрократы, уйти в холуи — это уход людей, не способных жить своим умом, в более легкие интеллектуальные условия жизни. И тут русские ничем особо не отличаются от других — от тех же немцев, за которых сегодня работают турки и югославы. И что удивительного в том, что за такую национальность, как «москвичи», сплошь сидящую в конторских батраках, повсеместно работают азербайджанцы и таджики на работах, требующих самостоятельного принятия решений?

Средний русский работник — это такой клубок противоречий, что упаси господь!

Говорят, что на Западе все работники — индивидуалисты и их интересуют только они сами — их собственный доход. Это большое счастье для руководителя, если твои подчиненные руководствуются словами старой американской песни: «Какое мне дело до всех до вас, а вам до меня?» Средний русский работник этим принципом не руководствуется — ему есть дело до всех!

Он постоянно оценивает то, как он выглядит в глазах общества, но этот его недостаток проистекает из его достоинства — из того, что он высоко ценит общество и ради общества горы свернет (правда, только если эти горы в равной доле будут сворачивать все члены общества). Из-за того, что общество в глазах русского имеет высшую ценность, ему очень важно, чтобы и он ценился в глазах общества. Думаю, что средний русский очень хотел бы залезть на шею общества — это ведь показатель того, что он огого! Но он трезво понимает, что это не каждому дано, да и опасно вызывать ненависть остальных, но тогда хотя бы «свалить всю работу на товарища» — и то уже почувствуешь себя умнее и способнее хотя бы этого товарища. Но одновременно он судит по себе и понимает, что и его товарищи хотели бы свалить на него свою работу и посмеяться над ним, как над дурачком. Куда ни кинь, везде клин — и наверх не залезешь, и внизу нельзя быть. И отсюда у среднего русского непреодолимое стремление «все поравнять» — быть если не лучше, то и не хуже других.

Нельзя воспринимать это «поровну» как какое-то приблизительное деление на глаз, это «поровну» может иметь очень сложные формы. В понимании русского, «равная работа» — это не та, которая равна по затрате физических и умственных сил, — кто это может высчитать? «Равная работа» — это абсолютно точно такая же работа.

Есть у России писатель, в жизни царский чиновник П.И. Мельников-Печерский, романы которого нужно было бы

изучать в школе взамен хотя бы «Войны и мир» Л. Толстого. В романе «В лесах» он, как смешной анекдот, описывает, как воспринимается равенство в русской артели лесорубов («лесников»). Поскольку сами перипетии и диалоги длинные, я их частью перескажу.

Начало второй половины XIX века, герой романа — купец, вместе с товарищами на двух санях заблудился в лесах, хотя товарищ купца имел диковинный для этого, в общем-то, грамотного купца, прибор — компас, и они ехали по показаниям компаса. Путешественники ночью едва отбились от волков и, в конце концов, утром наткнулись на артель лесорубов из 13 человек, всю зиму работавшую в лесной глухомани. Сначала купец выяснил, что, оказывается, эти лесорубы не только знают, что это за прибор такой — компас, но и имеют его в наличии и, мало этого, знают, что путешественники заблудились потому, что ехали по компасу как раз в момент северного сияния, а оно сбивает показания магнитной стрелки. Купец стал расспрашивать дорогу, дорог оказалось две. Одна более-менее проторенная, но в 50 верст длиной, и вторая — лесная, слабо прорубленная просека, известная только этим лесорубам (всем — приблизительно и одному из них, Артемию, — хорошо) в 10 верст. Купец выбрал вторую, но нужен был проводник. Он попросил проводника у главы артели, «хозяина» Онуфрия, и у них состоялся разговор:

«— А как нам расставанье придет, вы уж, братцы, кто-нибудь проводите нас до зимняка-то, — сказал Патап Максимыч.

— На этом не погневись, господин купец. По нашим порядкам этого нельзя — потому артель, — сказал дядя Онуфрий.

— Что ж артель? Отчего нельзя? — с недоумением спросил Патап Максимыч.

— Да как же? Поедет который с тобой, кто за него работать станет? Тем артель и крепка, что у всех работа ровень держится, один перед другим ни на макову росинку не должен переделать аль недоделать... А как ты говоришь, чтоб из артели кого в вожатые дать, того никоим образом нельзя...

Тот же прогул выйдет, а у нас прогулов нет, так и сговариваемся на суйме (суйм, или суем (однородно со словами сонм и сейм), — мирской сход, совещанье о делах. — Ю.М.), чтоб прогулов во всю зиму не было.

— Да мы заплатим, что следует, — сказал Патап Максимыч.

— А кому заплатишь-то? Платить-то некому! — отвечал дядя Онуфрий. — Разве возможно артельному леснику с чужанина хоть малость какую принять? Разве артель спустит ему хошь одну копейку взять со стороны? Да вот я старшой у них, “хозяин” называюсь, а возьми-ка я с вашего степенства хоть медну полушку, ребята не поглядят, что я у них голова, что борода у меня седа, разложат да такую вспарку зададут, что и-и... У нас на это строго.

— Мы всей артели заплатим, — сказал Патап Максимыч.

— Это уж не мое дело, с артелью толкуй. Как она захочет, так и прикажет, я тут ни при чем, — ответил дядя Онуфрий.

— Коли так, собирай артель, потолкуем, — молвил Патап Максимыч».

Собралась артель, начала гомонить, выясняя, сколько они могут зарабатывать в день на человека, наконец, согласились, что около рубля. Купец предложил три рубля за одного проводника, но артель никак не могла выяснить, сколько взять в этом случае — когда один поедет, а остальные останутся лес валить или отдыхать. Разрешить

этот вопрос артельщики не смогли и предложили купцу заплатить каждому члену артели по рублю и использовать в этот день всю артель, как он хочет. Купец возмутился такой обдиравовке, но делать было нечего — согласился. Однако у него сани были с кибитками, а по выбранной дороге кибитки не прошли бы — низко были срублены лапы у елей. Купец распорядился сбросить кибитки, но теперь получалось, что они оставались в артели. Начался новый пересчет, и, в конце концов, артель высчитала, что купец должен ей три рубля. Купец, конечно, возмутился — он сразу предлагал эти три рубля, а кибитки все равно бросил бы! Дал три рубля, купюру все до одного члены артели осмотрели, ввиду появившихся в то время фальшивых денег. Купец предложил Артемию ехать с ним, но артель не согласилась — почему Артемию? Доводы, что именно Артемий знает дорогу, значения не имели, — или всех, или по жребию! Бросили жребий — выпало Артемию. Однако купец, поразмыслив о том, что неразъезженная дорога может быть занесена снегом, решил, что ему не помешает в дороге еще один крепкий мужик на случай, если дорогу придется пробивать. Еще раз бросили жребий, и выпало подростку, который готовил членам артели еду. И купцу он был не нужен из-за слабосильности, и артель оставалась без обеда, но делать было нечего — так указал жребий. Разозленный купец распорядился еще бросать жребий, бросили, и выпало ехать «хозяину» артели Онуфрию. Казалось бы, наконец, можно было ехать, но не тут-то было — артель оставалась без «хозяина», без главы. Предстояли выборы нового «хозяина» на один день. К вопросу никто не был готов, жаркие дебаты успехом не завершились, решено было и тут бросать жребий, бросили, и купец, наконец, лишив артель хозяина и повара, уехал. Глупо, но справедливо!

Разумеется, это художественное произведение, но Мельников — очень тонкий знаток быта и обычаев русского народа и (для юмора сгустив краски) наверняка образ мысли русского работника описал точно.

Прирожденные сдельщики

От этого желания быть не хуже других у русских было категорическое неприятие никаких форм оплаты труда по-временно. При совместном труде при повременной оплате труда средний русский не может понять — это он свалил свою работу на товарища или товарищи свалили свою работу на него? Не считают ли его дурачком, по отношению к которому все позволено? Отсюда средний русский прирожденный сдельщик — он должен получать не за отработанное время, а за выполненную работу, причем не меньше, в крайнем случае ровно столько же, сколько его товарищи. И если русские объединяются добровольно в рабочий коллектив, то крепость этого коллектива будет зависеть от того, смогут ли они придумать такую систему оплаты своего труда, чтобы все получали не за отработанное время, а за результат работы.

Если средних русских все же поставить в условия повременной оплаты труда и не поставить над ними надсмотрщика с кнутом, то они будут равняться по самому паршивому и ленивому работнику — все будут делать столько, сколько делает он.

Энгельгардт рассказывает, насколько русские помогают друг другу по жизни, но если присмотреться, то это только в случае, как сегодня говорят, форс-мажора — обстоятельств непреодолимой силы. В работе, которую каждый обязан сделать сам, никакой помощи не будет, и никакие доводы не помогут. К примеру, на довод, что этот мужик многодетный и ему нужно помочь, последует ответ: «Умел настругать детей — умей их прокормить!» Со сторо-

ны помогающих, помощь в таком случае невозможна из-за подозрения, а не является ли этот слабак хитрованом, который хочет свалить свою работу на нас? Но и со стороны того, кто как бы должен был принять помощь, она невозможна, поскольку он предстанет в глазах общества действительно слабаком — не таким, как все, — предстанет неспособным делать ту работу, которую делают остальные.

Энгельгардт дает очень много примеров такого отношения к работе, поскольку они для него камень преткновения, из-за которого он так и не смог придумать форму сельскохозяйственной артели из русских. Я же дам часть из его примеров для подтверждения изложенного выше, а поскольку и этих примеров все же много, то я для удобства чтения не буду выделять цитаты курсивом.

«Пришло время брать лен, вызвали баб. Пришло их раз штук тридцать — выберут скоро. Разумеется, тут уже сообща, артелью брать не станут, а разделят десятину по числу баб на тридцать участков, и каждая баба берет свой участок отдельно. Раздел производится очень просто, хотя, разумеется, без ругани не обойдется: бабы становятся в ряд, берутся за руки или за веревку и идут по десятине, волоча ногу, бредут, чтобы оставить след, затем каждая работает на своем участке. Если во дворе несколько баб, невесток, то есть если двор многосемейный и еще держится стариками не в разделе, то и у себя на ниве бабы одной семьи точно так же делят ниву для того, чтобы одной не пришлось сработать более, чем другой, для того, чтобы работа шла скорей, потому что иначе сделают много меньше, так как каждая будет бояться переработать.

...Тридцать баб, работая каждая на себя, в известное время намнут, например, 30 пудов льну, но те же 30 баб в то же время, работая артелью и притом если обработка производится от десятины, намнут не более 15-ти пудов. Мало того, если бабы работают на себя и мнут лен сдельно за из-

вестную плату от пуда, то десятина даст, например, 35 пудов льну, если же работают подесятинно, то та же десятина даст не более 25-ти или 30 пудов, а 5—10 пудов льну останется в костре, пропадет бесполезно, и хозяин получит от 10-ти до 20-ти рублей убытку, потому что бабе тогда все равно, сколько получится льна, и она даже будет стараться побольше спустить льну в костру, чтобы меньше было работы и чтобы легче было нести вязку льна в амбар.

...Крестьяне всеми мерами избегают такого дела, где нужно работать сообща, и предпочитают работать, хотя бы и дешевле, но в одиночку, каждый сам по себе. Еще раз вернусь к этому вопросу и сообщу один факт. Еще недавно, несколько лет тому назад, крестьяне соседних деревень, по старой привычке, как в крепостное время, убирали у меня сообща всю деревню покосы, частью за деньги, частью из половины. Сообща всей деревней вместе выходили на покос, вместе огульно косили, вместе убирали сено и клали его в один сарай, а потом и деньги, и свою часть сена делили между собою по числу кос. Такой порядок для меня был очень удобен, потому что уборка шла дружно, в хорошую погоду быстро схватывали сено, присмотр был легкий, сено делилось за раз зимою. Теперь уже так покосов не берут ни у меня, ни у других. Теперь или каждый берет особенный участок под силу на свое семейство, или, взяв целый луг, делят его на нивки, и каждый косит и убирает свой участок; сено тут же делится и развозится: одна часть в мой сарай, другую крестьянин везет к себе. Понятно, что для меня это в высшей степени неудобно. Когда покос в полном разгаре и человек 20 в разных местах убирают сено, то старосте, который должен со всеми делить сено, целый день почти не приходится слезать с лошади. Понятное дело, что в такой работе, как уборка сена, выгоднее работать артелью, и при одинаковом старании, то есть, если бы каждый работал так, как он работает на себя в одиноч-

ку, общее количество убранныго сена было бы больше и сено вышло бы лучше, особенно если бы погода благоприятствовала уборке и при деле был бы умеющий распорядиться хозяин. Но вот в чем дело, при разделе сена все получили бы тогда поровну, по числу кос, следовательно, тот, кто силен, умеет ловко работать, старателен на работе, сообразителен, получил бы столько же, сколько и слабосильный, неловкий, ленивый, несообразительный. Вот тут-то и камень преткновения, вот тут-то и причина, почему крестьяне делят взятый на скос луг на участки, подобно тому, как делят на нивки свои поля и луга. Прежде, когда соседняя деревня косила у меня луга огульно артелью, все крестьяне на зиму были с сеном. Те, у которых было мало лошадей, даже продавали, а теперь у иных сена много, а у других — мало или вовсе нет, а нет сена, нет и лошадей, нет хлеба. Одни богатеют, а другие, менее старательные, менее ловкие, менее умные, беднеют и, обеднев, бросают землю и идут в батраки, где всякому найдется дело, где всякий годен за чужим загадом.

...Мне, получая плату от пуда, баба намнет пуд в ночь, а хозяину (главе ее двора — мужу или свекру. — Ю.М.) намнет не более 20 фунтов, а если во дворе окажется баба, которая не в силах наминать более 10 фунтов, то и все будут наминать по 10 фунтов. Когда бабы мнут дома пеньку, то, как хозяин ни ругается, а более половины не наминают против того, что могли бы намять, если бы мяли на себя. Это мне говорили сами бабы: “Чаво я буду дома из сил выбиваться на хозяина, а тут я на себя работаю”.

...Брать лен и мять его приходят не только бедные бабы, но и богатые, даже можно сказать, что богачки производят главную массу работы и забирают большую часть денег, выдаваемых за выборку и мятье. В богатых дворах бабы все сильные, рослые, здоровые, сытые, ловкие. Богач не женится на каком-нибудь заморыше, а если случайно

попадет на плохую бабенку — ужаснее и положения нельзя себе представить, как положение такой плохой бабенки среди богатого двора, где множество здоровых невесток, — то заколотит, забьет, в гроб вгонит и тогда женится на другой. Сытые богачки наминают до 1½ пуда льну, тогда как бабы бедняков, малорослые, тщедушные, слабосильные наминают в то же время по 30 фунтов. Понятно поэтому, что богачам невыгодно работать огульно с бедняками, но и в сдельных работах бедняки должны отступить на второй план, стушеваться.

...Мне часто случается сдавать крестьянам покосы из части, на том условии, чтобы убирали сообща и затем делили готовое сено. Дело всегда идет отлично. Так, одна соседняя деревня ежегодно косит у меня с половины довольно большой луг, и косит всей деревней, потому что после покоса этим лугом и прилегающими пустошами деревня пользуется для выгона лошадей и скота. Крестьяне сначала хотели убирать луг в раздел, нивками, каждый двор отдельно — так убирают они свои собственные луга и луг соседнего помещика, — но я на это не согласился. ...На покос деревня выходит вся за раз. Тотчас — это совершается чрезвычайно быстро — делят часть луга на нивки по числу кос, и затем каждый косит отдельно свою нивку, кончили один участок, переходят на другой, который тоже делят по числу кос, и каждый гонит свою долю и т.д. Весь луг скашивается за раз, хотя и в раздел, по нивкам. Я этому не препятствую, потому что это не производит никакой разницы в хозяйственном отношении. Косить сообща, огульно, идя в один ряд, крестьяне ни за что не соглашались, потому что, говорят они, в деревне косцы неравные, не все косят одинаково хорошо, а так как сено делится по числу кос, то выйдет несправедливо. На уборку сена деревня высылает людей по числу кос, и уже эта работа производится сооб-

ща, причем распоряжается один из крестьян, пользующихся доверием деревни. Он смотрит, чтобы все хорошо работало и клали копны равной величины. Затем половина копен переводится ко мне, а другую половину крестьяне делят между собою по числу кос.

...Крестьяне избегают, по возможности, общих огульных работ, и если вы наймете, например, четырех человек рыть канаву издельно, с платой посаженно, то они не станут рыть канаву вместе, но разделят на 4 участка, и каждый будет рыть свой участок отдельно.

...Все считаются в работе, сильному, например, ничего не значит снести мешок в закроем, слабый же бьется, бьется, пока подымет, пока снесет, сделав свое дело, сильный все это время стоит, ждет, пока слабый не снесет, и только тогда берется за другой мешок. И так во всем.

Крестьянская община, крестьянская артель — это не пчелиный улей, в котором каждая пчела, не считаясь с другою, трудолюбиво работает по мере своих сил на пользу общую. Э! если бы крестьяне из своей общины сделали пчелиный улей — разве они тогда ходили бы в лаптях?»

К этому сетованию Энгельгардта следует добавить и скрупулезность условий в плане равенства при расчетах. Вот у Энгельгардта с десятков должников, которые все обязались вернуть долг к одному и тому же сроку. Но у одного возникли проблемы, и он просит отсрочить выплату. В принципе, Энгельгардту ничего не стоит согласиться, но дело в том, что, узнав об этом, и остальные должники тоже не будут отдавать долг в срок, хотя могут это сделать. Вот он приводит пример расчета:

«— Сколько приходится?

— Рубль, да шесть копеек, да грош.

— Получай рубль семь копеек, грош лишнего — свечку поставь.

Если при расчете приходится передать лишнего, то, чтобы другие бабы не обижались, что которой-нибудь пришлось лишнего, переданное полагается на свечку Богу. Баба это исполнит и первый раз, что пойдет к обедне, подавая копеечную свечку, если ей перешло полкопейки, “подумает в мыслях”, как выражается Иван, что полсвечки идет за нее, а полсвечки за меня».

То есть даже полкопейки (грош) нельзя было передать работнице, чтобы не вызвать у остальных ненависть и к себе, и к этой «счастливице».

Тут, видимо, надо отвлечься на женщин.

Бедные, забитые русские женщины и подкаблучники

Энгельгардт прекрасно обосновал необходимость артелей и прекрасно показал, что без них у сельского хозяйства России нет будущего: «...изучив помещичьи и деревенские хозяйства, я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь в деревне выросшее, окрепшее». Но Энгельгардт так и не смог предложить проект этой артели, и единственным так-сяк приемлемым вариантом такой артели он видел большую семью со многими сыновьями и с отцом-хозяином во главе. Но такие семьи, к его разочарованию, на его же глазах разваливались и нищали. И, размышляя над причинами, он так или иначе указывает на женщин как на причину развала этих семейных артелей.

Тут надо признаться, что до этой книги я думал, что бабы вертят мужиками только на Украине, но оказалось, что и в Смоленской губернии все обстояло не так просто. Во-первых, было четкое разделение обязанностей — муж

отвечал за прокорм семьи и оплату налогов, жена — за то, чтобы одеть семью, включая мужа. (Ниже вы увидите возмущение женщин властями, пытавшимися возложить на них, и тут женщины были, по сути, правы.) Жена обязана была помогать мужу в прокорме семьи и выплате налогов только полгода — с 1 апреля по 1 ноября. В это время муж мог обязать жену выполнять любую работу, мог отдать ее в батрачки, получая за нее ее зарплату. Но с 1 ноября по 1 апреля жена работала только на себя, как дома, так и вне его, — она могла устроиться на какую угодно работу, и все заработанные деньги шли только ей. Конечно, мужья разные бывают, поэтому деньги от них приходилось прятать, но это положение неуклонно соблюдалось.

И Энгельгардт, анализируя развал мощных, богатых крестьянских семей, пришел к выводу, что женщины являются самым гадким антиартельным элементом, при этом не поспешил на примеры и выводы. Опять не буду цитаты выделять курсивом, полужирным даны выделения самого Энгельгардта.

«Но как ни важен хороший “загад” хозяина, все-таки же коренная причина зажиточности и сравнительного благосостояния больших не разделявшихся семей заключается в том, что земля не разделена, что работа производится сообща, что все семейство ест из одного горшка. Доказательством этого служит то, что большие семьи, даже и при слабом старике, плохом хозяине, не умеющем держать двор в порядке, все-таки живут хорошо.

Я знаю один крестьянский двор, состоящий из старика, старухи и пяти женатых братьев. Старик совсем плох, стар, слаб, недовидит, занимается по хозяйству только около дома, в общие распоряжения не входит. Хозяином считается один из братьев. Все братья, хотя и молодцы на работу, но люди не очень умные и бойкие, смиренные, рахман-

ные, как говорят мужики; даже тупые, совершенно подчиненные своим женам. Бабы же, как на подбор, молодлица к молоднице, умные — разумеется, по-своему, по-бабьему, — здоровые, сильные, все отлично умеют работать и действительно работают отлично, когда работают не на двор, а на себя, например когда зимою мнут у меня лен и деньги получают в свою пользу. Хозяйство в этом дворе в полнейшем беспорядке; бабы хозяина и мужей не слушают, на работу выходят поздно, которая выйдет ранее, поджидает других, работают плохо, спустя рукава, гораздо хуже батрачек, каждая баба смотрит, чтобы не переработать, не сделать более, чем другая. Все внутренние бабьи хозяйственные работы производятся в раздел. Так, вместо того чтобы поставить одну из баб хозяйкой, которая готовила бы кушанье и пекла хлебы, все бабы бывают хозяйками по очереди и пекут хлеб понедельно — одну неделю одна, другую — другая. Все бабы ходят за водою и наблюдают, чтобы которой-нибудь не пришлось принести лишнее ведро воды, даже беременных и только что родивших, молодую, еще не вошедшую в силу девку, дочь старшего брата, заставляют приносить соответственное количество воды. Точно так же по очереди доят коров; каждая баба отдельно моет белье своего мужа и детей; каждая своему мужу дает отдельное полотенце вытереть руки перед обедом, каждая моет свою дольку стола, за которым обедают. Случилось, что в этом дворе были у трех баб одновременно грудные дети, которых нужно было подкармливать молочной кашей, между тем зимою во дворе была всегда одна рано отелившаяся корова, так что все молоко должно было идти на грудных детей. Казалось бы, чего проще хозяйке выдоить ежедневно корову и сварить общую молочную кашу для всех детей. Нет, ежедневно одна из баб-дитятниц, по очереди, доит корову, молоко разделяется на три равные части, и каждая баба отдельно варит кашу своему ребен-

ку. Наконец, и этого показалось мало — должно быть, боялись, что доившая может утаивать молоко, — стали делать так: бабы доят коров по очереди, и та, которая доит, получает все молоко для своего ребенка, то есть сегодня одна невестка доит корову, получает все молоко себе, и потом три дня варит своему ребенку кашу на этом молоке, завтра другая невестка доит корову и получает все молоко себе, послезавтра третья...

Даже в полевых работах бабы этого двора вечно считаются. Каждая жнет отдельную нивку, и если одна оставила высокое жнитво, то и все другие оставляют такое же. Словом, работают хуже, чем наемные батрачки. Бабы этого двора даже разные торговые операции делают независимо от двора: одна из баб, например, арендует у бедных крестьян несколько нивок земли, независимо от двора, на свои деньги, сеет ячмень и лен в свою пользу, другая выкармливает на свой счет борова и продает в свою пользу.

...Но вот умер старик. У некоторых братьев сыны стали подрастать — в подпаски заставить можно. У одного брата нет детей, у других только дочки. Бабы начинают точить мужей: “неволя на чужих детей работать”, “вон Сенька бросил землю, заставился к пану в скотники, 75 рублей на готовых харчах получает, а женку в изобку посадил — она ни жнет, ни пашет, сидит, как барыня, да на себя прядет” и т.д. и т.д. Сила, соединявшая семейство и удерживавшая его в одном дворе, лопнула. И вот, несмотря на то, что “один в поле не воин”, что “одному и у каши не споро”, что “на миру и смерть красна”, двор начинает делиться. Вместо одного двора является, например, три. Нивы делятся на узенькие нивки, которые и обработать хорошо нельзя, потому что не только пахать, но и боронить нельзя: кружит баба с боронами, кружит, а все толку нет. Каждый работает отдельно на своей нивке. Молотят на трех овинах, да еще хорошо, если, разделившись, возьмут силу построить три овина, а

то овин остается общий на трех, и каждый молотит на нем по очереди отдельно свой хлеб — ну, как же тут поспеть вовремя намолотить на семена и сохранить хлеб чистым? У одного рожь чиста, у другого — он вчера на семена молотил — с костером. Никто за овином не смотрит, нет к нему хозяина, никто его вовремя не ремонтирует. Сено убирают каждый отдельно на своих нивках, и если что выигрывается от того, что каждый работает на себя, а не на двор, то теряется вследствие того, что одному нет возможности урвать в погоду, как может это сделать артель. Кладут сено в три отдельные пуня. Скот кормят на трех отдельных дворах, и для ухода, для носки корма нужно три человека, тогда как прежде делал это один. На водопой скот гонят три бабы, а прежде гоняла одна. На мельницу молоть едут три хозяина. Печей топится три, хлеб пекут три хозяйки, едят из трех чашек. Все необходимые во дворе “ложки” и “плошки” тому, кто дела не знает, кажутся пустяком, а попробуй-ка, заведись всем: если большое корыто, в котором кормили штук шесть свиней на “богачевом” дворе, стоит рубль, то три маленьких корыта стоят уже не рубль, а, примерно, хоть два.

Высчитайте все, высчитайте работу, и вы увидите, какая происходит громадная потеря силы, когда из одного двора сделается три, а еще того хуже — пять.

Непременным результатом раздела должна быть бедность. Почти все нажитое идет при разделе на постройку новых изб, новых дворов, амбаров, овинов, пуня, на покупку новых корыт, горшков, чашек, “ложек и плошек”. Разделились “богачи”, и вот один “богачев” двор обыкновенно превращается в три бедных двора.

Все это знают, все это понимают, а между тем все-таки делятся, потому что каждому хочется жить независимо, своим домком, на своей воле, каждой бабе хочется быть “большухой”.

...Говорят, что все разделы идут от баб. Поговорите с кем хотите. И поп вам скажет, что разделы — величайшее зло и идут от баб. Поп-то это скажет так, по обычаю поддакивать, вторить, потому что попу-то нечего быть против разделов, так как они ему выгодны: один двор — молебен, два двора — два молебна. С “богачева” двора сойдет на святую много рубль (пять служб), а с пяти бедных, разделившихся дворов, сойдет мало, если два рубля (по две службы). И волостной, и писарь, и сотский — все начальники скажут, что разделы — зло, так это очевидно, хотя и начальству, как попу, разделы выгодны. Положим, в “богачевом” дворе на Никольщину поднесут “начальнику” два стакана, но в пяти бедных, если по стакану только, все же выйдет пять, притом же бедные одиночки почтительнее, боязливее, низкопоклоннее, потому что “один в поле не воин”.

И мужик каждый говорит, что разделы — зло, погибель, что все разделы идут от баб, потому что народ нынче “слаб”, а бабам воля дана большая, потому-де, что царица малахфест бабам выдала, чтобы их не сечь.

...Действительно, сколько и я мог заметить, у баб индивидуализм развит еще более, чем у мужиков, бабы еще эгоистичнее, еще менее способны к общему делу — если это дело не общая ругань против кого-либо, — менее гуманны, более бессердечны. Мужик, в особенности если он вне дома, вне влияния баб, еще может делать что-нибудь сообща; он не так считается в общей работе, менее эгоистичен, более способен радеть к общей пользе двора, артели, мира, жить сообща, а главное — мужик не дребезжит, не разводит звяк, не точит. Мужик надеется на свой ум, на свою силу, способность к работе. Баба не надеется ни на ум, ни на силу, ни на способность к работе, баба все упование свое кладет на свою красоту, на свою женствен-

ность, и если раз ей удалось испытать свою красоту — конец тогда.

Я положительно заметил, что те деревни, где властвуют бабы, где бабы взяли верх над мужчинами, живут беднее, хуже работают, не так хорошо ведут хозяйство, как те, где верх держат мужчины. В таких бабьих деревнях мужчины более идеалисты, менее кулаки и скорее подчиняются кулаку-однодеревенцу, который осилил, забрал в руки баб. Точно так же и в отдельных дворах, где бабы взяли верх над мужчинами, нет такого единодушия, такого порядка в хозяйстве, такой спорости в работе. Впрочем, нужно заметить, что если в какой-нибудь деревне, в одном-двух дворах, бабы взяли верх, то это распространяется на все дворы в деревне. А если раз бабы в деревне держат верх, то и каждая вновь поступающая вследствие замужества в деревню сейчас же попадает в общий тон. Удивительный в этом отношении происходит подбор; где бабы держат верх, там, разумеется, бабы молодцы — редкая не пронесет осьмину ржи (более 70 кг. — Ю.М.), — сильные, здоровые, отличные, в смысле уметь все сделать, работницы, отличные игрицы; где мужчины держат верх, там бабы поплоче, забитые, некрасивые, измороженные. Выходя замуж, девка смотрит, в какую деревню идти: молодница идет в первую деревню, поплоче — идет во вторую, потому что в первой бабы забьют. И бабы тоже смотрят, кто к ним идет, и пришедшую обрабатывают по-своему.

...Большую способность мужчин к общему делу можно объяснить тем, что мужчины более свободны, более развиты, более видели свет, более жили в артелях, прониклись артельным духом, сделались, как выражаются мужики, артельными людьми, то есть людьми более гуманными, способными сдерживать свои эгоистические инстинкты, уступать другим, уступать общему духу, общим потребностям, общему благу.

...Но зато у баб гораздо более инициативы, чем у мужчин. Бабы скорее берутся за всякое новое дело, если только это дело им, бабам, лично выгодно. Бабы как-то более жадны к деньгам, мелочно жадны, без всякого расчета на будущее, лишь бы только сейчас заполучить побольше денег. Деньгами с бабами гораздо скорее все сделаешь, чем с мужчинами. Кулакам это на руку, и они всегда стремятся зануздать баб, и раз это сделано — двор или деревня в руках деревенского кулака, который тогда уже всем вертит и крутит. У мужика есть известные правила, известные понятия о чести своей деревни, поэтому он многого не сделает, чтобы не уронить достоинства деревни. У бабы же на первом плане — деньги. За деньги баба продаст любую девку в деревне, сестру, даже и дочь, о самой же и говорить нечего. “Это не мыло, не смылится”, “это не лужа, останется и мужу”, рассуждает баба. А мужик, настоящий мужик, не развращенный подлаживанием барам, не состоящий под командой у бабы, ни за что не продаст. А проданная раз девка продаст, лучше сказать, подведет, даже даром, всех девок из деревни для того, чтобы всех поровнять. Охотники до деревенской клубнички очень хорошо это знают и всегда этим пользуются. Нравы деревенских баб и девок до невероятности просты: деньги, какой-нибудь платок, при известных обстоятельствах, лишь бы только никто не знал, лишь бы шито-крыто, делают все. Да и сами посудите: поденщина на своих харчах от 15 до 20 копеек, за мятые пуды льна 30 копеек — лен мнут ночью, и за ночь только лучшая баба наминает пуд, — за день молотбы 20 копеек. Что же значит для наезжающего из Петербурга господина какая-нибудь пятерка, даже четвертной, даже сотенный билет в редких случаях. Посудите сами! Сотенный билет за то, что “не смылится”, и 15 копеек — за поденщину. Поставленные в такие условия, многие ли чиновницы устоят? Что же касается настоящего чувства, любви, то и баба не только ни

в чем не уступит чиновнице, но даже превзойдет ее. Я думаю, что тот, кто не знает, как может любить деревенская баба, готовая всем жертвовать для любимого человека, тот вообще не знает, как может любить женщина.

...Вот для начальства бабы в деревне язва. Мужчины гораздо более терпеливо переносят и деспотизм хозяина, и деспотизм деревенского мира, и деспотизм волостного, и затеи начальства: станового, урядника и т.п. А уж бабы — нет, если дело коснется их личных бабьих интересов. Попробовало как-то начальство описать за недоимки бабы андараки, так бабы такой гвалт подняли, что страх, — к царице жаловаться, говорят, пойдём. И пошли бы. Начальство в этом случае, однако, осталось в барышах: бабы до тех пор точили мужчин, спали даже отдельно, пока те не раздобылись деньгами — работ разных летних понабрали — и не уплатили недоимок. Однако после того начальство бабьих андарак уже не трогало».

Тут удивительного ничего нет, многим известно, что в одном дворе можно держать сколько угодно кобелей, но две суки загрызут друг друга. Однако эта биологическая женская особенность понятна, поэтому мужикам нет оправдания. Ведь мужики становятся подкаблучниками по той же причине, по которой идут в батраки и бюрократы, — чтобы не быть хозяином и не отвечать за принятые решения по хозяйству. Таким мужикам все равно — хоть у барина холуем, хоть у арендатора батраком, хоть у жены под каблуком — лишь бы самому решений не принимать и за них не отвечать.

Но меня заставило вспомнить о женщинах то, что у кликуш голодомора в свидетелях одни старушки — именно они вспоминают про то, как большевики их голодом морили. А малороссийские бабы, эти исторически еще не такие давние амазонки, и по влиянию на своих мужей любых женщин мира за пояс заткнут. И надо бы украинским ба-

бушкам вспомнить, как они пилили мужей: «Все люди уже волов порезали, мануфактуры в городе купили, а мы своих в артель отгоним?», «И чего тебе в степи на дядю уродоваться, пусть другие уродуются!» и т.д. Ночная кукушка лучше всех кукует, особенно украинская.

Мне могут сказать, что это дела давно минувших дней. Не скажите! Когда я приводил примеры управления людьми в книге «Три еврея», то даже тогда не догадался взглянуть на эти примеры с точки зрения свойств русского человека. Например, такой.

Я был начальником ЦЗЛ, а в этот цех входила аналитическая химлаборатория, и ее убирали две технички, которые, по идее, должны были работать с 8.00 до 17.00. Но часть залов и комнат была задействована только днем, и было трудно, да и глупо убирать их, когда там уже работают люди. Поэтому одной техничке изменили график работы. Она приезжала первым автобусом в 6.00, убирала наиболее сложные в производственном отношении помещения, а затем убирала кабинеты, все это делала без перерыва, посему и уезжала домой в 14.00. А вторая начинала в 8.00, мыла посуду и убирала проливы реактивов и грязь, образовавшуюся по ходу дневной смены, работая до 17.00. И вот приходит ко мне вторая уборщица и жалуется на «несправедливость»:

— Почему той уборщице разрешают уезжать в два часа, а я работаю до пяти?

— Потому что та работает с шести и без обеда, а ты с восьми и с обедом.

— Это неправильно, пусто тоже работает до пяти.

— Но тогда же получится, что она работает не 8 часов, а 10.

— Ну и что?

— Послушай, может быть, вас менять? Одну неделю она будет работать с шести, а вторую ты.

— Нет, мне не нравится работать с шести, пусть она работает до пяти.

И я не смог ее убедить в справедливости этого графика: она пропускала мимо ушей все мои доводы, что по фактическому времени они работают одинаково, она требовала, чтобы они обе работали до пяти, иначе это «не справедливо». Я вынужден был прекратить разговор с ней, и она, обидевшись, спустя некоторое время нашла другую работу и перевелась в другой цех. Чем этот случай отличается от рассказа Энгельгардта о том, как делили работу невестки?

А вот еще случай. Автомобильный завод в Тольятти потребовал у нас ферросилиций ФС-45 фракции 20—80 мм, то есть в кусочках не менее 20 и не более 80 мм. Был построен дробильно-сортировочный узел, но при дроблении образовывалось 15—20% кусочков до 20 мм, которые трудно было кому-нибудь сбить и которые по этой причине возвращались на печь, лопатами сбрасывались на ее колошник и заново переплавлялись.

Мой тогдашний начальник, начальник металлургической лаборатории ЦЗЛ А.А. Парфенов, разработал и внедрил эффективный способ переработки этих кусочков. При разливке ковша с ферросилицием на разливочной машине эта мелочь дозировалась (подсыпалась с определенным расходом) под струю металла прямо в мульды в количестве, при котором она успевала оплавиться и составить со слитком одно целое. Этот способ дал возможность сократить расход электроэнергии, который раньше требовался для повторного расплавления мелочи в печи, и увеличить стойкость мульд. И все шло хорошо, пока мы ферросилиций фракции 20—80 не стали поставлять на экспорт.

В начале поставок возникли разногласия с фирмой, анализирующей наш металл за рубежом, и нас обвинили в том, что у нас кремния в сплаве на самом деле на 2—3%

меньше, чем мы указываем в документах. Мы с этим разобрались, но не сразу, а по получении тревожного сигнала было принято решение дробить для экспорта только металл, в котором не менее 45% кремния. В марке ФС-45 разрешается иметь содержание кремния от 42 до 47,5%, печным бригадам выгодно плавить металл с кремнием под верхним пределом марки, поэтому мы полагали, что проблем не будет — металл с кремнием 45% и выше будет передроблен и пойдет на экспорт, а металл с содержанием ниже 45% будет прямо в слитках отправлен «по Союзу».

И началось непонятное. Пока экспортных заказов не было, т.е. металл не дробился, обе печи плавил ФС-45 с анализами выше 46%, поскольку, повторю, так выгоднее. Но как только начинали исполнять экспортный заказ, как по команде все бригады начинали плавить металл с содержанием кремния ниже 45%, который, напомним, не дробился и отправлялся только отечественным заводам. В причинах такого патриотизма разбирался техотдел и вот что выяснил.

Если все бригады плавят ферросилиций для экспорта, то весь металл дробится, и фракция менее 20 мм отсеивается. То есть выплавка как будто уменьшается на 15—20%, но эта мелочь тут же возвращается на разливочную машину и равномерно подсыпается во все следующие плавки, т.е. выплавка снова увеличивается, компенсируя потери при отсеиве. Вроде все в порядке и никто ничего не теряет, наоборот, все получают кое-какую премию за экспорт. Но тут же какой-то умник догадался, что если он будет плавить металл с низким содержанием кремния, то его плавки дробить не будут, но ему все равно будут подсыпать мелочь от дробленых плавок других бригад, т.е. те увеличат ему выплавку на 10—15% за счет металла, выплавленного его товарищами, что больше премии за экспорт. И пошло-поехало! Равнение — на худшего! Никто из рабочих и не пытался

остановить рвача — все стали снижать кремний в ФС-45 в надежде, что и им в плавки чужого металла подсыпят.

Пример показывает, насколько ушлым бывает русский гегемон, когда появляется возможность что-либо урвать за счет общества. И этот пример — полное подтверждение вывода Энгельгардта о русском работнике: «если можно, то пустит лошадь на чужой луг или поле, точно так же, как вырубит чужой лес, если можно, увезет чужое сено, если можно, — все равно, помещичье или крестьянское, — точно так же, как и на чужой работе, если можно, не будет ничего делать, будет стараться свалить всю работу на товарища».

Энгельгардт дает жесткую оценку русским работникам, я к ней присоединяюсь, поэтому еще раз напомним, что речь идет о некоем среднем русском, массовом русском, а работников, примыкающих к крайним случаям (к которым относятся эгоисты до мерзости и идеалисты до крайности), эти оценки не относятся.

Что угадали

Есть еще два аспекта организации русских в трудовые коллективы, которые следует рассмотреть. Первый относится к случаю: «Зять, бросая камень в собаку, попал в тещу и подумал: “Тоже хорошо!”».

Энгельгардт описывает случаи, когда крестьяне и в те далекие 70-е XIX века вынуждены были создавать колхозы. Это случаи, когда деревня была способна купить разорившееся имение помещика целиком. Разбить все поля и леса на нивки для каждого двора было уж явно нецелесообразно, особенно если имение находилось далеко от деревни, разделить помещичий скот поровну тоже не получалось, волей-неволей надо было как-то организовываться для работы в этом хозяйстве сообща. Что обрабатывать, что сеять,

что сажать и где косить — это проблем не было, это решали миром, это умели. Но поскольку доходы с имения делились поровну по дворам, то возникал вопрос: как обеспечить равный трудовой вклад каждого двора? Для этого требовалось иметь кого-то, кто проследил бы за исполнением каждым работником трудовой повинности. И крестьяне для этого нанимали управляющего своим имением и скотника. Заметьте, они не избирали этих лиц из своей среды, они их нанимали, причем из как можно более дальних районов, чтобы указанные лица не имели никаких родственных связей в деревне.

В результате восстанавливалась добрая старая барщина: управляющий и скотник получали права помещика-крепостника, а крестьяне по отношению к ним становились крепостными. И теперь уже управляющий и скотник не только следили за тем, чтобы каждый крестьянин отработал ровно столько (по объему работ, а не по дням), сколько и остальные, но они могли еще и как-то специализировать труд. То есть не гонять каждого крестьянина на все виды работ, а хорошего пахаря использовать в поле, а хорошего скотника — на скотном дворе. А доход от имения делился поровну между всеми членами трудового коллектива этой деревни.

Так вот, большевики, организуя колхозы, послали на село 25 тысяч рабочих, в основном коммунистов (потом, когда трудности с коллективизацией явно обозначились, заявления переселиться в село для организации колхозов подали около 60 тысяч рабочих и служащих). Разумеется, большевики имели в виду совершенно не то, что требовалось по русскому мировоззрению, но эти двадцатипяти-тысячники соответствовали главному требованию с точки зрения русского работника — они не имели родственных связей в деревнях и селах.

Однако, с точки зрения управления коллективом, справедливость руководителя стоит все же на втором месте, а на первом — его хозяйская сметка — умение планировать, загадать. То, что на место председателя колхоза избран честный коммунист-рабочий, а не местный мерзавец-кулак, это было очень хорошо! Но ведь этот рабочий в вопросах сельского хозяйства был олухом, как Давыдов из «Поднятой целины», с удовольствием уплетавший щи с говядиной, даже не догадываясь, что казаки забивают быков и Давыдову весной не на чем будет пахать.

Насколько эффективнее на месте председателя был настоящий хозяин, хорошо описал мой соавтор по книге «Отцы-командиры» А.З. Лебединцев. По его собственным детским воспоминаниям и рассказам его матери, Александр Захарович сообщает, что еще до коллективизации молодежь их кубанской станицы выселилась на построенный хутор, так как из-за разросшегося населения станицы стало далеко ездить на поля. И когда началась коллективизация, то колхоз сначала был организован на их молодежном хуторе, «голодомор» колхоз пережил без потерь, мало этого, казаки станицы, еще не организовавшие колхоза, спасались от голода у своих родственников в их колхозе. Но нам интереснее председатель этого колхоза.

«Многое помнил из прежних ее (матери. — Ю.М.) рассказов, но немало услышал интересного впервые, в том числе о девичестве и первых годах коллективизации. Она открыла мне секрет нашего бурного роста колхоза и источников финансирования под руководством нового председателя колхоза Шапетина. Прибыл он к нам со станицы Сторожевой, что располагалась в десяти километрах южнее хутора. Он хорошо знал местные обычаи и казачий уклад жизни, хозяйственную деятельность и, самое главное, не имел в хуторе родственников, что наиболее благоприят-

но отражалось на его руководящей репутации. Был он молод, энергичен, знал повадки земляков. В 1932 году впервые построили детский садик и детясли. Это вызывалось крайней необходимостью, так как старушек-домоседок в хуторе просто не было. Все они остались со старшими сыновьями в станице. Матери председатель предложил место стряпухи в детсадики. Членов правления он подбирал по деловым качествам, даже невзирая на неграмотность. Таким путем и она оказалась членом правления. Мне было очень интересно услышать от нее об источниках финансирования всех затрат на покупку динамо-машины, водной турбины, проводов, столбов, радиоприемника с усилительной аппаратурой. Ведь все это стоило денег, и немалых.

Мать улыбнулась и чистосердечно рассказала мне об источниках поступления денег. Приступая к строительству, Шапетин все это рассчитал заранее. Именно в том, наиболее голодном и трудном тридцать третьем он приобрел самое необходимое, расплачиваясь, как сейчас говорят, бартером. Более того, он велел откармливать отходами при детской кухне двух кабанов, которые не проходили по свиноферме, откормили и забили бычка, выходявшего в хуторском стаде, а не на ферме. В те годы был замечательный медосбор, и на пасеке собрали бочку меда сверх плана. Все это было продано на рынке и пошло на покупку электро- и радиооборудования. Районное начальство было занято организацией МТС и ослабило контроль над ревизионной работой в колхозах. Припомнилось все это председателю позднее, когда были установлены «нормы по выявлению “врагов” народа, “террористов”, “оппортунистов” и прочих недоброжелателей. А тогда, когда впервые в сельской местности загорелась «лампочка Ильича», когда заговорило радио в хуторе, когда целиком вся бригада одновременно могла мыться в колхозной бане, когда все

праздничные торжества и свадьбы начали проводиться в колхозном клубе, тогда это восхвалялось в газете как «Великий почин». В 1937 году это обернулось арестом председателя и «червонцем» в не столь отдаленных местах. Но он и там оказался нужным как организатор. Поэтому и выжил. Но в колхоз его не вернули, хотя колхозники очень жалели о нем и вспоминают и поныне. Вряд ли кто на хуторе помнил эти подробности так, как запомнила и рассказала мне моя неграмотная мать тридцать семь лет спустя».

Должен немножко прокомментировать. Что касается двух кабанов, выкормленных на отходах детской кухни, то это «лапша на уши» городскому жителю. Что касается «бартера», то это еще «лапша», смысла которой, возможно, и мать не понимала. Все эти кабаны, бычки и мед, весь этот «черный нал» — это только то, что шло на взятки людям, от которых зависела продажа оборудования этому колхозу, а взятки до 1937 года были крайне распространенным явлением. На покупку такого чрезвычайно дорогостоящего оборудования, как турбина и генератор, провода и электромоторы, да еще и такого оборудования, которое не спрячешь за сараем, для строительства таких, бросающихся в глаза сооружений, как баня и клуб, нужны были «белые» деньги, проведенные по бухгалтерским отчетам колхоза. И они, как видите, у колхоза были уже в 1933 году — году «разгара голодомора». И в этом же году у колхоза было зерно не только для хлебосдачи, не только на семена, но и для того, чтобы откармливать свиней, как на свиноферме, так и нелегально. А свиньи — это конкуренты людей в еде, поскольку их откорм ведется ячменем или кукурузой — тем же, что ест и человек, и выращенным на тех же полях, на которых растет и хлеб.

Главный вывод, который можно сделать из этих примеров Лебединцева, понятен: хороший хозяин, кроме этого,

независимый в своих решениях от кого-либо в самом коллективе, уже является безусловным фактором прогресса такого коллектива. Даже при наличии иных, неблагоприятных факторов.

Загонщики

И еще один аспект, который большевики применили бессознательно, но верно, но уж очень неартельно! Речь идет о передовиках производства, стахановцах и прочих ударниках. Поскольку Энгельгардт приводит пример истинно русской артели на примере артели граборов, то я его словами немного расскажу о том, что это была за профессия. Это были землекопы, но сказать так — это ничего не сказать: велика ли мудрость землю копать — кто этого не умеет? По большому счету, граборы были и ландшафтными дизайнерами в сегодняшней терминологии, и мелиораторами. Причем ландшафтами их работы и немцы восхищались, а граборы могли и осушить все, что возможно. Но, конечно, они в первую очередь были землекопы.

«Исконные, старинные граборы, из поколения в поколение занимающиеся граборским делом, достигли в земляном деле высочайшей степени совершенства, — пишет Энгельгардт. — Нужно видеть, как режет грабор землю, вырывая, например, прудок, — сколько земли накладывает он на тачку, как везет тачку! Нужно видеть, как он обделывает дерном откосок! До какого совершенства, до какого изящества доведена работа! Грабор работает, по-видимому, медленно: он тщательно осматривает место работы, как бы лучше подладиться, тщательно выбирает такой дерн, какой ему нужен, режет землю тихо, аккуратно, так, чтобы ни одной крошки не осталось, ни одной крошки не свалилось с заступа, — он знает, что все это будет потеря работы, что все эти крошки придется опять поднять на ту же вы-

соту, с которой они свалились. Нельзя не залюбоваться на граборскую работу, тем более что вы не видите, чтобы грабор делал особенные усилия, мучился на работе, особенно напрягал мускулы. Ничего этого нет. Он работает, как будто шутя, как будто это очень легко: дерн, глыбы земли в пуд весом грабор отрезывает и выкидывает на тачку, точно режет ломтики сыру. Так это все легко делается, что кажется, и сам так бы сделал. Только тогда и поймешь, как трудна эта граборская работа, сколько она требует науки, когда рядом со старым опытным грабором увидишь молодого, начинающего, недавно поступившего в артель. Старый уже выкидал свою дольку земли и сел трубочку покурить — залогу делает, а молодой еще возится на своей долке, и глыбы земли у него не такие, и земля крошится, и подчистки много, и тачку опрокинул, не довезя до конца доски — подчищать нужно. Старые позаложили, отдохнули, пора за новые дольки браться, а ему и отдохнуть некогда, потому что нужно выгнать столько же, сколько и другие товарищи артели. Положим, в артели каждый получает за то количество кубов земли, какое он вывез, но ведь едят сообща, совместно отставать от артели. И вот, нервно пососав трубочку, отдохнув всего какую-нибудь минуту, молодой грабор опять берется за заступ и спешит на свою дольку. Искусство граборов в земляном деле еще более ярко выделяется, если посмотреть на эту же работу, когда ее делают обыкновенные крестьяне, не граборы. Мне достаточно посмотреть то место, с которого брали землю, чтобы безошибочно определить, кто работал: граборы или крестьяне. Где брали землю не граборы, тотчас видно, что люди делали огромную массу непроизводительной работы, бесполезно растрачивали силу. Крестьяне, впрочем, за настоящие граборские работы никогда почти и не берутся, и если в деревне нужно вырыть канаву или пруд, то нанимают граборов».

И если для крестьянина хорошим заработком в те времена были 50 копеек в день, то граборы зарабатывали и рубль, и рубль двадцать. А в России в это время был бум на земляные работы — нужны были насыпи для железных дорог. Казалось бы, вот где граборы могли стать миллионерами. Однако на вопрос Энгельгардта, почему граборы не работают на железной дороге (чугунке), последовало разъяснение:

«Пробовали наши и на чугунку ходить. Заработать там много можно, если бог здоровья даст, да что толку. В одно лето так собьешься, что потом в год не поправишься. Там, на чугунке, сибирская работа, сверхсильная, до кровавого пота — за непочтение к родителям такую работу делать. Там работают с загонщиками — гони за ним. А загонщиками-то подобраны молодцы, притешают их тоже. Ну, и убивается народ. Нет, наши граборы на чугунку не ходят — туда безрасчетный народ идет, за большими заработками гонятся, или от нужды, на задатки их тоже ловят. И много их там пропадет, умрет, либо калекой вернется».

В настоящее время все больше и больше оседающий в конторах и управляющий механизмами народ уже не представит, что значит работа «на износ», что значит «надорваться на работе», но тогда еще много видов физических работ были именно такими. Но в этом разъяснении грабора вы увидели термин «загонщик», о котором грабор сообщил как о некоем враге всех остальных. Дело в том, что на железной дороге земляные работы брали на себя подрядчики — люди с деньгами, они сами не работали, а нанимали крестьян, которым платили повременно, скажем, рубль в день. Но в такую свою «артель» они ставили и одного профессионала — грабора, которому тайно платили больше, скажем, три рубля в день («притешили» его), но с условием, что он в работе будет все время опережать остальных землекопов.

С американцами или немцами такая бы штука не прошла, там принцип — «какое мне дело до всех до вас, а вам — до меня?». Ну и пусть себе загонщик горбатится, ведь мы же не лежим, мы работаем столько, сколько полагается. Но это же были русские, они не могут быть последними в обществе, они обязаны «равняться», поэтому все остальные гонятся за провокатором, теряя здоровье.

Нет никаких сомнений, что большевики совершенно не это имели в виду, когда развили стахановское движение, — целью было выявить и развить таланты в рабочей среде, только в этом смысле поставить перед рабочими маяки. Я это гарантирую, поскольку многие годы сам подводил итоги соревнований, посылал людей фотографироваться для доски почета и знаю, какие цели преследовались. Но в те годы масса работ была физическим трудом, и успеть за талантом было физически трудно. И возникала коллизия — важные для государства виды работ, требовавшие и физических усилий, хорошо оплачивались, поэтому соблазняли и тех, у кого сил и талантов или ума для исполнения таких работ не хватало. Но в жажде заработать такие люди тоже устраивались на эти работы. И тут стахановцы становились для них загонщиками, поскольку, будучи русскими, эти слабые люди все равно гнались за передовиками на пределе своих сил. Казалось бы, успокойся, ведь и так зарабатываешь, сколько хотел, не рвись! Но это русские, они так не могут, они, проклиная все, гнались. И у части рабочих не могла не возникать ненависть к тем, кто талантлив, кто может много заработать и кто заставляет их работать сверх сил.

Большевики совершенно не учитывали той вражды, которая может возникнуть в русских трудовых коллективах из-за раскрытия отдельными членами своих талантов, а настоящая русская артель это учитывала, но об этом чуть ниже, а закончить эту темку я хочу оценкой ее Гитле-

ром. Рассуждая о проблемах войны с СССР, он высказался: «И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной Армии — наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души». Понял ли сам Гитлер то, что он сказал, но на счет особого склада ума и души он был прав.

Здравый смысл

Причину, по которой крестьянам необходимо объединиться в артели, Энгельгардт объясняет так:

«Крестьяне живут отдельными дворами, и каждый двор имеет свое отдельное хозяйство, которое и ведет по собственному усмотрению. Поясню примером: в деревне, лежащей от меня в полуверсте, с бытом которой я познакомился до тонкости, находится 14 дворов. В этих 14-ти дворах ежедневно топится 14 печей, в которых 14 хозяек готовят, каждая для своего двора, пищу. Какая громадная трата труда, пищевых материалов, топлива и пр.! Если бы все 14 дворов сообща пекли хлеб и готовили пищу, то есть имели общую столовую, то достаточно было бы топить две печи и иметь двух хозяек. И хлеб обходился бы дешевле, и пищевых материалов тратилось бы менее. Далее, зимою каждый двор должен иметь человека для ухода за скотом, между тем как для всего деревенского скота было бы достаточно двух человек; ежедневно во время молотбы хлеба 14 человек заняты сушкой хлеба в овинах; хлеб лежит в 14-ти маленьких сараях; сено — в 14-ти пунях и т.д. Мне, помещику, например, все обходится несравненно дешевле, чем крестьянам, потому что у меня все делается огульно, сообща. У меня ежедневно все 22 человека рабочих обедают за одним столом, и пищу им готовит одна хозяйка, в од-

ной печи. Весь скот стоит на одном дворе. Все сено, весь хлеб положены в одном сарае и т.д. Мои батраки, конечно, работают не так старательно, как работают крестьяне на себя, но так как они работают артелью, то во многих случаях, например при уборке сена, хлеба, молотье и т.п., делают более, чем такое же количество крестьян, работающих поодиночке на себя...»

Причина повышения производительности труда, а речь идет именно об этом, Энгельгардтом не объясняется, но в современных понятиях она заключена в разделении труда и его специализации. А разделение и специализация дают быстрый рост квалификации, в свою очередь, вызывающий рационализацию труда, и резко сокращают непроизводительную потерю времени на смену работ. Ведь почему 22 батрака Энгельгардта, даже лентясь, обмолачивают больше, чем 22 индивидуальных крестьянина в поте лица? Потому, что для молотье надо сначала принести снопы на ток, развязать их, уложить, потом взять цеп и начать собственно молотить. Закончив, собрать сначала солому, стряхнуть с нее оставшееся зерно, отнести солому к скирде, затем взять веник и отмести вымолоченное зерно и полову, пойти за новыми снопами и т.д. А у помещика самые способные к работе цепами батраки непрерывно молотят, остальные подносят, уносят, сметают, и эта специализация дает эффект повышения производительности. Ведь работа батрака — это работа повременная: батрак получал за отработанный (трудовой) день, и работа его должна быть менее эффективной, а работа крестьянина индивидуально на себя — это сдельная работа, ведь крестьянин получал стоимость всего сделанного. И именно он, сдельщик, должен быть более эффективным, но разделение труда все поменяло — при специализации даже ленивые опережают старательных.

Эффективность работы сообща, эффективность разделения и специализации труда и крестьянам были понятны, но по описанным выше свойствам своего характера добровольно объединиться в артель повременщиков они не могли. Для такого объединения им необходимо было насилие, хотя бы насилие договора помещика с батраками. Но если насилия нет, то уважающие себя крестьяне на повременную работу не пойдут, а будут искать работу сдельную даже при работе сообща в артели. Энгельгардт пишет:

«В моих письмах я уж много раз указывал на сильное развитие индивидуализма в крестьянах; на их обособленность в действиях, на неумение, нежелание, лучше сказать, соединяться в хозяйстве для общего дела. На это же указывают и другие исследователи крестьянского быта. Иные даже полагают, что делать что-нибудь сообща противно духу крестьянства. Я с этим совершенно не согласен. Все дело состоит в том, как смотреть на дело сообща. Действительно, делать что-нибудь сообща, огульно, как говорят крестьяне, делать так, что работу каждого нельзя учесть в отдельности, противно крестьянам. На такое общение в деле, по крайней мере, при настоящей степени их развития, они не пойдут, хотя случается и теперь, что при нужде, когда нельзя иначе, крестьяне и теперь работают сообща. Примером этого служат артели, нанимающиеся молотить, возить навоз, косить. Но для работ на артельном начале, подобно тому, как в граборских артелях, где работа делится и каждый получает вознаграждение за свою работу, крестьяне соединяются чрезвычайно легко и охотно. Кто из нас сумеет так хорошо соединиться, чтобы дать отпор нанимателю (если бы не артели, то разве граборы получали бы такую плату за работу: граборы-одиночки обыкновенно получают дешевле, потому что перебивают работу друг у друга), кто сумеет так хорошо соединиться, чтобы устроить общий стол, общую квартиру?»

Итак, Энгельгардт отмечает, что были формы объединения, на которые крестьяне охотно шли, и приводит в пример граборские артели. Давайте о ней.

Русская артель

Но начнем с того, что русский крестьянин в иных случаях объединится и в разбойничью шайку, и в пьяную компанию, и в этих объединениях может вести себя как угодно. Но в трудовую артель он объединялся исключительно с целью совместной работы, поэтому русские артели отличались исключительной дисциплиной: «В настоящих граборских артелях нет ни пьяниц, ни мошенников, то есть они, пожалуй, и бывают, но сдерживаются артелью, потому что еще не совсем отпетые люди. Но, разумеется, и между граборами есть вовсе отпетые пьяницы, есть и воры, которые способны воровать даже у своих братьев, граборов, есть и буяны, и мошенники, сварливые, нигде не способные ужиться люди, не артельные люди, как говорят мужики. Таких людей ни одна артель не принимает», — пишет Энгельгардт, и это понятно — работа есть работа.

О безусловной строгости жизни в артели еще более подробно пишет Мельников:

«Артелями в лесах больше работают: человек по десяти, по двенадцати и больше. На сплав рубить рядят лесников высковские промышленники, раздают им на Покров задатки, а расчет дают перед Пасхой либо по сплаве плотов. Тут не без обману бывает: во всяком деле толстосум сумеет прижать бедного мужика, но промеж себя в артели у лесников всякое дело ведется начистоту... Зато уж чужой человек к артели в лапы не попадайся: не помилует, оберет как липочку и в грех того не поставит.

...Охоч лесник и до "продажной дури" — так зовет он зелено вино, — но во время лесованья продажная дурь не дозволяется. Заведись у кого хоть косушка вина, сейчас его

артель разложит, вспорет и затем вон без расчета. Только трижды в зиму и пьют: на Николу, на рождество да на масленицу, и то по самой малости. Брагу да сусло пьют и в зимницах, но понемногу, и то на праздниках да после них...»

Вот Мельников, описывая жизнь артели в «зимнице» — землянке в лесу, в которой ночует артель, рисует возникшую ссору между двумя молодыми артельщиками:

«Закричал Захар пуще прежнего, даже с места вскочил, ругаясь и сжимая кулаки, но дядя Онуфрий одним словом уgomонил расходившихся ребят. Брань и ссоры во все лесование не дозволяются. Иной парень хоть на руготню и голова — огонь не вздует, замка не отопрет, не выругавшись, а в лесу не смеет много растабарывать, а рукам волю давать и не подумает... Велит старшой замолчать, пали сердце сколько хочешь, а вздориться не смей. После, когда из лесу уедут, так хоть ребра друг дружке переломай, но во время лесования — ни-ни. Такой обычай ведется у лесников исстари. С чего завелся такой обычай? — раз спросили у старого лесника, лет тридцать сряду ходившего лесовать хозяином. “По нашим промыслам без уйму нельзя, — отвечал он, — также вот и продажной дури в лесу держать никак невозможно, потому, не ровен час, топор из рук у нашего брата не выходит... Долго ль окаянному человека во хмелю аль в руготне под руку толконуть... Бывали дела, оттого сторожко и держимся”. Смолкли ребята, враждебно поглядывая друг на друга, но послушаться старшого и подумать не смели... Стоит ему слово сказать, артель встанет как один человек и такую вспорку задаст ослушнику, что в другой раз не захочет дурить...»

Но умение жить в коллективе, сдерживать свой характер и пороки — это не единственный критерий отбора работника артели. Возможно, вначале артели и формировались случайно, но через пару сезонов все артельщики уже видели, кто есть кто — какие у кого силы и способности.

И в дальше артели формировались уже по силам и способностям работников: таланты объединялись в одни артели, более слабые — в другие.

Глава артели (у граборов — рядчик) имеет отличия от привычных нам начальников. «Рядчик, как я уже говорил, — пишет Энгельгардт, — работает наравне с другими граборами, ест то же самое, что и другие. Рядчик есть посредник между нанимателем и артелью. Наниматель членов артели не знает, во внутренние порядки их не вмешивается, работ им не указывает, расчета прямо с ними не ведет. Наниматель знает только рядчика, который всем распоряжается, отвечает за работу, получает деньги, забирает харчи, имеет расчет с хозяином. В граборских артелях рядчик имеет совершенно другое значение, чем в плотничьих, где рядчик обыкновенно есть хозяин, берущий работу на свой страх, получающий от нее все барыши и несущий все убытки, а члены артели — простые батраки, нанятые хозяином-рядчиком за определенную плату в месяц и на его, рядчика, харчах». Заметьте это — настоящий глава русской артели должен работать лопатой и тачкой столько же, сколько и остальные члены артели, и вынуть столько же земли.

Энгельгардт продолжает: «...В этом отношении рядчик имеет только то преимущество перед другими членами артели, что сверх заработанного своими руками получает от артели так называемые лапотные деньги, то есть известный процент — 5 или 10 копеек с рубля — с общей суммы заработка. Эти деньги рядчик получает за свои хлопоты: хождение за приисканием работы — от того название лапотные деньги, — выборку харчей, расчеты с нанимателем, разговоры с ним относительно работы, причем рядчик теряет рабочее время, лишние расходы на одежду и пр. Но, главным образом, рядчик получает этот процент за то, что он

заручился работой у знакомого нанимателя. Это видно из того, что теперь, когда работ стало меньше, процент этот повысился, потому что рядчик, особенно если он заручился хорошей работой, подбирая артель, старается понажать и выговаривает в свою пользу больший процент. Впрочем, все зависит от взаимных условий: отвечает ли, например, рядчик перед артелью за неплатеж денег нанимателем, состоит ли артель из старых, опытных граборов или из начинающих и пр. Рядчик, особенно если он не исконный старый рядчик, а случайный или начинающий, не всегда есть умственный человек артели. Случается, что рядчик не силен в математических вычислениях, не может, например, быстро вычислить объем земли, вынутой из пруда сложной фигуры и т.п., в таких случаях в артели всегда найдется умственный человек, который делает подобные вычисления. Умственный человек никогда не получает особой платы от артели».

Теперь о рядовых работниках — артельщиках: «В граборских артелях все члены артели равноправны, едят сообща, и стоимость харчей падает на всю заработанную сумму, из которой затем каждый получает столько, сколько он выработал, по количеству вывезенных им кубов, вырытых сажень и пр. Работа хотя и снимается сообща, всею артелью, но производится в раздел. Когда роют канаву, то размеряют ее на участки (по 10 сажень обыкновенно) равной длины, бросают жребий, кому какой участок рыть, потому, земля не везде одинакова, и каждый, равным образом и рядчик, роет свой участок; если расчищают кусты или корчуют мелкие пни, тоже делят десятину на участки (нивки), и опять по жребию каждый получает участок. Словом, вся работа производится в раздел, — разумеется, если это возможно, — и каждый получает по количеству им выработанного.

...В весеннюю упряжку граборы работают только до 1-го июля. После Петрова дня их уже ничем не удержишь. Вычитай, что хочешь, из заработка — никто не останется — бросят все и уйдут. Рядчик разделявайся там, как знаешь. Возвратившись домой, артель производит расчет: из заработанной артелью суммы прежде всего выделяется, с общего согласия, известный процент в пользу местной церкви, на икону Казанской Божьей матери, особенно чтимой граборами, так как и весенняя, и осенняя упряжки кончаются к празднику Казанской. Затем выделяются лапотные деньги рядчику, вычитается стоимость харчей, и остальное делится между членами артели сообразно заработку каждого. Погуляв несколько дней, отпраздновав летнюю Казанскую (8 июля), граборы принимаются за покос, непомерно работают все страдное время, так что даже заметно спадают с тела, в конце августа опять идут на граборские работы, на осеннюю упряжку, и возвращаются домой к зимней Казанской (22 октября). Отпраздновав Казанскую, погуляв на свадьбах, становятся на зимние работы».

Из описания Энгельгардта следует, что артельщики граборы являются сдельщиками, а рядчик строго учитывает, сколько кубов каждый артельщик вынул. Но, судя по всему, речь идет о том, что они могут уйти из артели раньше других или прибыть позже и за счет этого сделать работы меньше, чем остальные, но в течение дня граборы выполняли один и тот же объем работ — у них не было стахановцев, не было передовиков. Выше, при описании своего наблюдения за работой граборов, Энгельгардт отмечал, что молодой грабор, не успевший закончить свой участок, спешит, но ведь остальные граборы в это время курят — ждут его и не переходят на следующий участок. И даже оставляют и ему немного времени перекурить — не хотят даже ему быть «загонщиками».

А у лесорубов, которые не имеют права уйти из леса всю зиму, была как бы повременная оплата труда, но здесь «хозяин» следил, чтобы все выполняли абсолютно один и тот же объем работ, ни на «маковую росинку» не отличающийся от работы других артельщиков:

«За неделю либо за две до лесованья артель выбирает старшего: смотреть за работой, ровнять в деле работников и заправлять немудрым хозяйством в зимнице. Старшой, иначе “хозяин”, распоряжается всеми работами, и воля его непрекословна. Он ведет счет срубленным деревьям, нате-санным брусьям, он же наблюдает, чтобы кто не отстал от других в работе, не вздумал бы жить чужим топором, тянуть даровщину...». «Хозяин» сам, разумеется, работает топором, как и все остальные, но по своей сути он является и надсмотрщиком за работой артельщиков-повременщиков, но только, как вы видели выше, он надсмотрщик с очень крутыми полномочиями, ему даже кнут не нужен, — по его команде артель изобьет любого артельщика за неподчинение «хозяину» артели.

И возникает вопрос: создавая колхозы, с оплатой колхозников за трудовой день, большевики имели необходимое количество таких надсмотрщиков? Большевиков больше заботило, чтобы марксизм процветал. Вспоминая свою жизнь, могу сказать, что русский рабочий в коллективе такой и есть, как в описании Энгельгардта и Мельникова, но вот таких «хозяев», как дядя Онуфрий, — с таким авторитетом у рабочих, — я встретил, пожалуй, только одного. Я о нем рассказывал в других работах, повторяюсь.

В начале 80-х на нашем, и так сплошь проблемном заводе возникла еще одна проблема.

В цехе № 4 на одной из двух закрытых ферросилициевых печах сложилась ситуация, просто оскорбительная для завода. Одна из печей вышла из капитального ремонта и теперь до следующего капитального ремонта должна

была работать 10 лет. После капитального ремонта печь разогревают где-то 30—40 дней, и после этого она работает на полной мощности в обычном режиме. Разогрев — операция ответственная, но разогревов завод к тому времени провел уже, надо думать, около 50-ти. Ничего нового и неожиданного в этой операции не было, но... цех не смог ее провести! Я не знал и сейчас не знаю предыстории, но думаю, что в ходе разогрева много раз ломали электроды, их обломки забили ванну печи, на них наплавились карбиды, ходы металла от тиглей под электродами до летки были перекрыты козлами. («Козел» — это обычный термин в металлургии, обозначающий что-то густое, твердое и монолитное там, где все должно быть жидким и рыхлым.) Ферросилиций получался не на подине, а где-то вверху, и стекал не к летке, а выше угольных блоков, образующих внутренние пространства печи, к кожуху печи. Печь за полгода имела несколько аварий, в ходе которых металл вытекал из стен печи в самых разных местах. Свод печи сгорел, новый не ставили, поскольку было понятно, что и он сгорит через день. Закрытая по конструкции печь работала в открытом режиме, да и «работала» — это громко сказано: электро-энергию она жрала, а металла давала очень мало.

Время шло, а ситуация на печи менялась только к худшему, в результате «умники» стали вносить предложение заново капитально отремонтировать эту печь. А это означало построить ее заново. (Для этого старую печь нужно было охладить, разрезать и снять 20-мм стальной кожух, пробурить шпury, заложить взрывчатку, взорвать ванну печи, убрать руками тысячу тонн обломков, снова смонтировать и отфутеровать печь. На все это нужно три месяца, огромные деньги и большое количество материалов, которые заказываются минимум за год. Но главное, все это было страшнейшим позором, поскольку уже лет 50 в СССР

не было ферросплавного завода, штат которого был бы не способен разогреть печь.)

Думаю, что в цехе и все четыре бригады этой печи, и ИТР, в принципе, понимали, что нужно делать, но рабочие не хотели это делать, а у ИТР не хватало духу и, главное, способов их заставить. За отказ рабочего что-то делать ИТР снимает с него премию, т.е. примерно 30% его общего заработка. Но завод не выполнял план, и премий уже несколько лет не было. Рычаг, которым начальники управляют подчиненными, был сломан, и поднять рабочих на тяжелое дело было невозможно. А дело, повторюсь, было очень тяжелым физически.

(Приношу извинения за непонятную многим терминологию, но написать просто «рабочим надо было работать так, чтобы ж... была мокрая», я посчитал недостаточным.)

Козлы, образующиеся в печи, в принципе, можно убрать и каким-либо альтернативным способом, например дать на них флюс, иногда стружку и т.д. Но это далеко не всегда помогает. Наиболее очевидный путь — расплавить их, но для этого нужно подать в козел тепло в виде образующихся в тиглях под электродами раскаленных газов. В свою очередь, для этого нужно, во-первых, пробить вручную в этих козлах отверстия, чтобы газы могли проходить через них и нагревать их, во-вторых, непрерывно следить за колошником и лопатами или скребками засыпать шихтой отверстия, через которые выходят газы в других местах колошника, — направлять эти газы на расплавление козлов. На промышленной печи мощностью 21 000 кВА такие операции, вообще-то, считаются невозможными. Ведь промышленная печь — это костер около 6 метров в диаметре, а в данном случае еще и с очагами пламени температурой свыше 2000 градусов. И вот нужно подойти к этому «костру» вплотную и орудовать прутом весом килограммов в 20, либо уголком, либо швеллером, и, помогая себе

кувалдой, пробивать отверстия в нужных местах колошника (поверхности шихты в печи). При этом на тебе начинает оплавляться каска, размягчаться и стекать на грудь пластиковый щиток, прикрывающий лицо, начинает тлеть и прогорать до дыр суконная одежда, а ты обязан долбить, долбить и долбить эти проклятые козлы. Хотя бы 4 часа в смену, а 4, уж так и быть, отлежись в питьевом блоке.

Печь каждые сутки обслуживают три бригады, четвертая — на выходном. И, естественно, у каждой бригады, принимающей печь, имелась мечта, что эту «заманчивую» работу по обработке колошника сделают остальные бригады. И все четыре бригады рабочих, обслуживающих печь, не получая достойной оплаты уже полгода, тем не менее смотрели друг на друга, ходили вокруг печи и давали «умные» советы инженерам, что бы еще такого в печь дать, чтобы ты не работал, а печь заработала. Но никто из рабочих к операциям, которые действительно могли исправить печь, не приступал.

На нашем заводе работал ветеран, пускавший первую печь завода, — Анатолий Иванович Григорьев. Металлург, прекрасно знавший все работы и все специальности в цехе: на какой бы он должности не работал, всегда был, как говорится, «в каждой бочке затычкой», т.е. всегда и везде все проверял сам, сам за всем следил, и не потому, что не доверял подчиненным, просто такой по характеру человек. Помню, рассказывал бывший начальник смены о том, как работал с Григорьевым, когда тот тоже был еще начальником смены: «Идет обходить цех перед приемкой у меня смены. Через 20 минут возвращается, и уже более грязный, чем я после 8 часов работы». Мне Григорьев всегда был симпатичен, кроме этого, своим отношением к людям и делу он напоминал мне киношного Чапаева. Так вот, Григорьев получил от рабочих кличку «Тятя».

К пенсии в 50 лет он подошел в должности начальника плавильного цеха и стал проситься на легкий труд — старшим мастером. Юмор этой просьбы, наверное, трудно понять. По моему мнению, на заводе есть две должности, тяжелейшие по сумме ответственности, — это должности директора и начальника цеха. И две собачьи должности — старшего мастера и главного инженера. Собачьи потому, что ни тот, ни другой не имеют права покинуть завод, пока там что-то не работает или плохо работает. Только главного инженера задерживают лишь крупные аварии, но на всем заводе, а у старшего мастера аварии любые, но всего на четырех печах своего блока.

Тятю не отпускали с должности начальника цеха, поскольку все плавильные цеха были в очень тяжелом состоянии, начальников, способных справиться с этой работой, было мало, найти и подготовить достойных не успевали, многие пробовали, да не все в тех условиях выдерживали эту работу. Но Тятя все же добился своего и начал работать старшим мастером, однако недолго. Спустя несколько месяцев директор, не сумев уговорить Григорьева, пошел на беспрецедентный шаг — надавил на Тятю партией. Я, сам собой, на парткоме не был, но помню репортаж с него в заводской многотиражке. Члены парткома призывали Тятю вспомнить, как во время войны коммунисты первыми поднимались в атаку и т.д. и т.п. Заканчивалась заметка примерно так: «Анатолий Иванович встал, хотел что-то сказать, а потом махнул рукой и сел». Так Тятя снова стал начальником цеха. Но между этими событиями, в период своей работы на «легком труде» старшим мастером, Анатолий Иванович совершил запомнившийся мне подвиг, хотя я лично и не был его свидетелем.

Директор упросил Тятю перейти на работу в цех № 4, стать на этой проклятой печи старшим мастером и, нако-

нец, заставить печь работать. В этом Григорьев отказать директору не мог, он взял под свое управление печь, и недели через две она уже прекрасно работала, ее укрыли сводом, и она продолжала прекрасно работать уже без Тяти. Мне, естественно, было интересно, что именно делал Григорьев, какие технологические приемы применял, и я спросил об этом у начальника цеха.

— Тятя пришел утром, заставил всех плавильщиков в бригаде этой печи взять шуровки и долбить ими колошник. Пока стоял рядом, они работали, потом куда-то отошел, они сели. Тятя возвратился, схватил лопату и с матюками начал лупить лопатой по спине одного, другого. Они тоже с матюками взяли шуровки и снова встали к печи. И так Тятка несколько суток без перерыва стоял возле печи и заставлял всех работать до упаду. И печь пошла...

Почему такие выходки прощались А.И. Григорьеву? Его боялись как человека или начальника? Ни в меньшей мере! Во-первых, на печи уже перепробовали все, что можно, и все если и не понимали, то чувствовали, что та тяжелая работа, которую заставляет делать Тятя, — это единственный оставшийся путь к исправлению работы печи, а следовательно, к более легкой работе в недалеком будущем и к существенно более высокой зарплате. То есть все понимали, что Тятя старается ради них. Во-вторых, рабочие Тятю хорошо знали, знали, что он не уйдет с печи, пока печь не заработает, что он будет сутками тут работать, будет стоять возле них и показывать, куда надо бить, сам хватать шуровку и показывать, как именно надо пробивать, разве что прикорнет часок где-нибудь тут же, у печи. А значит, он вот так — если нужно, то и лопатой по спине, — заставит работать все четыре печные бригады, а это для русского человека самое главное — все будут делать одинаковую работу! Теперь уже не обидно, теперь уже никакая работа

не страшна. Ну а то, что она очень тяжелая, то для русского работника не имеет особого значения, — лишь бы она была для всех одинакова.

Коллективизация и кулаки

Теперь следует сказать пару слов о кулаках и о том, почему большевики объявили кулакам войну. Ведь по марксовым догмам все крестьяне — это мелкобуржуазный класс: и бедняки, и кулаки. Большевикам в то время нужно было по 2 центнера зерна с гектара обрабатываемых земель, какая им разница, от кого их получить — от бедняков или кулаков? Ведь это еще вопрос, сумеет ли бедняк обработать землю, а с кулака эти 2 центнера получались с гарантией. Так что большевиков не устраивало? Ну, были бы колхозы, и рядом с ними кулацкие хозяйства — чем это большевиков не устраивало, если кулаки были теми, о ком сегодня слагаются легенды, — «исправными хозяевами»?

Но вы видели в описании Энгельгардта, что уже при самом своем зарождении кулачество не было никакими трудолюбивыми сельскими хозяевами, и, кстати, Россия так и не увидела от кулаков ни новых пород скота, ни новых сортов растений, ни новых орудий труда, ни новых сельскохозяйственных технологий. Это были сельские ростовщики, обдиравшие крестьян самым гнусным и изощренным способом — заставляя их работать на отработку долга в то время, когда для крестьянина было жизненно важным работать на себя. И получали кулаки немыслимый и для ростовщика процент.

Большевики часто сами крайне примитивно классифицировали кулака — тот, кто имеет батраков. Но батраки были не выгодны даже помещикам. Крестьян выгодно было обдирать именно так — заставляя работать на себя как бы свободных крестьян. При этом кулаку не надо было иметь ни рабочего скота, ни инвентаря — все это обязан

был иметь и содержать должник, а дополнительную землю можно было арендовать у своих должников или у того, кто ее не в силах полностью обработать, скажем, у безлошадных крестьян. Более того, начинающий кулак мог даже сам выполнить легкие и не требующие спешки операции — мог сам вспахать и засеять. А начинал он пить кровь в самых тяжелых работах, в самое спешное время — в страду.

Я к тому акцентирую внимание на этих аспектах деятельности и внешнего вида кулака, что существует достаточно много всякого рода воспоминаний типа «а вот моя бабушка говорила, что их раскулачили ни за что, просто из зависти». За что раскулачили бабушку, нужно не у бабушки узнавать, а у тех ее односельчан, кто признал дедушку кулаком. Они объяснят, за какую «зависть» они его ненавидели.

Повторю, в принципе, большевикам кулаки были безразличны, у большевиков, как у государственных деятелей и марксистов, не было необходимости конфликтовать с кулаками. Но большевики были народной властью, а СССР был во враждебном к их власти капиталистическом окружении, и большевикам нужна была безусловная поддержка своего собственного народа, посему большевики не могли равнодушно относиться к тем, кого ненавидело большинство народа.

Второе, что следует иметь в виду, — это естественная гибель кулачества при коллективизации. Ведь основой деятельности кулака являлись дача денег (хлеба) в долг и требование возврата долга в виде отработки на кулака. Но объединенные в артель крестьяне, если им и потребуется кредит, будут брать его в банке, а банк требует возврата долга и процентов в виде денег, а не в виде отработки. Кулак превращался в простого крестьянина, его капиталы оставались без применения, он сам из элиты общества опус-

кался в его середину, что, очень возможно, и было самой большой обидой, наносимой кулакам советской властью. Что-что, а то, что коллективизация является их смертным врагом, кулаки не могли не понимать.

История не имеет сослагательного наклонения, тем не менее интересно рассмотреть вопрос удушения кулака его же методом, вернее, конкуренцией с ним. Если вы поняли, о чем написано выше в цитатах Энгельгардта, то для крестьянина проблемой было то, что ему осенью не хватало денег заплатить налоги, и он вынужден был за бесценок продавать хлеб, а потом занимать хлеб у помещика или кулака и за него отрабатывать. Если бы царь или переместил время уплаты налогов на начало года, или создал в селах кредитные учреждения, которые бы под 6% годовых давали крестьянам осенью кредит, крестьяне перестали бы владеть полуголодное состояние, и сельское хозяйство России рвануло бы вперед. Понятно, что для царя это было невозможно — это разоряло дворян-землевладельцев, а цари по дурости полагали, что эти паразиты-дворяне являются опорой трона.

Но вот почему большевики на это не пошли? Введи они в каждом селе ссудную кассу, а по сути, обучи вести бухгалтерскую книгу кого-то из хозяйственных крестьян, дай ему небольшой капитал, и он от имени государственного банка выдавал бы кредит своим односельчанам. А поскольку этот банкир в своем селе всех знал — кто труженик, кто пьяница, — то выдавал бы кредиты без ошибок и залогов. Такой бы мерой большевики удавили бы кулака конкуренцией задолго до коллективизации. Но большевики на это не пошли.

А ведь это еще раз косвенно подтверждает, что кулаки были болью не большевиков, и большевики о борьбе с кулаками серьезно не думали, в каком-то смысле бездумными исполнителями крестьянской воли.

Но, разумеется, кулаки, уже несколько поколений владевшие деревней, сдаваться не собирались. Менее всего, думаю, кулаки наносили вреда своим террором. Это была не та власть, которую террором можно было напугать, поскольку, что в этом случае надо делать, власть знала. Второй вид вреда — это когда кулаки вступали в колхоз и начинали разваливать его изнутри путем диверсии и саботажа. Пример — Яков Лукич Островнов из «Поднятой целины» Шолохова. Но от диверсий и саботажа остаются крупные следы, по которым враг тоже быстро вычисляется и уничтожается.

И думаю, что хуже всего для власти было действие кулака мало замечаемым оружием — пропагандой.

Кулаки ведь были самыми авторитетными людьми на селе, их слово много значило, особенно для баб, легко поддающихся панике и внушению, стремящихся как можно быстрее осуществить сиюминутное желание и не задумывающихся о последствиях. И будучи русскими, кулаки прекрасно понимали русского человека и могли легко играть на алчности, на желании халявы, на страхе остаться в дураках. Что-нибудь, сказанное ими вскользь, типа: «Умные люди уже волов порезали да мясо продали, а дураки их в колхоз погонят», или: «Хлеб на базаре уже 10 рублей пуд, а государству продавай по рублю — это же грабеж! Даже при царе продавали, как базар скажет. Власть большевистская, вот пусть большевики своей власти по рублю и продают, а мы люди простые — мы горбом заработанное даром отдавать не собираемся», или: «Не дадим хлеба — город сдохнет! Год не отеемся, и сдадутся большевички!», или: «Косой машешь, горбатишься — и один трудовдень! А Иванова сучка в конторе сидит, и тоже один трудовдень!» — распространяясь по селам, давало мгновенные разрушительные эффекты безо всяких поджогов и пожаров.

А большевики, создавая колхозы, делали все, чтобы пропаганда кулаков стала как можно более эффективной.

Племенные особенности

Еще один момент. Голод начала 30-х был не всесоюзным, он охватил только Украину и области, в которых было высоким влияние украинского (малороссийского) мировоззрения — области донских и кубанских казаков. Великороссы и белорусы проводили коллективизацию не без кулаческого сопротивления, но все же и без маразма голода. Один из комментаторов вспоминал: «Моя бабушка, ныне покойная, проживала до войны в Угличском районе Ярославской области. Это нечерноземье. Так вот, по ее словам, до войны их семья получала в колхозе на трудодни 300 пудов хлеба, кроме всего прочего. К тому же имелась своя скотина, огороды. Колхозники покупали мебель-буфеты, костюмы-тройки и прочие не слишком нужные крестьянину вещи. Поэтому ни о каких народных страданиях из-за кровавых большевиков речи не было. Более того, на Сталина молились, за худое про него реально могли забить. Без всякого НКВД, о котором в деревнях только слышали, но реально практически не сталкивались».

Я объяснял эту разницу протекания коллективизации тем, что крестьяне черноземных областей (украинских и казачьих) пахали землю волами, а нечерноземных (великорусских и белорусских) свои супеси пахали лошадьми. Поэтому производительные силы собственно России не пострадали от уничтожения волов, поскольку там их и не было.

Но это не вся причина, поскольку и по своему мировоззрению малороссы достаточно сильно отличаются от остальных русских племен. Великороссы из разных областей России тоже отличаются друг от друга своим видени-

ем мира, но у них было общее — невозможность выжить сельским хозяйством в случае неурожайного года, а в некоторых перенаселенных областях нечерноземной России — и в случае урожая. Посему эти области веками давали России рабочих самых разных специальностей — все города России были построены руками крестьян, практически все великорусские крестьяне имели рабочие специальности для работы в свободное от сельхозработ время. Причем крестьяне имели не только привычные нам рабочие профессии. Энгельгардт, к примеру, описал не только деревни, специализирующиеся, скажем, на земляных работах, он приводит в пример и деревню, крестьяне которой веками специализировались на ветеринарии. В свободное от сельхозработ время — весной и осенью — крестьяне этой деревни уходили по данным им деревенской сходкой маршрутам по округе и холостили скот, при необходимости и лечили его, тогда эта профессия называлась «коновал».

Мой прапрадед Архип, великорусский крестьянин, пришел на Украину в Новомосковский уезд Екатеринославской губернии из Курской губернии на те же сезонные заработки, и тут его моя прапрабабка и окрутила.

Поэтому стремление великороссов жить большой семьей и не разделяться объясняется не только желанием сократить расходы, но и, главное, желанием иметь возможность отпустить мужчин семьи на отхожие промыслы. Энгельгардт рассказывает:

«Я знал очень зажиточное граборское семейство, состоящее из трех женатых братьев, следовательно, 6 работников. Из такого семейства, весной и осенью, два брата уходят на граборский заработок в артелях, а один брат с тремя женками остается дома и успевает, исполняя в то же время должность сельского старосты, выполнить все по-

левые и домашние хозяйственные работы: у нас женщины пашут, молотят и в некоторых деревнях даже косят.

Следовательно, семейство из трех пар, без ущерба для своего хозяйства, может отпускать весной и осенью на сторонний заработок двух человек, или $1/3$.

К 1-му июля два брата, находившиеся на граборской работе, возвращаются домой, где остаются до 1-го сентября. В это время все шестеро самым усиленным образом работают в своем хозяйстве, в особенности на покосе, для чего и прибегают себя на работе в весеннюю упряжку.

Проработав страдное время дома, наготовив сена, убрав хлеб и посеяв озимь, два брата опять идут на граборский заработок, а один брат с тремя бабами остается дома и успевает убрать яровое и огородное, обмолотить хлеб, обработать лен и пр. Следовательно, осенью опять $1/3$ людей из двора уходит на сторонний заработок.

Зимой граборских заработков нет, и потому граборы занимаются другими работами: обжиганием и развозкой извести и плиты, резкой и возкой дров, молотьбой хлеба по господским домам, бабы же прядут и ткут полотна. Зимой двор мог бы отпускать на сторонние заработки или заниматься дома сторонними, нехозяйственными работами, $2/3$ или, самое малое, $1/2$ людей.

Кто ясно сознает суть нашего хозяйства, тот поймет, как важно соединение земледельцев для хозяйствования сообща и какие громадные богатства получались бы тогда».

Но что тут следует подчеркнуть — в таком неразделенном хозяйстве хозяином будет кто-то один из братьев-граборов, а остальные будут как бы батраки в этом хозяйстве. Работая на известковых карьерах или обмолачивая помещику хлеб, все братья — опять батраки.

То есть хотя работа батраком и великороссам очень не нравилась, но некуда было деваться — земля не кормила.

Отсюда все несуразности организации большевиками колхозов по принципам некоего предприятия с начальниками и работниками великороссами воспринимались менее болезненно — великороссы к статусу наемного работника были более привычны.

А малороссы, наоборот, непривычны! Чернозем мог кормить весь год, посему в отхожие промыслы малороссы не ходили, зимой занимались ремеслом на дому, в батраки нанимались редко. Мой дед, к примеру, был стельмахом, он и при царе, и в колхозе зимой строил телеги, я еще их застал у него во дворе, хотя дед уже давно был на пенсии.

Особенности мировоззрения малороссов тех времен возьмем из этнографического очерка описания России под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского. Этот труд сообщает:

«Вообще малорус нелегко расстается со своими обычаями или заимствует чужое. “Лучше свое латане, ніж чуже хапане” (“Лучше свое заштопанное, чем чужое краденное”), говорит он, и даже в настоящее время (начало XX века), когда обособление теряет всякое историческое оправдание, в его быте можно видеть много резко отличающего его от соседних племен.

Высокое развитие личности, возвысившейся во времена казачьей вольной жизни, и которую не успело стереть крепостное право, делает малоруса весьма самостоятельным, врагом слепых авторитетов. Отсюда понятна его любовь к самостоятельному хозяйству. “Добра спилка — чоловік та жінка” (“Хороший союз — муж и жена”), говорит он и спешит отделиться, как только женится и заводит свое хозяйство.

...Не признавая ничего стихийного, давящего личность, будь то основанная на старшинстве власть большака в большой семье, или большинство голосов в общине,

малорус в то же время склонен к общественным организациям, основанным на взаимном соглашении и годности со-членов.

Доказательством этому может служить живучесть всевозможных товариществ, братств, артелей и других ассоциаций. В настоящее время эти организации представляют часто уже форму, лишенную содержания, как остатки учреждений подобного рода, густою сетью покрывавших Малороссию в период ее самостоятельной жизни. Так, от некогда процветавших здесь цехов и промышленных товариществ остались встречающаяся и ныне артели рыболовов, жнецов, чумаков, гончаров (в с. Хомутце Миргородского у.). Но, кроме того, сохранилось братское единение и не на почве труда, а благотворительного характера или еще чаще имеющее целью поддержку и украшение церкви. Эти же задачи — поддержка и украшение церкви и благотворительности — сохранились главным образом и в остатках других организаций с исчезновением тех специальных целей, с которыми они были основаны». (Заметьте, и граборы первым делом делали отчисления на церковь.)

...К распространенным формам общественных союзов следует отнести еще обычай толоки — «помогати хлеба святого збирати» («помочь хлеб святой убрать») за одно угощение. Наконец, сюда же относятся общественные обе-ды в храмовые праздники, устраиваемые местами на общий счет, причем для заведывания ими избираются особы «братчики».

То есть мы видим исключительное стремление украинца быть самостоятельным хозяином, при том что и на Украине земля была в общинном владении. Но и это не все, но предварить дальнейшее хочу собственными воспоминаниями.

Мне было лет 12—13, дедушка Федор, будучи по делам в городе, зашел нас проведать, но появился он часа в 2, ко-

гда до прихода родителей с работы оставалось еще часа 4. Но я уже понимал, что дедушку нужно покормить. Я слетал в подвал, набрал картошки, соленых огурцов и помидоров, бодро почистил картошку, порезал, разжег керогаз, поставил на него сковородку, но сам я картошку раньше не жарил, поэтому вознамерился высыпать ее сразу на сковороду. Наблюдавший за мною дед остановил меня: «Ты что — собрался картошку на воде жарить?» (из-за этого «жарить на воде» я этот случай и запомнил). Я пошел в кладовую, нашел там то ли сало, то ли масло и под руководством деда пожарил не только картошку, но и вбил в нее яйца. Подал это на стол, и мы с дедом поели, по крайней мере до того момента, когда пришедшая с работы мама не приготовила обед, дед с голоду не помер.

Несколько лет спустя, возможно, я был уже студентом, я поехал к дедушке и бабушке в село на поезде. Сойти нужно было на полустанке, назывался он Тюрюк — по имени смотрителя этого полустанка, расстрелянного немцами за то, что был партизаном. Мимо его могилы и шла дорога на село, но до него было «три километра с гаком (с крюком)», то есть, может, и все 5. И идти надо было по жаркой летней степи, мимо полей, да еще и с грузом, то есть для горожанина, не ходящего пешком на такие расстояния, это было не в радость. Зашел во двор, сразу вытащил из колодца ведро холодной воды и припал к ней. А дома был только дедушка, бабушка, как выяснилось, была на «помочах» — помогала кому-то «мазать» (штукатурить) вновь построенную хату. Дед тут же послал за нею какого-то подвернувшегося малолетнего родственника, но бабушка, видимо, все же решила закончить свой участок работ и не поспешила, поэтому дедушка оказался в моем положении — ему надо было меня накормить. На столе в летней кухне стояла хлебница с остатками хлеба от завтрака (хлеб бабушка пекла раз

в неделю, поэтому он был соответствующий), дед пошел в огород и долго выбирал там арбуз, сезон которым еще не наступил. Наконец, сорвал, разрезал, арбуз был едва розовый, но он мне его предложил вместе с хлебом. Наконец, пришла бабушка, развязала фартук, сняла с его тесемки ключ, открыла кладовую и начала доставать оттуда все, необходимое для еды. Тут я понял, что дедушка не имеет никакого доступа к еде в доме, но мне казалось, что это такой порядок только в семье моего деда. Оказалось, что нет, оказалось, что это так и положено.

У Энгельгардта мы читали, что даже у смоленских крестьян то, что жена в свою пользу откармливает хряка или засекает нивку, вызывало возмущение. А вот этнографический очерк Семенова об обычаях малороссов сообщает:

«В малорусской семье женщина занимает весьма высокое положение. Все домашнее хозяйство вверяется в ее распоряжение, так как “без хозяина двор, без хозяйки хата плачет”. “Жиноцьке” хозяйство, в которое хозяин не вмешивается, составляют: “дробина” (мелкая птица), продукты огорода, конопля и лен, мука, крупа для харчей, молоко, сало. Превосходя энергией и практичностью своего мужа, нередко склонного к тому же к чарке, малороссиянка фактически является обыкновенно главой семьи. В случае семейных несогласий, в которых она очень редко представляет собой страдающее лицо, практикуется расходка, формальный же развод — явление, незнакомое малороссийской жизни.

Не менее интересен встречающийся местами обычай “понедилькования”, празднования понедельника, указывающий на остатки весьма правильной организации замужних женщин. В местностях, где этот обычай распространен (напр., в м. Борисполе Переяславск. у., где прежде было женское братство и союз мирноносца), родители

невесты на сговоре выговаривают ей право пользоваться свободой в понедельник. В большинстве случаев в этот день женщины работают для себя или шьют приданое дочерям; в некоторых же селениях компания замужних женщин проводит понедельник в корчме, пропивая имущество, принадлежащее лично им».

То есть влияние баб на коллективизацию на Украине было огромным, поскольку главой дома мужики очень часто были только номинально, а на самом деле «малороссиянка фактически является обыкновенно главой семьи».

Правда, отвлекусь, такой половой распущенности, которую описал Энгельгардт, на Украине не было, опять-таки, по причине добровольного объединения мужчин, вернее, будущих мужчин.

«Остатки прежних “молодых братств” — неженатой молодежи, корни которых, как мы видели, заходят еще в отдаленную первобытную эпоху, представляет собою “парубоцтво”, — сообщают Очерки. — В эту организацию может вступать всякий хлопец, с согласия родителей, по достижении 16—17 лет, если только его старший брат не состоит в парубках. Обряд принятия в парубки, сопровождаемый непременно магарычем, называется “коронуваньем”. Все члены братства считаются равными, “товарищами”, во время же общественных работ они выбирают себе атамана. ...Общественное положение парубка очень высоко. Он может на сходе заступать своего отца, а также, в случае провинности, его не отдают на поруки отцу, но судит сельский сход. Парубкам, наконец, принадлежит исключительное право посещать “музыки”, “улицы” и “вечерницы”, играть роль бояр на свадьбах. Любопытно также, что парубоцтво является хранителем девичьей чести, строго карающим провинившихся».

Таким образом, если еще и учесть, что малороссы по своему характеру являются чрезвычайно упорными (уп-

рямыми?), то ожидать успехов коллективизации без понимания особенностей русского народа заведомо не приходилось.

Подытожим осмысление

Русский человек высоко ценит общество, в котором живет или трудится, высоко ценит потому, что это общество веками давало ему защиту для жизни в очень суровых условиях жизни в России.

Из-за этого ему очень важно, как он выглядит в этом обществе — не на последних ли ролях? И если он не способен или по моральным причинам не будет стремиться выдвинуться на первые роли, то для него жизненно важным для жизни в обществе является равенство.

Русский человек внутренне готов ради общества на любую тяжелую работу, однако:

- он охотно схитрит и постарается эту работу полностью или частично переложить на других, поскольку это приподнимает его в собственных глазах;

- по тем же соображениям ему ценно нечто бесплатное от общества;

- он знает, что все такие умные, как он, посему строго следит, чтобы никто не пользовался никакими преимуществами, недоступными ему, и подобные преимущества других воспринимает как личную обиду;

- индивидуальные трудовые преимущества других людей (таланты или просто большую силу), недоступные ему, русский человек считает несущественными и не видит в них основания для материальных, а часто и моральных преимуществ таких людей в обществе.

К этому следует добавить разные способности людей даже при одинаковом трудолюбии — не все имеют таланты заниматься тем делом, которым они занимаются.

В результате если русский человек имеет талант заниматься своим делом, то он предпочтет индивидуальную деятельность — предпочтет быть полным и единоличным хозяином своего дела.

Если у него нет талантов, то он предпочтет стать батраком (бюрократам в научных категориях).

Однако все свойства русского человека останутся при нем в любом коллективе — и в обществе единоличных хозяев, и в обществе батраков. И в обществе, созданном русскими людьми на добровольных началах и по их правилам, и в обществе, в котором не они устанавливают правил.

Нет ни времени, ни желания перебирать все народы мира, чтобы установить, насколько оригинальными являются эти свойства русских людей, но у русских людей эти свойства имеются или имелись до самого недавнего времени, когда Россия была еще русским государством, а не ограбляемой колонией с идеологией чужого народа.

Теперь вернемся к 20—30-м годам прошлого века — ко времени создания большевиками из русских людей трудовых коллективов для работы в сельском хозяйстве.

Мне неизвестно, сколько большевики мучились, создавая устав колхозов, но по чисто западному пути создания акционерных обществ с паем, зависимым от вносимого вклада, они не пошли. Паем стало трудовое участие в годовом круге крестьянских работ — в принципе, это по-русски, однако этим паем стал не результат работы человека, а время его работы на этот результат — трудовень. Это было грубым надругательством над мировоззрением русского человека, вне зависимости от того, хозяин он по своим личным качествам или батрак. Русские никогда не создавали артелей на таком принципе, для них подобная форма артели является работой на какого-то барина, не имеющей никакого отношения к их добровольному объединению.

И ситуация была тупиковая — большевики не могли ничего придумать, а крестьяне не могли им помочь советом, ведь если бы русские крестьяне знали, как организовать сельскохозяйственную артель, они бы организовали колхозы еще при крепостном праве.

Начнем с того, что крестьянская община всегда очень тщательно делила землю сначала по сортам, а уж потом по количеству работников, в результате в некоторых деревнях исчислялось до 30 сортов земли в зависимости от ее плодородия и удобства обработки. И у каждого крестьянина были полоски всех видов земель — было абсолютное равенство землепользования. Некоторые деревни не делили землю так, чтобы каждому досталось земли абсолютно всех сортов, а тщательно высчитывали, сколько прибыли может принести тот или иной участок общинной земли. И общинную землю делили на участки только по количеству крестьян, но каждый участок имел площадь в зависимости от его прибыльности — высокоприбыльные земли были меньшей площади, а низкоприбыльные — большей. И когда при разделе земли бросали жребий, кому какой участок должен достаться, то на жребий могла выпасть и плохая земля, но ее было много, и в сумме она давала такую же прибыль, как и участки хорошей земли. Обид не было. А в колхозе абсолютно вся земля обрабатывается одним клином, и даже если все колхозники до одного пашут землю, то и в этом случае затраты труда на разных участках общего колхозного поля не равны, то есть трудодень не равен трудодню.

Мало этого, при одинаковом виде работ теоретически еще можно было бы их уравнивать — крестьяне имели опыт того, как это делается. Но ведь коллективизация предусматривала специализацию — в этом ее огромный и главный хозяйственный смысл! Однако специализация — это разные виды работ. Разные! То есть русский человек про-

сто не способен был сравнить эти работы даже в их тяжелой части и, следовательно, не мог их уравнивать. Пахота не равна косьбе, и не просто не равна по затратам физической и умственной энергии, а просто это разные работы. Работа сеятеля не равна работе скотника, а последняя не равна работе доярки — это просто разные работы. И все эти работы не равны работе бухгалтера или секретарши председателя, как бы добросовестно те ни относились к своим обязанностям.

А всем один и тот же трудовень?

Причем это ведь были односельчане, знающие друг друга как облупленных. Они знали, и кто ленив, и кто туповат, знали, кто и как может работать. И им была ненавистна сама мысль, что на их труде эти ленивые и тупые будут паразитировать и смеяться над тружениками — «дураков работа любит!». В общем, подобная «артель» — это настолько не по-русски, что вся эта затея с коллективизацией должна был бы сдохнуть, не начавшись, если бы...

Если бы большевики уже не имели на селе огромные массы своих сторонников — людей, понимавших, что это их власть, и эта власть хочет светлого будущего для них. Тех крестьян, кто 10 лет спустя отстоял свою власть в тяжелой войне с Европой. А в ходе коллективизации эти люди отстояли технический прогресс на селе, хотя им тоже был ненавистен порядок оценки труда, им тоже, причем добровольно, пришлось наступить на свои взгляды на абсолютное равенство. Остальные крестьяне, обыватели, которых не волновала власть, особенно обыватели на Украине и в областях казачьих войск, наступили на свои взгляды от бессилия: идти на поводу у кулаков, сопротивляться власти и затягивать голод они уже просто не могли — понимали, что «против мира не попрешь».

Что, собственно, создали большевики под вывеской сельскохозяйственных артелей? По своей организации это

были слепки с организации промышленных предприятий, но только с весьма слабой трудовой дисциплиной и своеобразным способом оплаты труда (который, кстати, со временем все больше и больше приближался к оплате труда в промышленности). Да, колхозы обеспечили мощный, невиданный ранее в России прогресс сельского хозяйства, обеспечили его продовольственную независимость и недостижимый сегодня уровень потребления высококачественных продуктов питания в СССР. Но колхозы не были идеалом — не были тем, что можно было бы создать, если бы действовать с учетом русского мировоззрения.

Русский путь — это одновременно и путь делократизации управления чем угодно, в том числе и сельскохозяйственной артели, но если этого понятия и сегодня не знают, то в те годы оно просто не было и известно. А делократизация (не во всем, конечно) максимально соответствует тем представлениям о коллективном труде, имевшимся, да и сегодня еще имеющимся, у русского человека.

Если упростить делократический принцип организации русской сельскохозяйственной артели, то работу каждого работника нужно было оценивать не по трудодням, а по полной стоимости результатов его работы. А с этой стоимости вычитать стоимость работы тех работников, кто участвовал в получении этих результатов. По сути, сделать каждого работника, согласного на это, единоличным хозяином в своем деле.

Повторю, на самом деле людей, способных быть хозяином, очень мало, вот им следовало стать артельщиками подразделений колхоза, а к ним записались бы те, кто желал быть в артели данного «хозяина» или «рядчика». При этом артели, разумеется, были бы специализированы — артели полеводов, конюхов, скотников, доярок, свиноводов и т.д. Формально это соответствовало бы делению колхоза на бригады. Но отличие было бы в том, что члены бри-

гад получали «трудодни», а артель как бы продавала свою продукцию колхозу и получала всю стоимость этой продукции, как и получает ее хозяин. И второе отличие — это исключительная добровольность: ты записываешься к тому рядчику, который тебе по нраву, если ты по нраву ему. Тебе никто не по нраву и ты никому не по нраву? Вот тебе твой участок земли — и обрабатывай его сам, как хочешь.

Одновременно каждая артель полной стоимостью (в рублях) расплачивалась бы с другими артелями колхоза за использованные их результаты работы. Скажем, полеводы платили бы конюхам за каждый конедень использования лошадей, появляющимся МТС — за каждый вспаханный или убранный гектар, скотникам — за тонну вывезенного на удобрение навоза, колхозу — за взятые со складов семена. В конечном итоге результат чистой прибыли каждой артели был бы в рублях, а не в трудоднях. (Как эти рубли разделят между собой члены артели — их проблемы, было бы что делить.) И вот на эти рубли распределялась бы продукция колхоза между колхозниками или, по их желанию, колхоз бы ее продавал, а артелям выдавал деньги. Колхоз был бы объединением специализированных артелей.

Председателя колхозники либо выбирали бы, либо назначали, оговаривая ему либо твердую зарплату, либо долю в доходе. Захочет председатель иметь заместителей, агронома, инженера, бухгалтера, секретаршу — нет проблем! Хоть любовницу пусть заводит, но только за деньги своей зарплаты.

Еще подчеркну разницу на гипотетическом примере. Вот колхоз из тех, которые были в СССР. В нем две бригады полеводов. В первой труженики и бригадир — это настоящий хозяин — понимает дело, сумел выдержать все сроки работ и проследить, чтобы они были выполнены очень

тщательно. Вторая бригада — раздолбаи, но тоже выполнила все работы, хотя и кое-как. То есть по трудодням обе бригады равны. Но первая бригада получила 3000 центнеров зерновых, а вторая — 2000. Но поскольку, повторю, по трудодням они равны, то и получают в итоге обе бригады поровну, и вторая бригада будет тыкать в первую пальцем — «дураков работа любит». А вот колхоз, созданный с учетом русского мировоззрения. С учетом того, что первая и вторая артели заплатили одну и ту же сумму за работу сторонним артелям, то первая артель получит вдвое или втрое больше второй. Вот теперь и болтай про то, что дураков работа любит.

Да, и в данном случае будет зависть неспособных к талантливым. Но будет и разница. Да, отдельных стахановцев можно затюкать, но попробуй затюкай коллектив! Это же война с заведомой победой тружеников, поскольку за них будут все, кто от их трудов стал богаче, — от председателя до милиционера. И будете вы, бездельники, выступившие против стахановцев, поднимать целину в отдаленных районах СССР.

Можно ли было в те годы именно так организовать колхозы, сняв с проблемы коллективизации трудности преодоления русского мировоззрения и резко увеличив эффективность колхозов? Можно, поскольку это оказалось возможным даже позже. Когда я пишу о примерах делократизации управления, то привожу в пример самое успешное сельскохозяйственное предприятие даже в сегодняшней России — колхоз «Казьминский» в Ставропольском крае, в две тысячи крестьянских дворов, председатель которого, Герой Социалистического Труда Александр Алексеевич Шумский реорганизовал свой колхоз именно так, как колхозы и следовало организовывать во времена коллективизации.

К примеру, у полеводов (трактористов) «Казьминского» не было никаких норм, которые определяли бы трудодни, и вся полученная ими на полях колхоза продукция продавалась, подчеркну, продавалась правлению колхоза или тому подразделению колхоза, которому она нужна. То есть крестьянин был хозяином, поскольку именно хозяин получает весь доход от реализации своей продукции, но этот крестьянин одновременно был и членом колхоза, членом артели. И одно другому не мешало!

И колхоз Шумского не единственный. В Дагестане, в селе Шукты председателем Магометом Чартаевым колхоз начал реорганизовываться еще в 1974 году. Незадолго до смерти Чартаева в 2001 году журналист сообщал:

«Вкратце схему работы в Шукты можно описать так. Есть правление Союза собственников-совладельцев, которое проводит заключение договоров на реализацию продукции, работ, услуг. Весь объем этих договоров распределяется между исполнителями исключительно на добровольной основе, причем они сами оценивают свои возможности, а не обосновывают мнение начальства. В Союзе собственников-совладельцев нет никаких нормативов заработной платы, норм выработки, расхода материалов и тому подобных бюрократических цифирей. Каждый работник находится на хозрасчете, то есть все необходимое для процесса производства закупает или у поставщиков, или у отдела снабжения и продает результаты своего труда либо далее по цепочке, либо правлению Союза. Оно, в свою очередь, реализует продукцию за деньги, причем вся выручка передается непосредственно производителям».

И здесь, заметьте, не председатель, не хозяин получает выручку, а непосредственно работники, причем она движется навстречу технологическому потоку («продает результаты своего труда... далее по цепочке»). Когда я разра-

батывал свою теорию управления людьми, то о Чартаеве ничего не знал, хотя он начал заниматься тем, что я назвал делократизацией, лет за 10 до того, как я об этом задумался. То есть для экономики эти методы настолько естественны, что для их внедрения не нужны ни команды сверху, ни даже теория.

Разумеется, что в Шукты начальство зарплату себе не назначало и не определяло. Все три начальника (Магомет Чартаев, председатель сельсовета и главбух) в сумме получали 2,5% от прибыли каждого работника. Это большие деньги, но они большие потому, что большие деньги зарабатывает каждый работник, а начальство уж старается, чтобы зарабатывал... В результате как пишет журналист: «И в этом плане жизнь в Шукты по сравнению с соседними селениями отличается столь сильно, что начинаешь понимать, что пешком до Луны добраться можно. Сейчас в селе развернуто большое строительство. Если бы не Кириенко со своим дефолтом, то оно было бы завершено уже в этом году. Однако, несмотря на многочисленные и объективные трудности, в изобилии поставляемые нашей властью за наши же деньги, произошедшие перемены не могут не вызвать восхищения. Достаточно сказать, что жизненный стандарт по-шуктински — это добротнейший трехэтажный дом на семью, со всеми удобствами, разумеется. Одновременно с завершением строительства нового села планируется создать местный (!) банк с генеральной валютной лицензией. Не знаю, будут ли там устанавливать систему быстрых расчетов SWIFT, но если установят, то честно скажу — меня это не удивит. А про такие мелочи культурной жизни, как спортзал, футбольное поле и прочее, говорить нечего — они там уже есть давно».

Я побывал во многих странах, и почти во всех климат для сельского хозяйства лучше, чем в Дагестане, но

поверьте, там (скажем, в ФРГ) крестьяне трехэтажных домов, да еще таких дорогих (с такой толщиной стен и с таким обогревом, как у нас), не строят. И хотя шуктинцы называют свое предприятие «союзом», но это колхоз, поскольку «имущественную долю каждого колхозника определили на основании расчета его трудодней, отнесенных к имуществу колхоза, накопленному со дня его основания в 1936 году».

Точно так же, как и в Шукты, оплачивались и управленцы «Казьминского» — зарплата всех начальников, включая самого А. Шумского, исчислялась от чистой прибыли механизатора. В артели грабаров, описанной Энгельгардтом, рядчику делались отчисления от дохода, поскольку его работа и его заслуга — найти для артели работу с большим доходом, а у перечисленных выше начальников колхозов Шумского и Чартаева заслуга больше — она в том, что их работники получают большую прибыль. Вот от прибыли и делались отчисления или расчеты.

Артели Шумского и Чартаева не развалились даже после перестройки, считались лучшими хозяйствами России. И это в условиях, когда российский режим уничтожал сельское хозяйство страны! А как бы такие колхозы развивались в условиях, когда большевики всемерно развивали сельское хозяйство!

Что мы, русские, должны сказать своим начальникам?

Итак, мы, русские, как работники — далеко не роботы, запрограммировать нас нельзя, хотя подвигнуть нас на эффективную работу не очень сложно. Нужно просто понимать нас и не игнорировать те наши особенности, которые на подсознательном уровне могут сидеть в нас до сих пор. А именно мы слишком ценим свое общество, чтобы игнорировать свой статус в нем. Поэтому дайте возможность быть хозяином в своем деле тем, кто хозяином быть хо-

чет, а тем, кто не хочет, создайте условия, равные со всеми. Если мы увидим, что нашему обществу это нужно, если будем уверены, что так, как мы, работают все, а уклоняющиеся от наших тягот наказываются, к примеру расстреливаются перед строем, то мы горы свернем.

Но если вы смотрите на нас как на роботов, если вы игнорируете нас как носителей нашего мировоззрения, то можете наткнуться на большие проблемы, и голод времен коллективизации является частичным подтверждением этого факта.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ХОЗЯИН РОССИИ

СТАЛИН КАК ХОЗЯЙСТВЕННИК

Кто эти люди?

В связи с блокадой и целенаправленным снижением цен на энергоносители Russia попадает в ситуацию России 20-х годов прошлого века, когда Сталину пришлось восстанавливать разрушенное народное хозяйство СССР и рывком бросать экономику Союза вперед в преддверии новой мировой войны.

Но сегодня обсуждать какие-то конкретные приемы восстановления народного хозяйства не то чтобы особенно глупо, а просто бессмысленно, поскольку обстоятельства меняются непрерывно, а хозяйству потребуются конкретные меры применительно к тем обстоятельствам, которые будут сопутствовать соответствующему этапу восстановления экономики. Кроме того, сегодня экономику Russia никто восстанавливать и не собирается, так о чем говорить?

Сегодня говорить можно только о принципе — о том, кому именно восстанавливать народное хозяйство России, кто должен взять на себя ответственность за результаты этой работы. Не приняв решения по принципиальному вопросу, нет смысла обсуждать частные.

Итак, кому заниматься восстановлением народного хозяйства? Оно же само не восстановится, нужны люди, которые этим процессом будут руководить. Где эти люди и кто они?

Начнем с Российской империи.

Формально цари были в России единоличными руководителями всего и вся. Можно было бы на этом утверждении и остановиться, но если мы хотим воспользоваться опытом предков, то нужно и учесть, что на самом деле цари были чрезвычайно зависимы в своих решениях. Во-первых, от дворянства, которое после Петра I (особенно после реформ Петра III) быстро начало формироваться в достаточно наглый класс, преобразующийся в чистых паразитов и достаточно легко сметающий с трона неугодных царей. После Петра I у царей уже не хватало духу поставить это дворянское быдло на службу России. И, во-вторых, отсутствие у последующих царей не просто ума, а искреннего интереса к своему служению — ко всему, что делалось в России. Такого интереса, как у Петра I. Ведь никто, кроме Петра I и Сталина, не вникал лично так глубоко в подробности проблем России, как это делали они, и никто в своих решениях не зависел от советников так мало, как они. А лень (да и недостатки ума) делали прочих царей и руководителей очень зависимыми от советников у трона, однако качество этих советников со временем все более и более снижалось, что снижало и качество решений царей. Это присказка.

Так вот, дворянство, а за ними и цари сами народным хозяйством не руководили. Они избрали простой принцип развития экономики — отдать все капиталистам и промышленникам — пусть они развивают экономику, как хотят, а цари и дворяне будут получать с этого свою долю: цари — в виде налогов, а остальная «элита» — в виде «откатов» — взятки. Как говорят нынешние придурки — «дали рынку руководить процессом развития экономики».

Внешне была ситуация точь-в-точь как сегодня. У нас сегодня ведь тоже есть некий царь, которого изображают из себя неизвестные люди, называющие себя Путиным, и

стоящая за его спиной некая «элита» — сообщество грабителей России. И дело даже не в том, что ни «царь», ни «элита» в целом и не способны, и не собираются подавить алчность стоящего под ним коррумпированного государственного аппарата, гребущего откаты и взятки. (Это невозможно, поскольку для прекращения воровства внизу нужно прекратить его сверху. Если Сердюков может безнаказанно воровать, то почему полковник не может?) Но в данном случае дело даже не в воровстве, а в том, что они вообще никакими хозяйственными процессами в Russia не руководят.

Поскольку вышеперечисленные лица являются тем, что принято называть «государством», то вопрос о том, кому поручить восстановление (развитие) экономики, конкретизируется — государству или «талантливым предпринимателям», подчиняющимся «рыночным отношениям»? Реальные цари, как видите, поручили развитие экономики Российской империи предпринимателям, может, и нам пойти по этому пути? Ведь именно таким путем развивались экономики западных стран, и развивались достаточно успешно — чем же этот путь плох?

Этот путь плох невидимой обывателю разницей между Западом и Российской империей.

На Западе в то время была иная элита, которая руководствовалась иной формулой успеха в жизни — лично создать дело, слава которого и будет твоим успехом. Поэтому та западная элита была способна развить экономику и в части этой своей способности являлась примером для остального народа своей страны.

В России же образцом для всех было упомянутое паразитическое дворянство, у которого формула успеха была иной — выбиться на какой-то более высокий уровень и там устроиться. Были, конечно, редкие исключения выбивавшихся вверх своим трудом, но в массе российская «эли-

та» успеха добивалась с помощью родственников («При мне служащие чужие очень редки;/ Все больше сестрины, свояченицы детки...») и, главным образом, с помощью денег. Да, деньги и в России получали от какого-либо производства — от какого-либо дела, но российское дворянство брезговало и лично не собиралось заниматься никаким производительным трудом. Поэтому даже если дворянство и имело производство, скажем, сельскохозяйственное имение, то поручало его тогдашнему «топ-менеджеру» — управляющему.

Само дворянство белых ручек не пачкало. И не пачкать белых ручек становилось российским ИДЕАЛОМ успеха.

Германия на начало XX века имела на 56 миллионов жителей 22 университета с 36,5 тысячи студентов и 11 высших технологических школ с 17 тысячами студентов. Кроме этого, неизвестное мне количество немецких студентов училось в 3 высших горных, 5 высших лесных, 5 высших ветеринарных, 2 высших сельскохозяйственных школах и 8 сельскохозяйственных институтах при университетах.

Япония на начало века имела втрое меньше населения, чем Россия, но у Японии уже было обязательное начальное образование и 3111 профессионально-технических школ с почти 200 тысячами учащихся. Кроме этого, 7 технологических высших школ и 2 университета с примерно 11 тысячами студентов. (Япония имела и 101 женскую высшую школу с 32,5 тысячи курсисток.)

А к концу XIX века в России было всего 9 университетов на 130 миллионов населения (из которого 1,5 миллиона были дворяне), но только Петербургский и Московский были так-сяк наполнены, имея около 4 тысяч студентов на пяти факультетах при четырехлетнем обучении. А, скажем, Казанский имел всего 858 студентов, Харьковский — 1489, Новороссийский — 688.

Всего в университетах училось почти 14 тысяч студентов, из которых филологов было 2,8 тысячи и юристов 5,2 тысячи. А в 12 российских высших учебных заведениях, готовящих инженеров всех специальностей и агрономов, училось менее 5,4 тысячи студентов. Ну какой рост народного хозяйства нужно ожидать от страны, в элите которой желающих быть болтунами с чистыми ручками больше, чем желающих заниматься производительным трудом? (Кстати, в это время учившихся на попов (еще одни белые ручки) было более 50 тысяч.)

Вот этот идеал (белые ручки и много денег) российской элиты настолько был корнем ее мировоззрения, что сохранился и в СССР — в формальном государстве трудящихся.

Вот интересный момент из воспоминаний американского инженера Джона Литтлпейджа (*John D. Littlepage*, «In Search of Soviet Gold», или *Литтлпейдж Джон*. «В поисках советского золота». Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/190056-v-poiskax-sovetskogo-zolota.html>), который в конце 20-х прошлого века показывал рудники Аляски старому большевику А.П. Серебровскому, которому было поручено расширить добычу золота в СССР (об этом позже):

«И еще вспоминается один инцидент, который меня тогда удивил. Я организовал встречу Серебровского с главным управляющим рудника Аляска-Джуно, одного из крупнейших в мире золотопромышленных рудников. Мы добрались туда ко времени обеденного перерыва и увидели управляющего выходящим из туннеля в рабочей одежде, собравшей немало грязи.

Когда я его представил Серебровскому, тот удивился. Он отвел меня в сторону и спросил:

— Вы сказали, это главный управляющий?

Я ответил:

— Именно он.

Мы втроем пошли в столовую компании, сели за один из длинных столов с едой, набрали себе, кто чего хотел. Конечно, никакие столы ни для кого не были забронированы, и за нашим столом сидело много простых горняков, они слушали нашу беседу и иногда вступали в разговор.

Эпизод произвел большое впечатление на Серебровского; он потом долго со мной говорил. Он никак не мог привыкнуть к мысли, что главный управляющий сел обедать со своими собственными рабочими, даже глазом не моргнув.

Я ничего особенно впечатляющего в том не усмотрел».

Заметьте, это поражался коммунист и старый революционер — профессиональный радетель рабочего класса. А вот поразился американец в этих своих воспоминаниях. К этому времени Литтлпейдж уже приехал в СССР и восстанавливал добычу золота на Урале, руководя крупнейшим советским рудником, уже оснащенным американской техникой:

«Люди в Берлине, оказалось, говорили чистую правду, рассказывая про русские традиции, что инженеры и служащие предпочитают хорошо одеваться и сидеть у себя в конторах, подальше от грязных рудничных шахт. Однажды, вскоре после приезда в Кочкарь, к нам на рудник прибыла группа из двухсот студентов на практику, в большинстве первокурсники. Трест “Главзолото” в спешном порядке организовал учебные заведения для подготовки дополнительных горных инженеров, а несколько уже существовавших горных академий расширились со всей возможной быстротой, чтобы обеспечить растущую необходимость в техническом персонале.

Проходя по руднику, я увидел, как группа юных коммунистов стоит с блокнотами и карандашами, зарисовывая технику. Подозвал нескольких и посоветовал им сразу пойти на рудник рабочими. Я пояснил, что, реально выпол-

няя различные операции, они научатся быстрее, чем любым другим способом, и впоследствии смогут легче обучать рабочих.

Они возмутились и резко возразили, что учатся на инженеров, а не рабочих. Я решил довести дело до логического конца и отдал приказ, чтобы их не допускали на рудник, если не подчинятся моему распоряжению. Некоторые попытались поднять шум: они требовали объяснений, как так получается, что иностранец может запретить советским гражданам ходить там, где они владельцы, и даже обратились в свои институты за помощью.

К счастью, власти поддержали меня и приказали студентам делать то, что им сказано. Если молодые люди и подчинились поначалу нехотя, впоследствии они признали мою правоту. Через несколько недель ко мне отправили комиссию с благодарностью от имени группы, за то, что показал им, как наилучшим образом использовать ограниченное время пребывания на руднике».

Это очень характерный момент, присущий российской «элите» и сегодня.

Правда, другой американец, работавший в 30-х в Магнитогорске, Джон Скотт, пишет о том, как репрессии 1937 года повлияли на любителей белых ручек: «Чиновники и административные служащие, которые до этого приходили на работу в десять часов, а уходили в половине пятого и лишь пожимали плечами в ответ на жалобы, трудности и неудачи, теперь сидели на работе с восхода до заката солнца, их начали волновать успехи и неудачи руководимых ими предприятий, и они на самом деле стали бороться за выполнение плана, экономию и за хорошие условия жизни для своих подчиненных, хотя раньше это их абсолютно не беспокоило». Так что вопрос с белыми ручками в целом решаем, хотя подойдет ли это решение для будущего — это вопрос будущего.

Но вернемся во времена царской России, поскольку и белые ручки — это не все. В царской России практически начисто отсутствовала гордость владельцев предприятий своими техническими и технологическими достижениями. Только деньги! Как дворянская элита России заставляла своих крепостных крестьян четыре дня в неделю работать на себя во имя денег, так и купцы с кулаками в промышленности или торговле стремились только к деньгам.

Меня в данном случае впечатляет пример периода Первой мировой войны. Русская армия всю войну испытывала жесточайший дефицит оружия, особенно боеприпасов. И в это время «русские патриоты-промышленники» Урала, страстно желавшие, чтобы Россия отвоевала Босфор и Дарданеллы, начинают снижать производство железной руды, чугуна и стали. Скажем, к 1916 году выплавка чугуна на Урале снизилась на 40%, по сравнению с предвоенным 1913 годом. Почему? Потому, что дефицит дает возможность увеличивать цены, а увеличение цен дает самую большую и легкую прибыль. И если, скажем, казенные заводы поставляли 122-мм шрапнель по 15 рублей, то частные «предприниматели» поставляли этот снаряд за 35 рублей. А почему нет, раз дефицит? Рынок, батенька, рынок рулит!

Заметьте, у российских промышленников не было ни малейшего желания гордиться своим делом, скажем, завалить фронт снарядами по 10 рублей за штуку. Только деньги, халявные деньги!

Повторю, белые ручки и деньги — вот цель жизни элиты царской России, а за элитой, заполнявшей информационное пространство своими воззрениями, следовал и народ.

Но все же во времена царя промышленниками были те, кто сам строил и развивал предприятия, кто в боль-

шинстве случаев сам ими и руководил. Это было уже хоть что-то.

А кому вы собираетесь отдать восстановление промышленности России сегодня?

Тут все смеются над олигархом Прохоровым, который пытался создать е-мобиль и у него ничего не получилось. Да на Прохорова нужно смотреть с уважением уже за то, что он пытался! Ведь остальные олигархи ничего и не пытались. Это люди, которые ничего не создали и не способны создать, наоборот, они уничтожали экономику СССР и в основной своей массе, простите за грубость, умеют только жрать, срать и трахаться. Все предприятия, которые эти олигархи имеют, они отдали под управление топ-менеджеров, но если у элиты высшее счастье жрать, срать и трахаться, то почему у топ-менеджера высшее счастье должно быть иным? Если элита наворовала свое состояние, то почему топ-менеджер должен стесняться воровать? Более того, помимо дворянского менталитета и русской купеческой придурки, в сознание нынешней элиты открыто внедрена еврейская придурь «понтов», когда громадные деньги России выбрасываются псу под хвост единственно ради того, чтобы эти воры России могли пустить пыль в глаза друг другу — «ради понта».

Эти дворцы, которые в принципе лишены домашнего уюта, эта золотая мишура, эти «навороты» в автомобилях, которые не имеют ни малейшего смысла, — зачем? Один мой знакомый «талантливый предприниматель» (уже выехал из России) имел личный зоопарк, в котором только на содержание хищников тратил полторы тонны мяса в день. Недавно увидел фото из детского магазина в Москве для детей этих «талантливых предпринимателей». Понимаете, игрушечная машинка для детей не старше 6 лет стоимостью в 500 тысяч рублей, новогодний маскарадный костюм

для маленьких девочек за 25 тысяч — это никак не продажа детских игрушек. Это продажа «понтов». И помянутый, не имеющий никакого практического смысла личный зоопарк тоже предназначен только для того, чтобы поразить других евреев, не догадавшихся выбросить украденные у России деньги псу под хвост таким способом.

И ведь понятно, почему хвастовство осуществляется посредством «понтов», а не посредством создания таких заводов и производств в России, которыми создатель мог бы гордиться. Для создания производства нужен ум, а для приобретения зоопарка или дворца ума не надо.

Ладно.

В свое время Генри Форд руководствовался принципами: «Иметь деньги абсолютно необходимо. Но нельзя забывать при этом, что цель денег — не праздность, а умножение средств для полезного служения. Для меня лично нет ничего отвратительнее праздной жизни. Никто из нас не имеет на нее права. В цивилизации нет места тунеядцам». Если вы в Russia найдете предпринимателя с такими принципами, то обязательно сообщите о нем.

Или вы собрались восстановить экономическую мощь России, поручив это дело вот этим ленивым и умственно малоразвитым олигархам? У царя даже с его элитой ни черта не получалось, а уж с этими-то...

Нет, без государства, в данном случае Госдумы и Президента, это невозможно. Но с такими, как сейчас Госдума и Президент, — тоже невозможно. Ведь для восстановления народного хозяйства нужно иметь ум, это ведь не на кнопки нажимать!

И путь один — сделать депутатов Госдумы и Президента отвечающими перед народом за последствия своего правления, как это предлагается в петиции: <http://ni.kprf.ru/n/2833/>. Меня упрекнули, что я снова свел к этому статью, а куда деваться? Ведь без власти, отвечающей перед наро-

дом России, как вы заставите членов власти своими белыми ручками служить народу?

А вот будут они оцениваться народом, тогда да — тогда люди на этих должностях сделают все, что требуется для народа России, — поднимут экономику и сделают Россию образцом для всего мира.

Вопрос — как они это сделают, — не существен. Не ломайте себе голову — придумают! Сталин же придумал.

* * *

Как и в случае с царями, даже сторонники Сталина искренне считают его единоличным руководителем чуть ли не со смерти Ленина в 1924 году. Это ошибка, и достаточно вредная ошибка, поскольку не дает понять сути происходившего тогда, соответственно, не дает применить тот опыт сегодня. Ведь Сталин, даже став официальным главой СССР и до самого момента своего убийства в 1953 году, единоличной власти никогда не имел. До 1941 года Сталин вообще ни одной официальной руководящей должности в стране не занимал, а в партии он был одним из пяти секретарей Центрального комитета — на равных правах совместно с остальными четырьмя секретарями организовывал исполнение решений 130 членов ЦК.

Почему же его где-то с начала 30-х годов считают вождем СССР? Кстати, ведь и должности вождя в СССР не было. Потому, что начиная с годов революции и гражданской войны члены ЦК все чаще и чаще принимали коллективное решение, вариант которого предлагал Сталин. Проходили годы, и многие члены ЦК стали считать для себя удобным не самим мучиться в поиске государственных решений, а довериться в этом вопросе Сталину. То есть большинство членов ЦК стало считать Сталина своим неформальным руководителем — вождем. А поскольку ЦК был органом управления всей партии, то Сталин стал

вождем партии. А поскольку партия была единственной и правящей, то Сталин стал и вождем народа. Повторю, не занимая никакой официальной должности в стране (официальным главой страны он стал в мае 1941 года), а в партии — не имея никаких личных прав дать приказ ни одному члену ЦК.

И члены ЦК прекрасно это осознавали, и когда вариант решения Сталина уж очень сильно задевал их личные интересы, это решение не проходило. К примеру, в 1938 году, когда Сталин был уже общепризнанным вождем, члены ЦК отказались принимать вариант решения Сталина проводить выборы в органы советской власти из нескольких кандидатов на одно депутатское место. А раньше отказ членов ЦК и политбюро принимать сталинские варианты решений был обычным делом даже по второстепенным вопросам. Ведь среди большевиков было много тех, кто не стеснялся себя и свою роль переоценивать при органической неспособности к решению встававших перед страной проблем.

Второе, что следует понимать, — любой руководитель не может принять решения, которого не поддерживает существенная часть его подчиненных. Вообще-то, тут сразу говорят, что таких подчиненных надо гнать. Это в теории, а на практике их сразу заменить нечем, и приходится отказываться от таких решений, хорошо, если до лучших дней — до времени, когда подчиненных действительно можно будет заменить. Это прекрасно видно, скажем, по отношениям Сталина с генералами Красной армии. Многие из них стали Героями Советского Союза, хотя по немецким критериям (да и по совести) их полагалось бы расстрелять.

Третье, что тоже достаточно важно, — это висевший надо всеми большевиками и коммунистами маразм марксизма — «теория гениев», которые умудрились нафантазировать так, что ни одна их фантазия не сбылась ни в какой своей части. Смешно, но фантазии современника

Маркса и Энгельса, писателя Жюль Верна, и те сбылись в большей степени.

Однако для начетчиков, которых среди большевиков было полно, эти фантазии марксизма воспринимались как святое писание, и долгое время делались тупые попытки внедрить их в жизнь. Уже Ленин и, само собой, Сталин вынуждены были отбрасывать маразм марксизма по мере того, как выяснялась полная негодность этого учения, но за неимением лучшей теории Сталин тоже был вынужден на людях молиться на бородатые иконы, а в каких-то случаях и отступать перед напором правоверных марксистов, и подыгрывать им.

Есть сведения, что в окружении Сталина его за глаза называли Хозяином, и на самом деле он им и был. Хозяином СССР. Скорее, даже отцом народов СССР.

Итак, когда к концу 20-х годов большевики сумели как-то стабилизировать жизнь народов СССР после гражданской войны и полной разрухи, перед ними встал вопрос, как развивать народное хозяйство СССР дальше, конкретно — как развить промышленность СССР, поскольку с развитием промышленности поступала техника в сельское хозяйство, давая толчок и ему. Причем, подчеркивая гений Сталина, особо выделяют, что он в феврале 1931 года очень точно предсказал предельные сроки, за которые СССР нужно вывести в число передовых стран с наиболее развитой промышленностью, — 10 лет: «Мы отстали на 50—100 лет от передовых стран. Мы должны преодолеть этот разрыв за десять лет. Иначе нас сомнут».

И этот скачок под руководством Сталина был совершен! По объему производимой товарной продукции СССР вышел с пятого места в мире и четвертого в Европе на второе место в мире и первое в Европе. К началу Второй мировой войны СССР стал производить 13,7% мировой промышленной продукции. США производили 41,9%; Гер-

мания — 11,6%; Англия — 9,3%; Франция — 5,7%. (Для сравнения, некто «путин» находится у власти уже 15 лет, а Россия ничего не имеет от этого «патриотического вождя», кроме очередного ограбления народа падением курса рубля.)

Итак, как Сталин этот скачок народного хозяйства организовал?

План восстановления

Промышленность состоит из предприятий, а их принципиальное устройство одинаково. Это технологическая схема, оснащенная станками и оборудованием, это люди, умеющие осуществить технологию, и это покупатели продукции этого предприятия, в данном случае — этой промышленности, «по-научному» рынок сбыта. Ведь если продукцию некому сбывать, ее невозможно и производить.

Следовательно, чтобы развить промышленность, нужно решить три вопроса, которые невозможно разместить по ранжиру, — они одинаково важны:

- станки и оборудование;
- люди для работы в промышленности;
- рынок сбыта продукции.

Вот это и есть те конкретные вопросы, которые требуют разрешения для развития своей промышленности.

Что касается того, как именно Сталин разрешил эти вопросы, то вряд ли создадутся условия для повторения его подвига, тем не менее это интересно.

Начнем с последнего вопроса. Итак, если кто-либо хочет развить свою промышленность, ему нужны не инвестиции, не займы, не надо ходить по миру с протянутой рукой, а нужно прежде всего позаботиться о покупателях для своих товаров. Сталин это понимал и рассматривал несколько путей поиска покупателей для промышленности СССР —

путей решения обязательного вопроса для развития промышленности СССР.

Например, прусский путь, предусматривающий аннексию какой-либо страны, создание препятствий для развития ее промышленности и за счет ее рынка — ее покупателей — развитие собственной промышленности. Сталин этот путь отверг по понятной идеологической причине.

Далее Сталин рассматривает английский путь. Это путь захвата колоний и использования их рынка для развития промышленности метрополии. И этот путь Сталину не подходил по той же причине.

И Сталин выбрал американский путь развития промышленности: путь развития собственного рынка, то есть путь создания покупателей прежде всего внутри собственной страны.

Чтобы понять Сталина, нужно вспомнить, как Генри Форд, основатель автомобильной индустрии США, создавал покупателей для своих автомобилей. Он взял и стал платить рабочим своих заводов невиданную по тем временам зарплату — 5 долларов в день вместо принятых во всей стране 60 центов, — и этим спровоцировал профсоюзы и в других отраслях американской промышленности на требования по аналогичному повышению зарплаты. Когда его разъяренные коллеги-капиталисты из других отраслей выплеснули на него свое негодование, он вполне резонно возразил им: «А кто будет покупать мои автомобили?»

Обратите внимание — чтобы увеличить производство чего-либо, нужно сначала дать денег покупателю. Создав средний класс, класс людей, для которых покупка автомобиля стала обычным делом, США развили свою автомобильную промышленность.

А Сталин, встав на американский путь создания рынка, развивает рынок СССР тем, что резко увеличивает доход крестьянам, поскольку численно крестьяне являлись

самым многочисленным слоем СССР — даже к 1938 году в СССР числилось на 115 миллионов крестьян всего 56 миллионов горожан. То есть крестьяне были самым мощным рынком, теперь оставалось только дать им деньги для покупок товаров промышленности. И с 1929 года, параллельно с коллективизацией, были резко подняты цены на продукцию сельского хозяйства — к 1934 году, к примеру, цена на хлеб поднялась с мировой цены в 10 золотых копеек за килограмм до 90 золотых копеек. Соответственно, в СССР появились те, кто мог купить продукцию промышленности СССР, — крестьяне (уже колхозники), появился собственный рынок для товаров собственной промышленности.

Теперь рассмотрим, как Сталин разрешил вопрос с людьми, которым предстояло работать в промышленности.

Основная масса граждан СССР были крестьяне, более того, с очень низкой производительностью труда. К началу 30-х годов товарность сельского хозяйства СССР упала до 37%, т.е. двое крестьян едва могли прокормить одного горожанина. И вызвано это было, между прочим, и тем, что революция ликвидировала помещичью собственность на землю, а за счет этого резко увеличилось число крестьянских хозяйств: с 16 миллионов в 1913 году до 25 миллионов в 1929 году. Как возьмешь рабочих из деревни, если в деревне едва себя кормят?

Нужно было увеличить производительность труда в сельском хозяйстве, и развитие техники уже позволяло это сделать — можно уже было начинать механизацию сельского хозяйства. Но кому технику дать?

Крестьянский двор трактор купить не сможет.

Да, крестьяне могут организовать кооператив, сброситься деньгами и купить трактор, скажем, на 10 дворов. Дневная производительность их труда резко возрастет, но годовая останется та же. Ведь от своего участка земли крестьянин все равно не сможет уйти, следовательно,

промышленности от кооперации сельского хозяйства нет никакого толку: притока рабочих рук в город все равно не будет.

Идеологически неприемлемый выход — вернуть землю помещикам — был неприемлем не только по идейным, но и по государственным соображениям. Да, помещик, забрав у крестьян землю и купив трактора, оставил бы у себя только одного крестьянина из 5, а остальных выгнал бы в город. А куда их здесь, в городе деть? Ведь рабочие должны поступать на предприятия в строго необходимом количестве — в таком, которое требуют уже построенные предприятия. А крестьяне от помещика повалят валом — ведь помещику плевать на то, построены в городах заводы или еще нет.

Поэтому единственным экономическим путем для СССР был путь коллективизации сельского хозяйства, причем с опорой на колхозы. Смысл?

Крестьяне сдавали землю, инвентарь, тягловый и часть продуктивного скота в общее пользование и начинали вместе работать. При этом производительность труда резко возрастала как за счет разделения труда, так и за счет обработки земли машинами, которые предоставляло государство коллективным хозяйствам. Однако такой рост производительности труда в сельском хозяйстве не приводил к вспышке безработицы. Поскольку как бы мало крестьянин не работал, но он в колхозе был при деле и хлебе: чтобы тогда быть членом колхоза, надо было заработать в нем всего лишь 60 трудодней в год, даже в 1947 году эта норма была всего лишь 100 для женщины и 150 трудодней для мужчины.

Плюс к трудодням колхозник имел доходы от приусадебного хозяйства, и Сталин заботился, чтобы земли под это хозяйство у колхозника было больше, чем у единоличника, да плюс обязательная корова. Люди не голодали и не

убегали от голода в город в очереди на биржи труда, а выезжали в город только тогда, когда в городе для них появлялось рабочее место. В течение жизни одного поколения половина населения страны перешла из села в город без малейших экономических эксцессов!

Открывшим рот, чтобы завопить о «голодоморе», посоветую в данном случае захлопнуть пасть — это была трагедия, вызванная человеческой алчностью, и никак не связанная с разрешением принципиальных вопросов народного хозяйства СССР. Я об этом достаточно написал, чтобы в этой теме не касаться.

Остается очень интересный вопрос о станках и оборудовании. Их только в первой волне поступило с Запада 900 комплектных предприятий вместе со специалистами — монтажниками и технологами! Мощнейших предприятий и самых передовых! За какие шиши все это было куплено, причем очень быстро? Вот вопрос!

Откуда деньги?

Официально считается, что деньги для развития экономики СССР были получены за счет крестьян — за счет экспорта зерна за границу. Но те историки, кто пытается свести баланс не только стоимости зерна, но и всего экспорта со стоимостью импорта в СССР на рубеже 20-х и 30-х годов, «чешут репу» — не хватает! Денег сильно не хватает! Как ни увеличивай в расчетах стоимость советского экспорта, но он и в меньшей мере не покрывает стоимости получаемых предприятий.

Числа внешней задолженности СССР сильно «не бьют» — расходятся в разных источниках, а такое может быть, только если авторы умышленно вводят в заблуждение, либо скрывают какой-то малопонятный источник финансирования. Вот скажем, в 1933 году на экспорт поставили 1,7 миллиона тонн зерна (около 2% от валового урожая),

это где-то на 110 миллионов рублей. А в 1934 году поставили всего 0,77 миллиона тонн, то есть в два раза меньше, а задолженность Западу в 1934 году не выросла, а снизилась почти на 300 миллионов рублей! Вообще, в числах странности. Вот в статье «Внешняя торговля СССР в 1935 году» сообщается, что максимальная внешняя задолженность СССР была максимальной на 31 декабря 1931 года и составляла 1400 миллионов рублей (не понятно, это валовая задолженность или сальдо). А в аналитической записке «Расчетные балансы СССР с капиталистическими странами» внешняя задолженность СССР на 1 января 1932 года составляет: сальдо — 840,6 миллиона, а валовая — 912,3 миллиона рублей. А куда это за одну ночь подевались полмиллиарда долга?

Короче, откуда взялись деньги? Ряд историков считает, что деньги дали Ротшильды. Я считаю, что очень может быть. Однако!

Когда говорят об участии евреев в судьбе СССР, то повсеместно ограничиваются перечислением евреев в составе правительства и государственных органах Союза. Взаимодействие правительства СССР с иными евреями типа Ротшильдов и сионистов как бы вне советской истории — как бы такого никогда не было. Между прочим, против связи большевиков и Ротшильдов говорит и то, что советские евреи для Ротшильдов и сионистов всегда были мусором, если не дерьмом, которое сионистами легко разменивалось на что угодно. Ведь не случайно во Второй мировой массово уничтожались только советские евреи. То есть для сионистов сами по себе советские евреи были не теми людьми, судьба которых могла подвигнуть Ротшильдов и сионистов на какую-либо связь с СССР.

Пример. Немцы начали способствовать массовому уничтожению советских евреев практически сразу же после занятия территорий СССР. Киевских евреев начали рас-

стреливать в Бабьем Яру с конца сентября 1941 года. Организовывали эти расстрелы сионисты, скажем, киевских евреев отвели на расстрел 9 киевских раввинов, в Литве сионист Якоб Генс организовал расстрел 38 тысяч литовских евреев, его еврейская полиция лично расстреляла 400 евреев белорусского городка Ошмяны. То есть сионисты на Западе не могли об этих расстрелах не знать, а вот до правительства СССР сведения о массовых расстрелах дошли не сразу. И оно впервые сообщило миру о массовом уничтожении евреев в ноте НКВД СССР только 6 января 1942 года. И, внимание, всемирная сионистская организация немедленно отреагировала на этот документ, объявив его «большевистской пропагандой»! 27 апреля 1942 г. НКВД СССР вновь обнародовал аналогичную ноту о массовом уничтожении советских евреев, а в заявлениях «Еврейского агентства» от 7 июля и 28 сентября 1942 года эти сведения по-прежнему назывались «неправдоподобными вымыслами». То есть сионисты, по меньшей мере, способствовали гитлеровцам в уничтожении советских евреев, а, скорее всего, Гитлер и уничтожал советских евреев по просьбе сионистов.

Поэтому я исключаю каких-либо действий Ротшильдов (с самого начала финансировавших сионистское движение) во благо евреев СССР. Не могли Ротшильды помогать СССР бескорыстно. И если Ротшильды зашевелились в конце 20-х годов, то зашевелились только из-за денег, то есть да, Ротшильды могли тайно дать СССР кредиты, но это не избавляло СССР от необходимости эти кредиты возвращать с процентами. И снова на первый план выходит вопрос: где Сталин нашел деньги на выплату кредитов и процентов по ним? Ведь он не мог расплатиться продукцией построенных предприятий — она вся предназначалась СССР. Мало этого, с 1929 года начался мировой кризис —

в это время на Западе вообще никакая продукция не была нужна. Так откуда Сталин взял деньги?

И вот тут следует заняться золотодобывающей промышленностью СССР.

Начать следует с того, что по марксовому бреду при коммунизме денег не будет, а будет простой продуктообмен, посему большевики были уверены, что они из золота, в лучшем случае, унитазы будут делать, и золото им вообще без надобности.

А с запасами золота и платины и без придурков дело обстояло ужасно. Уже при царе золотой запас Российской империи вывозился в уплату царских военных долгов, затем его частью разворовали белочехи и колчаковцы. Затем, при Ленине, золотом щедро оплачивались различные революционные и экономические потребности, к примеру в 1922 году было куплено в Швеции 500 паровозов с тендерами за 125 тонн золота. Короче, к 1927 году от царских довоенных 1100 тонн золота осталось 150 тонн. И все бы ничего, но большевики фактически прекратили и добывать золото, позволяя китайским браконьерам и контрабандистам мыть его в Сибири и вывозить в Китай. Добыча золота в СССР 20-х годов упала до 20 тонн в год вместо обычных 50 тонн, которые добывались при царе.

В своих воспоминаниях 1936 года начальник советской золотодобычи тех лет А.П. Серебровский инициативу добычи золота в СССР отдает Сталину, и только ему. И это не дежурный комплимент вождю — достаточно прочесть в воспоминаниях Серебровского, сколько раз Сталин вызывал Серебровского для отчета и постановки задач, чтобы понять, что вряд ли еще какой министр встречался со Сталиным так часто. К примеру, со своим непосредственным начальником, наркомом (министром) тяжелой промышленности Г. Орджоникидзе, Серебровский встречался на порядок реже.

И, как вспоминает помянутый американский инженер Джон Литтлпейдж (кавалер ордена Трудового Красного Знамени, кстати), продавить сквозь марксистов идею добывать золото Сталину было непросто. Во всяком случае, вначале Сталиным было получено от ЦК согласие развернуть добычу только силами государства и категорический отказ марксистов на предложение Сталина использовать труд старателей (мелкая буржуазия, однако!). Только в 1930-м Сталин добился разрешения использовать их в золотодобыче.

План Сталина был прост. Выяснить способы и технологию добычи золота в самой передовой в этом плане стране — в США, нанять там специалистов и купить там самую передовую и мощную технику и, используя ее в СССР, резко поднять добычу золота. В этом плане старатели были нужны не только для работы там, где машины применять нецелесообразно, дело в том, что при отсутствии достаточного количества геологов они были геологоразведчиками. И если старатели находили богатую россыпь или жилу золота, то им сразу платили 30 тысяч золотых рублей (и не простых, а таких, которые можно было отоварить в специальных магазинах, в которых «все было»). И дальше разрешали добывать найденное золото (под государственным контролем, само собой, чтобы не хищничали), пока государство не проложит к этому золоту дорогу и не построит рудник или пустит мощную драгу. И эта мера выбросила в тайгу и горы до 300 тысяч человек, которые обшарили все «белые пятна» СССР, все самые дальние закутки и открыли еще массу богатейших залежей золота и полиметаллических руд, часто сопутствовавших золоту.

И вот теперь вопрос: сколько золота добыли в СССР в период 1928—1941 годов и куда его дели? А ответа нет. Попытался найти в Интернете. Сплошные гадания авторов. Даже золотой запас при Сталине — это предмет гада-

ний: одни считают, что к 1941 году он был 2800 тонн, другие — 2600, третьи — 1450. Из статьи в статью передается «ежегодная добыча золота в СССР — 320 тонн». А за какие годы? Ведь по мере выработки богатых залежей добыча обязана падать, следовательно, число 320 — это среднее. Вот наиболее свежая статья всего годичной давности историка В. Катасонова: «Даже сегодня многие материалы по золотодобыче остаются в архивах, почти не доступны. Приходится пользоваться лишь какими-то фрагментами информации» (<http://maxpark.com/community/politic/content/2535579>). А попробуйте найти числа добычи платины при Сталине (которая тогда стоила в 5,5 раза дороже золота), и вы уткнетесь: «В СССР данные по добыче платины были засекречены».

Да, может, и были, но почему они сегодня, 80 лет спустя засекречены?! Почему известно, сколько золота добывалось до 1927 года, известно, что в СССР в 1990 году добыто 302 тонны золота, что в РФ в 2012 году добыто 226 тонн золота, а сколько добыто в период 1928—1941 годов, засекречено? Почему известно, что при царе ежегодно добывалось 4,5 тонны платины, а в РФ в 2011 году — 26 тонн, а сколько добыто платины при Сталине — засекречено? В те годы у этой секретности с добычей золота и платины было легальное объяснение — чтобы не сбить цены на золото и платину на внешнем рынке. Хорошо, но это тогда, а сегодня почему эти числа остаются секретными?

И у меня один вариант ответа — золото 1928—1941 годов в основной своей массе было пущено на оплату кредитов Ротшильдов, и Ротшильды до сих пор стесняются сообщить, сколько они на этом заработали, а антисталинисты не хотят рассказать, как Сталин использовал алчность Ротшильдов для индустриализации страны.

Но это подробности, которые сегодня не пригодятся, а вывод таков: Сталин был толковый хозяин и не ездил с

протянутой рукой по миру (призывно виляя голым задом), а нашел средства на развитие промышленности дома — в полном смысле слова — под ногами.

К слову, именно потому, что был хозяин, а не академик экономических наук.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ ПРИ СТАЛИНЕ

А. Зверев — нарком финансов

Решил дать что-то интересное и не свое, посему остановился на воспоминаниях сталинского министра финансов Арсения Григорьевича Зверева. Воспоминания интересны сами по себе, но мне был лично в Звереве интересен момент, о котором скажу вкратце.

Обычно все отмечают, что советская власть раскрыла творческие способности народа и дала толчок многим людям нашей Родины, отличившимся в жизни своими творческими достижениями. Так-то это так, однако нужно сказать, что власть — это хорошо, но главное — это сам творец, и без личных упорства и способностей тебе никакая власть не поможет. Зверев был интересен тем, что жизнь не давала ему заниматься тем, что он хотел делать, однако, что бы он не делал, он всегда стремился усовершенствовать работу и делать ее максимально хорошо.

Вот он, ровесник века и сын ткача, парнишкой в пятилетней школе отвечает попу урок по закону Божьему и на ходу совершенствует Ветхий Завет, к примеру кормит евреев в пустыне не только манной небесной, но и пшенной кашей. Поп прислушивается и наказывает его за это творчество, но все же по окончании школы рекомендует именно его в духовную семинарию, от которой Арсений категорически отказывается, не желая становиться жеребьячьей породой. Паренька в 12 лет принимают на ткацкую фабри-

ку, он начинает зарабатывать примерно 9 рублей в месяц, но учится у искусного рабочего и через год зарабатывает уже 18 рублей — столько же, сколько и его отец, проработавший на этой фабрике всю жизнь и довольно грамотный человек, а в 14 лет Арсений уже один из лучших специалистов фабрики, и хозяин платит ему 36 рублей.

И так у Зверева было всю жизнь. Пошел добровольцем в Красную армию, стал командиром кавалерийского взвода, за 4 года боев с бандами получил ранение и орден. Поскольку вступил в партию, то, демобилизовавшись, не имел никакой свободы — его направляли работать туда, куда партии было надо, а надо было работать финансистом. Работает хорошо, пытается уйти — не дают, повышают в должности. Наконец, отучившись, ушел на партийную работу, она ему нравилась широчайшим простором для творчества. Но вызывают в Кремль, и там его Сталин и члены политбюро с час уговаривают вернуться к финансам и стать председателем Государственного банка СССР. Сумел отказаться, а через год, уже не упрашивая, назначают министром финансов.

Я дам несколько разных по размеру отрывков, чтобы отметить несколько примечательных моментов работы государственных деятелей той эпохи.

Ну вот, к примеру, сегодня у нас продолжается ожесточенная борьба с коррупцией, которая невольно вызывает презрительную улыбку. А ведь и тогда, сразу после революции коррупция была ужасная, поскольку большевикам достался царский государственный аппарат, для которого коррупция была естественной нормой жизни. Брали взятки везде — и в ЧК, в которую поначалу набились интеллигенция и дворянство, и прокуроры, и всяк, власть имеющий. Но тут ведь дело такое, если государственные деятели — сами воры, то как ты коррупцию победишь? Ведь и эти деятели с этой коррупции свою алчность удовлетворя-

ют. Они что — будут рубить сук, на котором сидят? Поэтому у нас сегодня не борьба с коррупцией, а борьба с теми, кто не носит начальству.

А тогда начальство не брало и кампании по борьбе с коррупцией не объявляло, а так просто с ней боролось — походя.

«...О чем еще можно было рассуждать? И вот я опять еду в Клин, обдумывая по пути все, что мне рассказали о положении в местном финотделе. Еще в начале 1925 года в Клину состоялось расследование, обнаружившее, что бывший заведующий, разложившийся тип, начал пьянствовать и гулять — сначала на деньги нэпманов, а потом запустил лапу и в государственные. Он втянул в эту грязь председателя исполкома и заведующего земельным отделом, разбазарив 40 тысяч рублей. История с растратой казенных средств выплыла наружу. Крестьяне стали говорить, что не будут платить налогов, так как не желают работать на растратчиков. В результате гласного судебного процесса первый виновник был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян, а остальных осудили на длительные сроки тюремного заключения. Людям показали, что советская власть не потерпит попрания государственных и народных интересов. Но теперь следовало наладить заново делопроизводство в уфо и укрепить ряды его сотрудников надежными кадрами...»

Сегодня, так сказать, «государственные деятели» и «грамотные экономисты» полностью уничтожили промышленность Москвы, а вот как оно было тогда:

«...Бауманский район столицы в те годы охватывал обе стороны центральной магистрали Маросейка—Покровка—Спартакoвская—Бакунинская. На западе район упирался в площадь Дзержинского, на востоке тянулся до Курской железной дороги. В этих пределах лежало обширное промышленное, административное и коммунальное хо-

зяйство: около четырех тысяч различных предприятий, государственных, общественных, кооперативных, культурно-массовых организаций, учреждений и заведений, научно-исследовательских институтов и вузов. До декабря 1930 года район был еще крупнее, а потом в столице вместо шести районов стало десять. Но и после этого в нашем районе осталось 1753 земельных участка, около 11 тысяч строений. Население района насчитывало 360 тысяч (11 процентов всех жителей Москвы, поровну рабочих и служащих), да еще примерно столько же ежедневно приезжало на работу из Подмоскovie. Площадь района составляла лишь около 5 процентов столичной, но плотность населения была вдвое выше средней по городу в целом.

Районные предприятия находились в ведении пяти наркоматов и ведомств: Наркомтяжпрома, Наркомлегпрома, Наркомснаба, Наркомлеса, Комитета заготовок. Часть предприятий возникла еще до революции. Все они были переоборудованы, расширены, усовершенствованы. Так, михайловское заведение превратилось в отличную артель "Экспорт-обувь", разместившуюся в новом фабричном здании на Покровке. Многие другие заведения, ранее полукустарные мастерские, стали заводами, оснащенными по последнему слову техники. Таким был рентгеновский завод, выпускавший в 30-е годы рентгеновские аппараты, завод "Технолог", 4-й механический завод, специализировавшийся прежде на кипятильниках, а потом переключившийся на санитарное оборудование; завод счетно-аналитических машин.

В те годы считалось огромным достижением, если какое-то крупное предприятие обеспечивало страну дефицитной промышленной продукцией. Об этом немедленно сообщалось на партийно-производственных собраниях, а потом оповещали все газеты. Помню, например, как шумно радовались в районе, когда мы стали абсолютно самостоя-

тельно выпускать высоковольтные трансформаторы. Бауманцы вовсе не были здесь исключением. Вся страна шла вперед десятичными шагами. Москва из текстильной стала Москвой металлической.

Подвиги, которые при этом совершались на трудовом фронте, могут показаться чудом. В январе 1931 года на печально прославленном гнилом месте, Сукином болоте, приступили к строительству огромного завода "Шарикоподшипник". Пока зарубежные злопыхатели каркали о провале замысла, партия налаживала дело, и уже в марте 1932 года первая очередь предприятия вступила в строй. Успехи москвичей были столь велики, что в том же 1932 году столицу провозгласили общесоюзной лабораторией опыта борьбы за проведение в жизнь генеральной линии Коммунистической партии на новом этапе нашего развития — в период второй пятилетки.

Каждый день газеты публиковали новые сводки: о выплавке чугуна и стали, о выпуске автомобилей и тракторов. Резким скачком был отмечен 1934 год. К семнадцатой годовщине Великого Октября довели ежедневную выплавку чугуна, по сравнению с 1930 годом, с 13 тысяч до 30 тысяч тонн, ежегодное производство автомобилей — с 2 тысяч до 72 тысяч, а тракторов — с 9 тысяч до 90 тысяч; количество машинно-тракторных станций возросло со 158 до 3500.

Бауманский район тоже вносил в общенародное дело свой вклад, и мы этим очень гордились. В первую пятилетку в районе вступили в строй типография "Рабочая Москва", завод счетно-аналитических машин, маргариновый и хлебозавод № 13, фабрика № 17 и пищекомбинат. К началу второй пятилетки в районе имелось 28 металлообрабатывающих предприятий (из них половина — союзного значения), четыре деревообделочных, семь химических, шесть текстильных, три пищевых, 14 — по производству одежды и обуви, затем 8 предприятий — в системе мест-

ной промышленности и еще ряд других — в системе промкооперации, причем последние давали 17 процентов всей столичной продукции. Уже в мою бытность заведующим райфо здесь были заложены заводы аппаратуры связи, автокузовной, химического машиностроения и еще один пищекомбинат. К нам сыпались со всей страны заказы на продукцию таких заводов, как “Манометр”, буровой техники, машиностроительный, алкалоидный, термометрический заводы, “Стеол”, таких фабрик, как “Фотопластинка”, “Картополиграфия”, имени Баумана, технической ткани “Победа Октября”, имени Маркова, имени Балакирева, имени Клары Цеткин, имени Звонкова.

Бауманская партийная организация насчитывала 30 тысяч коммунистов».

Немного на тему, кого тогда славили и чем занималась правящая партия:

«...Осенью 1935 года среди бауманцев широко развернулось стахановское движение. Лозунгом дня стало: “Кадры решают все!” Партия поставила перед трудящимися задачу максимально использовать технику. Бауманцы следовали примеру тех, кто повторял подвиг Алексея Стаханова в других отраслях промышленности: машиниста Кривоноса, кузнеца Бусыгина, ткачих Виноградовых. В районе появились рабочие-многостаночники. Их почин подхватили другие. Вскоре портреты бауманцев — героев труда украсили улицы района. Сверкая белозубой улыбкой, на прохожих глядели с фотовитрин молодые рабочие Николай Матросов, Алексей Пискарев, Антонина Ламанова, Николай Стрелков, Павел Вуцыкин, Марфа Зуева, Зинаида Николаева.

Не забывали в районе и о шефской работе. Бауманцы шефствовали над Красной армией и над деревней. Наши подшефные колхозы находились в юго-восточной части Московской области. Предприятия посылали туда рабо-

чих, специалистов и даже целые ремонтные бригады. На весеннем севе в 1934 году в колхозе работал 281 коммунист из нашего района. 280 человек выехали на уборочную кампанию. Кроме того, 407 счетоводов и 100 бухгалтеров были посланы для налаживания колхозной отчетности, а свыше трех тысяч человек проводили массово-политическую работу.

Вскоре поехал в деревню и я. За последние четыре года в области произошли большие перемены. Распахали 400 тысяч гектаров целины. Еще в 1930 году до 4 тысяч хозяйств Московской области имели дело с сохой. Я не оговорился: не с плугом, а с сохой. Теперь же повсюду тарахтели тракторы...»

Немного экономических азов от человека, которому не нужны были менеджеры с Запада:

«Умение не распылять средства — особая наука. Допустим, надо соорудить за семь лет семь новых предприятий. Как сделать лучше? Можно ежегодно возводить по одному заводу; как только он вступит в дело, браться за следующий. Можно сразу возводить все семь. Тогда к концу седьмого года они станут давать всю продукцию одновременно. План строительства будет выполнен в обоих случаях. Что, однако, получится еще через год? За этот, восьмой год семь заводов дадут семь годовых программ продукции. Если же пойти первым путем, то один завод успеет дать семь годовых программ, второй — шесть, третий — пять, четвертый — четыре, пятый — три, шестой — две, седьмой — одну программу. Всего получается 28 программ. Выигрыш — в 4 раза. Ежегодная прибыль позволит государству брать из нее какую-то часть и вкладывать ее в новое строительство. Умелые капиталовложения — гвоздь вопроса. Так, в 1968 году каждый вложенный в экономику рубль принес Советскому Союзу 15 копеек прибыли. Деньги, затрачиваемые на не доведенное до конца строи-

тельство, мертвы и не приносят дохода. Мало того, они “подмораживают” и последующие расходы. Допустим, мы вложили в стройку первого года 1 миллион рублей, на следующий год — еще миллион и т.д. Если строить семь лет, то временно было заморожено 7 миллионов. Вот почему столь важно убыстрять темпы строительства. Время — деньги!»

О подготовке к войне с финансовой точки зрения:

«В 1938 году по смете Наркомата обороны ассигнования достигли 2,7 миллиарда рублей (21,3 процента всех расходов), в 1939 году — 4,1 миллиарда (26,3 процента расходной части бюджета), в 1940 году — 5,7 миллиарда рублей (32,2 процента).

Бюджет на 1941 год рассматривался и утверждался еще в мирное время. Тем не менее военные расходы были предусмотрены в размере 7,1 миллиарда рублей (33,8 процента). Выступления депутатов на последней предвоенной сессии Верховного Совета СССР (февраль 1941 года) наглядно свидетельствовали, что каждый из выступавших мыслил по-государственному и отчетливо понимал, что повлечет за собой малейшее промедление в столь важном деле. На сессии не только единодушно утвердили сумму, намеченную правительством, но и увеличили ее на 200 миллионов, доведя фактически до 7,3 миллиарда рублей».

Немного о том, как это — когда с царем на троне и без царя в голове:

«...Когда грянула Великая Отечественная война, перед финансовой системой были поставлены исключительно ответственные задачи. Требовалось мобилизовать крупные денежные средства, направив их на обеспечение нужд хозяйства, работавшего под лозунгом: “Все для фронта, все для победы!” Следовало немедленно сосредоточить в руках государства максимум финансовых ресурсов.

Опыт царской России в этом отношении был печальным. Так, Крымская война потребовала от страны расходов в 797 миллионов рублей, а Русско-турецкая война 1877—1878 гг. — 1075 миллионов рублей. Эти расходы больно ударили по всей экономике России. Еще тяжелее отразилась на хозяйстве Первая мировая война, к концу которой финансы были совершенно расстроены, а страна находилась на грани экономической катастрофы. Покупательная способность рубля снизилась до уровня довоенных 6—7 копеек. Во многом это определялось зависимостью от зарубежных монополий. Почти 55 процентов иностранных капиталовложений было размещено к концу войны в горной и металлургической промышленности. Но еще в 1914 году удельный вес таких капиталовложений в общей сумме акционерных капиталов России составлял 47 процентов.

Дефицит госбюджета составлял в 1914 году 39,1 процента; в 1915 году — 74,1; в 1916 году — 76; в 1917 году — 81,7 процента. Царское правительство было вынуждено стать на путь широкой эмиссии денежных знаков и прибегнуть к инфляции как источнику дополнительных средств, выкачиваемых из трудящихся. Грабя народ, царизм пытался обеспечить финансирование затрат на империалистическую войну и получение капиталистами прибылей. На русских кредитных билетах было напечатано, что они беспрепятственно обмениваются на золото. Но уже в начале войны был издан закон о прекращении такого обмена. Подобным способом попытались предотвратить утечку золота из казны и не допустить тезаврации (накопления сокровищ населением на дому) либо утечки за границу. Меры оказались безрезультатными. Уже в первые месяцы войны золото исчезло из обращения. Соответственно, изменился и характер эмиссии денежных знаков. Она не являлась более источником кредитования материальных ценностей, сильно сокращавшихся в условиях войны, а направлялась

на необоснованное увеличение суммы денег, находившихся в обращении. Лишь за первые полгода войны эта сумма возросла на 180 процентов, составив 2950 миллионов рублей; на 1 января 1916 года — 5617 миллионов; на 1 января 1917 года — свыше 9 миллиардов рублей.

Цены на товары резко росли. Рубль обесценивался. Так появилась потребность в новых займах, внутренних и внешних. Царизм получил за годы войны от союзников до 4 миллиардов рублей в иностранной валюте. Всю эту сумму использовали на оплату военных заказов, размещенных в других странах, оплату процентов по займам и частично на оплату закупувшегося вооружения. В результате и без того кабальная зависимость России от зарубежных держав еще более усилилась. Кредитные средства расходовались так, как хотелось англичанам. Англия стала не только банкиром, но и прямым указчиком при распределении русских военных заказов. Недаром В.И. Ленин подчеркивал, что русский капитал есть не что иное, как отделение всемирной “фирмы”, ворочающей сотнями миллиардов рублей и носящей название “Англия и Франция”.

К концу 1916 года российская экономика пришла в такое состояние, что на 1917 год вообще не удалось утвердить бюджет. Разразился, наряду с экономическим кризисом, кризис финансовый».

О военных финансах в руках настоящих руководителей. Большой кусок, и чисел много, но можете весь не читать:

«...В 1941 году военные расходы составили 8,9 миллиарда рублей. Изыскать столь большие средства, существенно превышавшие то, что было запланировано на 1941 год, оказалось нелегко. Мешали, помимо чисто военных причин (отступление, временная потеря территории с ее материальными и людскими ресурсами, эвакуация и т.д.), еще и некоторые диспропорции в развитии хозяйства, сохра-

нявшиеся с довоенного времени. В те годы металлургическая и химическая промышленность не удовлетворяла в полной мере потребностей страны. Не была завершена реконструкция железнодорожного транспорта. Отставало сельское хозяйство. А огромный размах военных действий и необходимость оснащать армию современной техникой требовали очень крупных затрат материальных и денежных средств. С 1 июля 1941 года до 1 января 1946 года расходы, связанные с запросами только наркоматов обороны и военно-морского флота, составили 55,1 миллиарда рублей — около 52,2 процента всех расходов госбюджета за этот период (данные приведены по курсу рубля, установленному с 1 января 1961 года). Сюда не входят суммы, пошедшие на многое другое.

Еще в начале Великой Отечественной войны Центральный комитет партии, Государственный Комитет Обороны, Госплан СССР и Наркомат финансов начали заниматься изысканием средств для помощи семьям погибших на фронте воинов и инвалидам войны. В результате были назначены многочисленные пенсии и пособия, организованы специальные республиканские и местные органы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. За четыре с половиной года на оплату таких пенсий и пособий только за счет госбюджета было израсходовано более 5 миллиардов рублей.

...Еще раз раскрылись преимущества социалистического строя. В результате 57—58% национального дохода, 65—68% промышленной и около 25 процентов сельскохозяйственной продукции удалось использовать непосредственно на военные нужды. ГКО разрешил нам охватить распределительной функцией финансов и государственные резервы (в мирное время они не подлежали нашему прямому контролю). Это помогло легче оперировать материальными и финансовыми ресурсами, устанавливая хо-

зайственные пропорции, удовлетворявшие нужды военного времени.

Вместе с тем мы должны были сохранить прочность государственной денежной системы, чтобы не повторились печальные явления Первой мировой войны; добиться сохранения твердых цен на продукты для населения и оптовых цен в промышленности. Тут снова сказались преимущества социалистического планового хозяйства. Наша победа в войне закономерно явилась победой не только социалистической экономики, а всего социалистического общественного строя.

...Увеличились поступления в бюджет от населения в виде налогов, а также добровольных взносов и займов. Во второй половине 1941 года расходы на финансирование народного хозяйства сократились на 2,2 миллиарда рублей. А после того как Красная армия начала изгонять захватчиков с нашей территории, часть средств стала использоваться для восстановления разоренного врагом народного хозяйства освобождаемых районов.

...Очень большое внимание в годы войны уделялось финансированию затрат на обучение молодых рабочих, заменивших ушедших на фронт отцов и старших братьев. Крупные суммы были израсходованы на училища трудовых резервов, а также, невзирая на военные тяготы, в достаточно больших размерах на просвещение, науку, здравоохранение, социальное обеспечение. Своевременный отпуск средств позволил ремесленным училищам и школам фабрично-заводского обучения выпустить и передать народному хозяйству в период войны около 500 тысяч квалифицированных рабочих. Вузы и техникумы выпустили за годы войны около 300 тысяч специалистов с высшим и более 275 тысяч со средним образованием. Расходы на социально-культурные мероприятия в 1941 году сократились с 4,8 миллиарда рублей до 3,1 миллиарда. Но уже в

1944 году они выросли до 5,1 миллиарда, а в 1945 году — до 6,3 миллиарда рублей. В целом расходная часть бюджета за четыре с половиной военных года составила 110 миллиардов рублей, то есть в 2 раза больше, чем объем бюджета за первую и вторую пятилетки, вместе взятые. А ведь государственные доходы резко уменьшились: то, что раньше шло в торговую сеть, теперь в основном отправлялось на фронт. Я не упоминаю к тому же о страшном ущербе, причиненном стране врагом. И тем не менее наши финансы выполнили стоявшие перед нами задачи.

...Была введена также “коммерческая” торговля с повышенными ценами на некоторые товары. Но и тогда цены на товары, отпускаемые по карточкам, остались неизменными. С введением “коммерческой” торговли государство могло воздействовать на уровень рыночных цен. Затем коммерческие цены постепенно снижались. Колхозный рынок вынужден был реагировать на это. Государство же за 1944—1945 годы получило от “коммерческой” торговли 1,6 миллиарда рублей дополнительных доходов. Все они были отнесены на текущий счет Вооруженных Сил.

Еще одним источником пополнения военного бюджета явилась мобилизация так называемых свободных финансовых ресурсов промышленности, торговли и банков долгосрочных вложений. Это дало свыше 2 миллиардов рублей. В целом за четыре с половиной военных года (до конца 1945 года) поступления от государственных предприятий только по двум основным каналам (отчисления от прибылей и налог с оборота) составили 47,3 миллиарда рублей, то есть около 45 процентов всех доходов госбюджета.

Прибавим сюда остальные доходы (подходный налог с кооперации в городе и деревне, поступления из сберегательных касс и органов государственного страхования, средства социального страхования, таможенные доходы, доходы местных бюджетов СССР и местных Советов). Все

это составило общий доход от социалистического хозяйства, который за годы войны равнялся 70 процентам всех государственных доходов.

...Очень большой вклад в финансы дали государственные займы. Среди трудящихся было распространено займов на сумму в 9 миллиардов рублей, то есть почти вдвое больше, чем за весь довоенный период.

Советские труженики помогали Родине чем только могли. По их инициативе был образован Фонд обороны. Лишь до конца 1943 года в этот фонд поступило 1,2 миллиарда рублей, не считая натуральных взносов в виде продуктов, вещей, драгоценностей и т.д.

...Еще одной формой участия населения в военных расходах страны были денежно-вещевые лотереи. В 1941—1944 годы провели четыре такие лотереи, давшие 1,2 миллиарда рублей. Значительные средства составила денежная компенсация за отпуска, перечисленная в спецвклады. Общая сумма ее равнялась 1,1 миллиарда рублей. Все это имело исключительное значение для денежного баланса Госбанка СССР. Дело в том, что возврат денежной наличности в банк происходит в основном через товарооборот в системе торговли. Так, до и после войны выручка от продажи товаров равнялась примерно 100—108 процентам от суммы выданной трудящимся заработной платы. А во время войны выручка упала до 55 процентов. Необходимый прирост денежных средств в кассах Госбанка обеспечивался в значительной мере путем налоговых платежей и добровольных взносов населения.

...Особенно много хлопот доставил выпуск денег в обращение (в первые годы войны) в размерах, превышающих потребности товарооборота. В результате к концу 1947 года (после чего была проведена денежная реформа) количество денег, находившихся в обращении, превышало довоенное в два с половиной раза. Правда, накануне вой-

ны денег, бывших в обращении, явно не хватало, и Наркомат финансов занимался изучением этой проблемы, с тем чтобы разрешить ее во второй половине 1941 года. Требовалось либо серьезно увеличить денежные доходы населения, либо существенно снизить цены на продукты и товары народного потребления. Но война помешала осуществить это...

...Иногда внезапно возникала ситуация, когда срочно требовалось пополнить казну крупной денежной суммой, а взять ее было неоткуда. Тут на помощь приходила продажа по "коммерческим" ценам товаров, пользовавшихся спросом.

Не раз и не два проводили мы пополнение бюджета таким образом совместно и с другими наркоматами. Слова "на нужды фронта" были в те дни волшебными.

...Война породила новые пропорции в хозяйстве. Например, в оборонной промышленности выросла заработная плата. Выросли рыночные цены на сельскохозяйственные продукты. Поввысились денежное содержание военнослужащих, пособия их семьям и пенсии инвалидам. А у государства, переставившего почти всю промышленность на военные рельсы, не было достаточно товаров. И горожане тратили дополнительные средства на покупку их на рынке.

В этих нелегких условиях удавалось все же наращивать товарные фонды таким путем, как расширение производства местных товаров. Но для этого были нужны особые накопления, которыми местная промышленность не располагала. Поэтому Госбанк стимулировал ее деятельность специальными кредитами. ...Однако добиться быстрой продажи еще мало. Она не даст результата, если полученные деньги осядут и не дойдут быстро до казны. Поэтому перемещение полученных от населения денег в государственную кассу (инкассация) приобретало важное

значение. Нам не хватало как инкассаторов, так и особых видов транспорта для перевозки денег. И все-таки за первые четыре года войны удалось поднять уровень инкассации торговой выручки. Прямо на рынках создавались специальные кассы. Они привлекали в банк выручку, только что полученную колхозами от продажи продуктов. А на селе деньги принимались почтово-телеграфными учреждениями.

Если правая рука в хозяйстве не ведает, что творит левая, проку не будет. Если при умелой инкассации рубли одновременно уплывают через другой канал, экономика станет дырявой. Поэтому банк усилил контроль за бережным расходованием наличных денег. Заметно снизил нормы остатков оборотных средств у всех предприятий и организаций. Выдачу наличных на административные расходы и командировки сократил.

Жестко контролировалась кассовая дисциплина. Наконец, поддерживались характерные для социалистической экономики основные принципы кредитования. В частности, прямой банковский кредит выдержал все военные испытания. В 1941 году вложения Госбанка составили 5,5 миллиарда рублей; в самом тяжелом 1942 году — столько же; в переломном 1943 году, когда кредиты еще “не пришли в себя”, — 4,8 миллиарда; в решающем 1944 году — 5,1 миллиарда; в завершающем 1945 году — 6,1 миллиарда рублей (причем уже в начале этого года кредитные вложения превысили довоенный уровень).

...Что касается внешней торговли, то здесь дело обстояло несколько иначе. Экспорт и импорт временно утратили былую надежность. Разве можно было, например, точно сказать, когда будет вывезено намеченное, согласно договору, допустим, в Афганистан? А когда придут корабли союзников в Мурманск или Архангельск с партией грузов? Тоже неясно. Выросли накладные расходы и ставки по

морскому фрахту. И в результате внешнеторговые организации обросли долгами. К концу 1945 года за ними числилось долгов свыше чем на 1,33 миллиарда рублей».

О том же, но после войны. И заметьте, что целью финансовой политики было снижение цен на товары, а не поиски объяснений, почему цены растут:

«Среди ряда мероприятий, проведенных советским правительством после войны, одним из крупнейших явилась демобилизация значительного контингента военнослужащих. В промышленности был восстановлен 8-часовой рабочий день, возобновлены отпуска рабочим и служащим, отменены сверхурочные работы. Шла перестройка руководящих органов страны: 4 сентября 1945 года упразднили Государственный Комитет Обороны, а его дела передали Совнаркому СССР. Появлялись новые наркоматы (транспортного машиностроения, строительства предприятий тяжелой индустрии), ликвидировались некоторые прежние (танковой промышленности). Производство металла находилось на уровне 1934 года, выпуск тракторов — на уровне 1930 года. Сплошь и рядом послевоенной осенью озимые сеяли вручную. Оборудование всех предприятий нуждалось в обновлении, выпуск предметов потребления составлял 3/5 довоенного уровня. Общие наши потери от прямого уничтожения врагом социалистического имущества достигали 679 миллиардов рублей.

Уже в августе 1945 года Госплан начал разрабатывать проект четвертой пятилетки — план восстановления и дальнейшего развития хозяйства страны. Основная цель плана — достичь предвоенного уровня производства, а затем существенно превысить его. С финансовой точки зрения это требовало огромных капиталовложений для улучшения условий жизни и труда. А капиталовложения возможны лишь при больших накоплениях, создаваемых к тому же высокими темпами. Одновременно следо-

вало укрепить денежное обращение, упрочить кредитные отношения и поднять покупательную способность рубля. Вторая группа мероприятий была решена денежной реформой 1947 года, а первая входила составной частью в программу финансового обеспечения пятилетки.

...Реализация всех этих предложений принесла ощутимую выгоду. Страна получила больше доходов, чем намечалось. Быстрее сложилась финансовая база для реформы 1947 года. К середине 1949 года количество денег, находившихся в обороте, в 1,35 раза превзошло предвоенное, а розничный товарооборот превысил довоенный в 1,65 раза. Это соотношение продукции и ее товарного эквивалента было оправдано. Улучшилась структура товарооборота. Удалось добиться снижения цен на товары. Такое снижение в 1947—1954 годах проводилось семь раз, причем уже к концу четвертой пятилетки государственные цены уменьшились на 41 процент, а к 1954 году они в среднем оказались ниже в 2,3 раза, чем до реформы. Прочность финансовой базы проявилась и в том, что государство, опираясь на дополнительные резервы, смогло увеличить плановые задания на второй (1947) и четвертый (1949) годы пятилетки. А это, в свою очередь, позволило уже в ходе четвертой пятилетки по некоторым отраслям работать в счет следующей, повысив национальный доход по сравнению с 1940 годом на 64 процента, а намеченные капиталовложения — на 22 процента».

А теперь немного о Сталине. В первом отрывке интересны два момента — время, когда Сталин занялся этой проблемой, и то, что тогда государственные руководители не подчиненным поручали дела, отправляясь при этом ловить щук на 21 кг, а сами работали над всеми деталями проблемы и сами находили решения даже этих, казалось бы, незначительных деталей.

«Помню, как-то в конце 1943 года часов в пять утра мне на дачу позвонил И.В. Сталин. Вечером я вернулся из Казахстана. Глава правительства извинился за поздний (правильнее было бы сказать — ранний) звонок и добавил, что речь идет о чрезвычайно важном деле. Вопросы, который последовал, я никак не ожидал. Сталин поинтересовался, что думает Наркомат финансов по поводу послевоенной денежной реформы.

Я ответил, что уже размышлял об этом, но пока своими мыслями ни с кем не делился.

— А со мною можете поделиться?

— Конечно, товарищ Сталин!

— Я вас слушаю.

Последовал 40-минутный телефонный разговор. Я высказал две основные идеи: неизбежную частичную тяжесть от реформы, возникающую при обмене денег, переложить преимущественно на плечи тех, кто создал запасы денег спекулятивным путем; выпуская в обращение новые деньги, не торопиться и придержать определенную сумму, чтобы первоначально ощущался некоторый их недостаток, а у государства были созданы эмиссионные резервы. Сталин выслушал меня, а затем высказал свои соображения о социальных и хозяйственных основах будущего мероприятия. Мне стало ясно, что он не впервые думает о реформе. В конце разговора он предложил мне приехать на следующий день в ГКО.

На сей раз беседа была долгой. Очень тщательно рассматривалось каждое предложение. Так, например, были подробно проанализированы перспективы перехода производства на мирный лад.

В войну значительная масса товаров поступает не к гражданскому населению, а в армию, розничный товарооборот не обеспечивает имеющегося спроса и деньги либо остаются на руках, либо перемещаются в карманы облада-

телей деревенской продукции или, что еще хуже, к спекулянтам, которые пользуются трудным моментом. Так или иначе, деньги минуют государственную казну. Нормальное денежное обращение нарушается. Для своевременной выдачи трудящимся зарплаты, обеспечения военных расходов и т.п. государство вынуждено прибегать всякий раз к эмиссии. Возникает излишек денег. С переходом к миру армия сократится, количество товаров и продовольствия для населения увеличится. Казна пополнится, исчезнет необходимость в дополнительной эмиссии.

Затем мы обсудили вопросы о том, как определить, у каких категорий населения оседает излишек денег? Чему равен размер государственного долга? Кто из граждан является кредитором по этому долгу? Сколько понадобится времени для напечатания новых денег? Год? Больше? Техника этого дела весьма сложна.

Сталин дал мне ряд указаний общего характера, которые следовало понимать как директивы. Можно было отступить от них в деталях, если того требовали особенности финансовой системы, но принципы должны были сохраняться неукоснительно. Вот в чем состояли эти принципы: чтобы финансовая база СССР была не менее прочна, чем до войны; неизбежный рост общих расходов и ежегодное увеличение бюджета в целом потребуют от системы организации финансов способности на протяжении ряда лет приспосабливаться к меняющимся условиям; трудности восстановления народного хозяйства потребуют от граждан СССР дополнительных жертв, но они должны быть уверены, что эти жертвы — последние.

Сталин специально, причем трижды, оговорил требование соблюдать абсолютную секретность при подготовке реформы. Он редко повторял сказанное им. Отсюда видно, какое значение придавал он полному сохранению этой тайны. Действительно, малейшая утечка информации при-

вела бы к развязыванию стихии, которая запутала бы и без того сложные проблемы. Еще хуже, если о замысле узнает враг и попытается использовать будущую ситуацию в своих целях. На том этапе подготовки реформы из всех сотрудников Наркомата финансов знал о ней я один. Сам я вел и всю предварительную работу, включая сложнейшие подсчеты. О ходе работы я регулярно сообщал Сталину. Знали об упомянутом замысле в тот момент еще кто-либо, мне не известно».

И наконец, некоторые историки, тот же Ю. Жуков, внедряют мысль, что Сталин, дескать, с начала 50-х был настолько немог, что уже практически не работал главой государства. Как видите, не только работал, но и продолжал инициировать решение проблем, в частности перед самой смертью решил заняться снижением налога с крестьян. Сделаю маленькое замечание — тут Зверев несколько уводит читателя в сторону. Унция применяется при международной торговле золотом, и именно поэтому Сталин требовал, чтобы министр финансов знал об унциях все.

«Расскажу, в частности, о сельскохозяйственном налоге. История эта уходит еще в довоенные годы. Когда разрабатывался закон об этом налоге, Сталин чрезвычайно настороженно отнесся к предложению Наркомата финансов увеличить его (мы мотивировали это грозной международной обстановкой и потребностью дать срочно крупные суммы в оборонную промышленность), но в конце концов согласился на увеличение обложения колхозников в 1,8 раза. Это значит, что вместо 30 рублей с колхозного двора стали бы взимать округленно около 50 рублей (в деньгах того времени).

...Дальнейшей разработке этой проблемы помешала Великая Отечественная война. С переходом к миру нужно было решать вопрос о снижении налогов военного времени.

Снова остро встал вопрос и о сельхозналоге. Опять потребовалось провести большое исследование, чтобы доказать необходимость его пересмотра. В центральном аппарате находились люди, которые были убеждены, что Министерство финансов заблуждается.

Сталин даже обвинил меня в недостаточной информированности относительно материального положения колхозников. Как-то он полушутя-полусерьезно сказал мне:

— Достаточно колхознику курицу продать, чтобы утешить Министерство финансов.

— К сожалению, товарищ Сталин, это далеко не так — некоторым колхозникам, чтобы уплатить налог, не хватило бы и коровы.

После этого я послал в ЦК партии сводку с фактическими данными. Цифры говорили сами за себя. Правительство приняло решение о снижении сельхозналога на одну треть.

...В начале марта 1953 года специально созданная комиссия рассматривала справку о размерах подоходного налога с колхозов, налога на граждан, занимающихся сельским хозяйством, и отдельных местных налогов. Некоторые члены комиссии внесли тогда предложение отдельно ввести налог с оборота и налог на трудодни. Я возражал, поскольку налог с оборота и так существовал: он образовывался в основном из разницы в заготовительных и розничных ценах на сельскохозяйственную продукцию, с учетом стоимости ее переработки, а также с учетом прибыли, получаемой перерабатывающими предприятиями. Таким путем государству передавалась часть национального дохода, созданная колхозами и колхозниками. Тогда мне поручили составить справку о размерах налога с оборота по отдельным видам сельхозпродукции. Там значилось, что налог с оборота по зерну был равен 85 процентам, по мясу — 75 процентам и т.д.

Эти цифры вызвали сомнение. Справку показали Сталину. В разговоре со мной по телефону Сталин, не касаясь происхождения цифр, спросил, как я истолковываю природу налога с оборота. Я ответил, что налог родственен прибыли, одна из форм проявления прибавочного продукта. Слышу: "Верно". Новый вопрос: "А помните, до войны один член ЦК на заседании ЦК назвал налог с оборота акцизом?" Я помнил этот случай; Сталин тогда ответил, что у акциза иная экономическая природа. (Между прочим, Сталин, опираясь на свою исключительную память, часто проверял осведомленность других. Так однажды он по телефону спросил у меня, чему равна унция. Я пояснил, имея в виду унцию, которой в СССР пользовались в ювелирном деле. "А еще какие бывают унции?" Унций вообще-то четыре вида, они разнятся по весу, но насколько именно, я с ходу не смог сказать. Сталин прочитал мне тогда нотацию...)

Далее Сталин спросил: чем объясняется столь высокий процент налога с оборота по основным видам сельскохозяйственной продукции? Я отвечал, что здесь выявляется разница между заготовительными и розничными ценами, установленными правительством на сельхозпродукты. Следующий вопрос: для чего мы раздельно берем прибыль и налог с оборота и не лучше ли объединить эти платежи? Говорю, что если объединим, хотя бы в виде отчислений от прибыли, то в легкой и особенно в пищевой промышленности возникнет прибыль процентов в 150—200; исчезнет заинтересованность в снижении себестоимости, которое планируется в размере 1—3 процента в год, ибо прибыль будет и без того велика, но не в результате работы.

Опять слышу реплику: "Верно!" Так были затронуты многие коренные проблемы деятельности финансов, причем ни разу не упоминался вопрос о сельскохозяйственном налоге. По окончании беседы Сталин сказал: "До

свидания” (редчайший случай: обычно он просто клал трубку).

Однако свидание уже не состоялось — через несколько дней И.В. Сталин скончался...»

Л. Берия

Справка

Родился Л.П. Берия 29 марта 1899 года на Кавказе, по национальности грузин, в партию большевиков вступил после Февральской революции и сначала начал работать в ЧК — в разведке и контрразведке. Чекистом был очень хорошим, был награжден орденами, а легендарный организатор и руководитель ЧК Ф.Э. Дзержинский наградил его почетным оружием за ликвидацию уголовного бандитизма на Кавказе, а также за ликвидацию дашнаков и разного рода антисоветских организаций. В конце 20-х Берия стал заместителем председателя ЧК по оперативной работе всех закавказских республик, фактически — генералом, и в это время он вдруг пишет заявление с просьбой освободить его от должности и дать ему возможность стать студентом и инженером-строителем. Его не отпустили, повысили в должности, назначив председателем ЧК Закавказья. В 1931 году он все же уходит из спецслужб и становится партийным руководителем всего Закавказья, и уже на этой должности показал себя мощнейшим организатором экономики.

При нем была развита нефтяная промышленность Каспия, Грузия получила металлургию, Тбилиси, который до этого был грязным захолустным городком, при Берии получил канализацию, водопровод, множество дворцов и прекрасных жилых домов. Берия завез на древнюю, страдающую от малярийных болот землю Колхиды эвкалипты и осушил эти болота, при нем производство отечественного чая увеличилось в 60 раз. Для сравнения: СССР в те годы

развивал экономику так, как и не снилось никому в мире, но Берия развивал экономику Закавказья в два раза быстрее, чем в среднем СССР. Л.П. Берия не был алчным, всегда жил скромно, без кичливости, с головой погружаясь в поручаемые ему дела.

В 1937 году у Советского Союза возникла беда — «ежовщина». Получив задание избавить Советский Союз от пятой колонны, нарком (министр) внутренних дел СССР предатель Н. Ежов подобрал в НКВД негодяев и обрушил террор, в том числе и на сотни тысяч невиновных людей. Потребовался безусловно честный и умный человек, способный одновременно продолжить борьбу с предателями и исправить преступления «ежовщины». Берию, вопреки его желанию, назначают народным комиссаром внутренних дел СССР. На этом посту Берия очистил аппарат НКВД от преступников, проникших на должности при Ежове, и начал пересмотр дел, заведенных при Ежове. Характерно то, что эта огромная работа была поручена не прокуратуре или суду, а именно НКВД под руководством Берии. Только в 1939 г. было выпущено на свободу 330 тысяч человек, и пересмотр дел продолжался и в последующие годы, одновременно Берия продолжал чистку страны от «пятой колонны». Перед войной Берия становится заместителем главы правительства СССР, оставаясь главой комиссариата внутренних дел (из которого к этому времени выделился комиссариат государственной безопасности).

С началом войны Л.П. Берия избирается одним из 5 членов Государственного Комитета Обороны, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти в СССР. Берии была поручена организация производства стрелкового вооружения, минометов, боеприпасов, танков, самолетов и моторов, а также организация работы наркоматов (министерств): оборонной промышленности, железнодорожного и водного транспорта, черной и цветной метал-

лургии, угольной, нефтяной, химической, резиновой, бумажно-целлюлозной, электротехнической промышленности, электростанций; Берия также контролировал вопросы формирования ВВС. В 1944 г. Берия избран заместителем председателя ГКО и председателем Оперативного бюро ГКО, рассматривавшего все текущие вопросы ГКО. То есть к концу войны Л.П. Берия был фактически вторым руководителем СССР. Само собой, он руководил НКВД, кроме этого, отвечал за тыл Красной армии, за партизанское движение в тылу противника. В 1942 году, когда доверие к генералам Красной армии упало до нижней точки, Л.П. Берия возглавлял оборону Кавказа.

После войны его разгрузили, освободив от руководства НКВД, но дополнительно поручили создание ядерного оружия, чуть позже — ракетных комплексов ПВО. В августе 1949 года была создана и испытана атомная бомба, в августе 1953 года, уже после убийства Берии, была впервые в мире испытана «сухая», то есть доступная к перевозке авиацией, водородная бомба.

Л.П. Берия вместе с Курчатовым — единственные Почетные граждане СССР.

Ответы на вопросы к годовщине убийства

Поскольку об убийстве Л.П. Берии я написал книгу «Убийство Сталина и Берии», то к данной дате ограничусь ответами на вопросы Нильса Иогансена, редактора отдела экономики газеты «Культура».

— Как, где и когда погиб Л.П. Берия, был ли он судим и расстрелян по закону либо его просто убили?

То, что он был убит 26 июня 1953 года, — безусловно. Но в связи с тем, что это было тайным убийством, никак не документированным и тщательно скрываемым, о подробностях которого даже соучастники, участники и свидетели далеко не все знали, то точно восстановить место убийства

трудно. Это мог быть штаб ПВО Московского военного округа, куда командующий ПВО Москвы Москаленко мог заманить Берию в связи с тем, что Берия руководил созданием ракетных зенитных комплексов, первые из которых ставились на защиту неба столицы. Меня больше убеждает именно эта версия. В то же время есть воспоминания свидетелей, из которых можно сделать вывод, что Берия был убит у себя дома в своем кабинете, куда убийцы приехали под видом решения деловых вопросов.

Убийство по закону — это расстрел по приговору суда. На 26 июня никакого суда над Л.П. Берией не было, не было даже решений правительства об аресте Берии и возбуждении против него уголовного дела. Факты показывают, что генералы Москаленко и Батицкий обязаны были не убить Берию, а обеспечить его прибытие на заседание Президиума ЦК КПСС. А на этом заседании Президиума должен был быть рассмотрен вопрос о Берии, поскольку Хрущевым была выдумана дезинформация о том, что Берия якобы организовал заговор.

Согласно сохранившимся тезисам предполагаемого выступления Маленкова по вопросу Берии и написанному им черновику предполагаемого решения Президиума от 26 июня (Маленков был на тот момент главой правительства СССР), Берию должны были освободить от всех занимаемых им должностей (заместителя главы СССР, Председателя Спецкомитета, министра объединенных министерств внутренних дел и госбезопасности) и назначить министром нефтяной промышленности.

При этом члены Президиума (кроме Хрущева, у которого были свои мотивы) были недовольны Берией не по причинам его «заговора» — в этот заговор вряд ли кто-то из членов Президиума по-настоящему верил. К примеру, в упомянутом черновике Маленкова о заговоре нет ни слова. И получается, что для большинства членов Президиума

«заговор» был лишь причиной круто поговорить с Берией и снять его с должностей по двум причинам. Во-первых, Берия, возможно, единственный точно исполнял решения XIX съезда КПСС, на котором партия была отстранена от государственной власти, и вся полнота власти в СССР перешла к Советам. И согласно новому Уставу, Берия игнорировал партийные органы и не давал им вмешиваться в дела правительства. «Подбор кадров и пропаганда» — вот требования Берии к партийным органам, и именно так требовал новый Устав КПСС. Но, оставшись без Сталина, Президиум ЦК КПСС фактически и негласно оставлял положение с властью в стране таким, каким оно было до XIX съезда КПСС, — Берия стоял у них на пути.

Во-вторых, Берия не соглашался прекратить ведущуюся еще с давних времен слежку за членами Президиума ЦК КПСС и высшими чиновниками государства. Слежка велась спецслужбами СССР (которые после смерти Сталина снова возглавил Берия) с целью защиты высших лиц государства от попыток предать СССР — от их контактов с иностранными резидентами и сомнительными лицами. Но, сами понимаете, такая слежка сильно мешала «личной жизни» этих бонз. Бонзы хотели простой личной свободы — тратить деньги, никому не объясняя их происхождения, и иметь любовниц, а доклады личной охраны правительству этому мешали. К примеру, Маленков так собирался попрекать Берию и сталинские порядки на Президиуме:

«Управл[ение] охр[аны] — ЦК

С утра до вечера шагу не шагне[шь] без контроля!

Наша охрана — у каждого в отд[ельности], тому, кого охр[аняют] (без доносов)

Мы при т[оварище] Ст[алине] недов[ольны]

Орг[анизация] подслушив[ания] — ЦК — контроль

Т[оварищи] не увере[ны] кто и кого подслуш[ивает]».

Еще подчеркну — никто из членов Президиума арестовывать Берия не собирался, и то, что Москаленко и Батицкий не привезли Берия на заседание Президиума, а доложили, что они его убили, надо думать, ввергло в шок всех членов Президиума (кроме Хрущева, это убийство и организовавшего).

Послал пулю в Берия генерал-майор П.Ф. Батицкий. Хвастаться палаческими функциями — это не по-русски, а он хвастается этим «подвигом», кроме того, под «актом о расстреле» стоит его подпись, следовательно, он его и совершил. Напомню, что после убийства Берии на Москаленко и Батицкого посыпались немерянные награды, предполагалось даже присвоить им звание Героев Советского Союза. Однако и без этого генерал-полковник Москаленко, 10 лет сидевший в этом звании, немедленно принял звание генерала армии и должность командующего Московским военным округом, а в 1955 году он уже становится маршалом. А штабник-пехотинец генерал-майор Батицкий сходу схватил звание генерал-полковника (!) и должность командующего ПВО Московского военного округа. Правда, в Википедии сообщается, что Батицкий был на тот момент уже генерал-лейтенантом, но я в данном случае больше верю Москаленко, а Москаленко пишет, что пригласил «на дело» генерал-майора Батицкого.

— Почему Л.П. Берия был убит именно в конце июня 1953 года, каких его шагов по реформам советского государства и КПСС так опасались его враги-партократы, с какой целью его так спешно «убрали»?

Судя по всему, в это время Берия выходил на финишную прямую в деле расследования убийства Сталина, и Хрущев не мог уже ждать, иначе Берия его разоблачил бы. Остальные партократы (буду их так называть, раз уж вы считаете это уместным) «неслись по воле волн».

Партократы были всего лишь политическими врагами Берии (выше я написал о причинах этих политических разногласий) и ни на какое убийство Берии не пошли бы. Берия был, как мне видится, одинок в среде высших партократов, а их было большинство, они вполне могли снять Берия с должности и засунуть куда-нибудь послом или начальником строительства, как впоследствии они это сделали с Маленковым и Булганиным. В конце концов, если бы Берия начал пропагандировать идеи XIX съезда внизу или Советах и создавать какой-то блок своих сторонников, партократы организовали бы настоящий суд над ним, как раньше это делали над членами оппозиции.

Решиться на убийство Берии мог только тот, кому самому грозила смерть от деятельности Берии. По-настоящему это мог быть лишь Хрущев. Наверное, у всех членов Президиума ЦК КПСС были подозрения в том, что со смертью Сталина что-то не чисто, но смерть Сталина была очень выгодна всем партократам — сторонники отстранения партии от власти лишались такого мощного вождя, как Сталин. А без Сталина можно было восстановить власть партии, то есть их, партократов, власть, в полном объеме. И именно поэтому даже выдающиеся партократы (те же Молотов и Каганович) сделали вид, что они верят в естественность смерти Сталина и что с этой смертью все в порядке. Не поверил в естественность смерти Сталина только Берия, и это видно по тому, какие действия он производил, став министром внутренних дел. Одно то, что он арестовал замминистра МГБ Огольцова, владевшего ядами скрытого действия, но формально никак не причастного к смерти Сталина, говорит о том, что Берия был уверен в том, что Сталин отравлен. Убийце — Хрущеву — была страшна именно эта часть деятельности Берии, а не, скажем, доносы личной охраны Хрущева о подробностях его личной жизни — то, что волновало Маленкова.

Партократам так же было невыгодно раскрытие убийства Сталина Берией по банальной причине — к чему выносить сор из избы, да еще и такой скандальный? Не выгодны им были и действия Берии по внедрению в жизнь решений XIX съезда, и именно по этой причине партократы, подавив в себе совесть, согласились с хрущевской бредовой версией «заговора Берии» и последующего как бы суда над ним и его как бы расстрела.

В свое время я позвонил последнему оставшемуся на тот момент в живых члену тогдашнего ЦК КПСС Н.К. Байбакову. В ходе разговора по техническим вопросам я спросил его, помнит ли он июльский 1953 года пленум ЦК, который состоялся через неделю после убийства Берии и был посвящен его «преступной» деятельности? Когда Николай Константинович его вспомнил (ему уже было 90 лет), я неожиданно задал ему вопрос: «Знали ли Вы на Пленуме, что Берия уже убит?» Он быстро ответил: «Нет, я тогда ничего не знал», — но затем, после заминки, сказал: «Но факт в том, что он оказался убитым». Я не верю Байбакову в том, что он до пленума не знал о том, что Берия уже убит, — уж больно круто и несправедливо на этом пленуме «обличал» Байбаков своего начальника Берию, — если бы Берия был жив и даже находился под арестом, Байбаков не стал бы поносить его так резко. До случая с Берией всех обвиняемых такого ранга члены ЦК вызывали на пленум для личных объяснений, скажем, тех же Бухарина и Рыкова, устраивали очные ставки, но в случае с Берией никто о вызове Берии на заседания пленума даже не заикнулся. Значит, скорее всего, все члены ЦК знали, что Берия уже убит. Знали, но молчали, и это молчание сделало их соучастниками убийства, вынужденными молчать и дальше.

Скорее всего, у партократов сначала были неуверенность и страх выступить в одиночку в защиту Берии. За-

тем благодаря своему молчанию все, повторю, стали соучастниками убийства Берии, после чего даже десятки лет спустя, при их попытке рассказать правду об убийстве Берии, они тут же наткнулись бы на вопрос: а почему ты молчал и позволил обманывать народ ложью о «суде над бандой Берии»?

— Почему «суд» над Л.П. Берией «шел» так долго, до конца 1953 года, для чего было устраивать такое длинное «представление», кому и зачем это понадобилось?

Суда не было — не было его заседаний, кстати, даже по версии лжецов сам суд был не очень длинным — 8 дней. Но убийцам, естественно, требовалось время на «следствие», чтобы сфабриковать документы для архивов и вообще — создать видимость тщательного расследования и судебного слушания. Скорее всего, подсудимых один раз собрали в зале, выделенном для суда, сфотографировали (Берии на фото, естественно, нет) и убили. А через 8 дней объявили о конце суда и приговоре.

— Кого непосредственно можно назвать убийцами Л.П. Берии, какова роль каждого из заговорщиков персонально?

Батицкий и Москаленко — это наемные убийцы, «киллеры». Сами они, разумеется, даже и «имея зуб» на Берию, ни на что не решились бы. Заказчики убийства — реальные убийцы Сталина — Хрущев и Игнатьев. (С.Д. Игнатьев — министр МГБ на момент убийства Сталина, ареста Игнатьева добивался Берия, став министром объединенного МВД.)

Прямые соучастники убийства — те, кто активно, а не молчанием, скрывали убийство Л.П. Берии, — те, кто фабриковал дело «банды Берии» и осудил невиновных. Поэтому председательствовавший в суде над «бандой Берии» маршал Конев и члены Судебного присутствия — Швер-

ник, Зейдин, Москаленко, Михайлов, Кучава, Громов и Лунев, — якобы судившие Берию и этих людей, не только сокрыли убийство Берии 26 июня, но и прямо являются убийцами еще 6 человек — Кобулова, Меркулова, Деканозова, Мешика, Влодзимирского и Гоглидзе.

О том, что суда над Берией не было, свидетельствует и вот еще какой факт. Когда подсудимого приговаривают к расстрелу, то он, естественно, это знает. Его ведут к палачу, в присутствии палача прокурор удостоверяется, что перед ним именно тот, кого надо расстрелять, они с палачом подписывают акт, и этим прокурор подтверждает палачу, что тот действительно убьет того, кого приговорил суд, и палач убивает. Что бы в это время не говорил и не делал приговоренный, но он знает, что приговорен, и палач из его слов в этом не усомнится. А представьте, что к палачу привели человека, который утверждает, что суда над ним еще не было. Да плюс на расстреле присутствует прокурор, которого палач лично не знает. Что палач подумает? Правильно — он поймет, что из него хотят сделать убийцу. Может возникнуть конфликт — вооруженный палач может потребовать своего начальника и того прокурора, с кем он обычно проводил казни, потребует от них разобратся с происходящим.

Таким образом, если бы суд действительно был и приговор был законен, то Генпрокурор СССР Руденко вполне мог вызвать палача в бункер штаба ПВО Московского военного округа (где убивали арестованных по «делу Берии»), и тот привел бы приговор в исполнение.

Но, согласно акту о казни, на самом деле не палач, а лично прокурор (Китаев) и лично член суда (Лунев) убили Кобулова, Меркулова, Деканозова, Мешика, Влодзимирского и Гоглидзе. Как вам нравятся эти и судьи, и палачи «в одном флаконе»?

Между тем все члены ЦК КПСС и вообще все, кто знал об убийстве Берии и членов «банды Берии», тоже являются преступниками, и не просто по понятиям человеческой морали, но и по закону, даже по сегодняшнему Уголовному кодексу. Это статья 312 — заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что преступники (несмотря на их относительную многочисленность) всю жизнь так тщательно скрывали события, связанные с убийством Берии, придерживаясь официальной версии. И именно по причине их молчания так трудно восстанавливать подробности, связанные с убийством Сталина и Берии.

— Почему Л.П. Берия — руководитель вновь объединенного МВД, — не предпринял никаких попыток обезопасить себя, сыграть на опережение? Чем он занимался в последние дни своей жизни?

Ну и что, что он был главой объединенного МВД? Разве это давало ему права и возможности игнорировать закон и действовать так, как действовали преступники? Он проводил расследование так, как того требовал закон.

Конечно, ему было бы легче, если бы он с самого начала понял, кто убийца Сталина, и принял меры к защите от действий этого человека. Но убийца Сталина — Хрущев — был близким другом Берии, об этом говорят многие независимые источники, даже не собираясь об этом сказать. Например, телохранитель Сталина вспоминал, как Берия и Хрущев играли в городки на даче Сталина, при этом беззлобно называя друг друга по ими же придуманным кличкам. Такое поведение свидетельствует о длительных дружеских отношениях между Хрущевым и Берией, соответственно, Берии, скорее всего, и в голову не могло прийти, что угроза следует от Хрущева.

Кому обязаны

Подытожу.

Хрущев организовал убийство одного из самых выдающихся государственных деятелей не только СССР, но и России с древних времен. Человека, который находил удовлетворение в великих свершениях своей Родины, кроме этого, умел эти свершения организовать. На фоне нынешнего политического клоповника, в котором целью являются только блага, дающиеся должностью, в котором никто не способен не только на душевный порыв, но и на элементарное творчество, Л.П. Берия смотрится как могучий канал на фоне сельской канализации...

Нынешние «демократы» у власти разворовали и разворовывают все — и запасы оружейного урана, и запасы нефти. Ну, так надо хотя бы знать, чей интеллектуальный труд на благо народа СССР они пускают на дорогую жратву и дорогих бл...дей.

СОДЕРЖАНИЕ

Недостатки начальников

А. Суворов	6
Г. Потемкин	16
Екатерина II Великая	24
Николай I и его «чекисты»	33
«Святой царь» Николай II	56

Особенности русского народа

Русские до и после революции	93
--	----

Каким должен быть хозяин России

Сталин как хозяйственник	198
Государственные деятели при Сталине	221

Массово-политическое издание

Юрий Игнатьевич Мухин

**ЧУЖИЕ И СВОИ.
РУССКАЯ ВЛАСТЬ ОТ ЕКАТЕРИНЫ II ДО
СТАЛИНА**

Редактор О.В. Селин

Художник Б.Б. Протопопов

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 02.06.16. Подписано в печать 28.06.16.

Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная.

Печ. л. 8 Тираж 2000 экз. Заказ №